

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Л.М. Прозументов, А.В. Шеслер

КРИМИНОЛОГИЯ
(Общая часть)

Учебное пособие

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2017

УДК 343.9(075.8)

ББК 67.51

П79

Прокументов Л.М., Шеслер А.В.

П79 Криминология (Общая часть) : учебное пособие. – Томск :
Издательский Дом Томского государственного универси-
тета, 2017. – 284 с.

ISBN 978-5-94621-638-8

Книга посвящена ключевым проблемам современной отечественной криминологии: предмету и методу этой науки, преступности и ее причинам, личности преступника, предупреждению преступности, криминализации и декриминализации деяний.

Названные проблемы раскрываются авторами на основе обширных статистических данных, характеризующих преступность в России в последние годы. В работе использованы труды отечественных и зарубежных криминологов, большой конкретно-социологический материал, дающие представление о современном облике преступности и ее причинах.

Для студентов, курсантов, магистров юридических вузов и факультетов, практических работников правоохранительных органов.

УДК 343.9(075.8)

ББК 67.51

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор *Д.С. Дядькин*,

доктор юридических наук, профессор *С.А. Елисеев*

ISBN 978-5-94621-638-8

© Прокументов Л.М., Шеслер А.В., 2017

© Томский государственный университет, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
Глава 1. Введение в криминологию.....	7
1.1. Предмет криминологии.....	7
1.2. Метод криминологии.....	15
1.3. Цели и функции криминологии.....	24
1.4. Место криминологии в системе наук.....	27
Глава 2. История зарождения и развития криминологии.....	36
2.1. Зарождение и развитие криминологии.....	36
2.2. Развитие отечественной криминологии в досоветский период.....	47
2.3. Развитие отечественной криминологии в советский и постсоветский периоды.....	50
Глава 3. Преступность и ее основные показатели.....	58
3.1. Понятие преступности.....	58
3.2. Основные показатели преступности.....	65
3.3. География преступности.....	75
3.4. Латентная преступность.....	82
3.5. Система учета преступности.....	87
Глава 4. Личность преступника (лица, совершившего преступление).....	93
4.1. Проблема личности в социальных науках.....	93
4.2. Понятие личности преступника (лица, совершившего преступление).....	98
4.3. Криминологическая характеристика личности лица, совершившего преступление.....	105
4.4. Типология и классификация лиц, совершивших преступления.....	112
4.5. Соотношение социального и биологического в личности лица, совершившего преступление.....	119
Глава 5. Детерминанты преступности.....	124
5.1. Отечественные научные концепции детерминант преступности.....	124
5.2. Понятие и классификация детерминант преступности.....	143

5.3. Общесоциальные детерминанты преступности.....	150
5.4. Социально-психологические детерминанты преступности.....	164
5.5. Детерминанты конкретного преступления.....	182
5.6. Механизм индивидуального преступного поведения	186
5.7. Роль потерпевшего в возникновении криминогенной ситуации	189
Глава 6. Предупреждение преступности.....	195
6.1. Понятие предупреждения преступности. Классификация мер предупреждения преступности	195
6.2. Объект предупреждения преступности.....	202
6.3. Субъекты предупреждения преступности	204
6.4. Система государственных субъектов предупреждения преступности и основные направления их деятельности.....	206
6.5. Правовые основы предупреждения преступности	229
Глава 7. Криминализация и декриминализация деяний	235
7.1. Понятие криминализации и декриминализации деяний	235
7.2. Роль и место криминализации и декриминализации деяний в системе правовых наук.....	239
7.3. Критерии криминализации и декриминализации деяний	242
7.4. Основания криминализации (декриминализации) деяний.....	245
7.5. Условия криминализации (декриминализации) деяний.....	259
7.6. Формы криминализации (декриминализации) деяний.....	268
7.7. Криминализация и декриминализация деяний как средство выражения уголовно-правовой политики	277
Заключение.....	283

ПРЕДИСЛОВИЕ

Позитивные изменения, происходящие в экономической, политической, социальной сферах жизни российского общества с начала 2000-х гг., несмотря на начавшийся мировой экономический кризис, обусловили с 2007 г. устойчивое ежегодное снижение регистрируемой преступности в стране. Так, в 2007 г. в России было зарегистрировано 3 582 514 преступлений (снижение по сравнению с 2006 г. составило 7,1%), а в 2014 г. – 2 190 578 преступлений (снижение по сравнению с 2007 г. – 38,9%). Однако мировой экономический кризис, усугубленный для России внешним давлением в связи с присоединением в 2014 г. к Российской Федерации Крыма и последовательным отстаиванием нашей страной своих геополитических интересов в последние годы¹, привел в 2015 г. к росту зарегистрированной преступности на 8,6% (до 2 388 476 преступлений) и проявлению крайне опасных ее тенденций (росту преступлений террористического характера на 35,8%, преступлений экстремистской направленности – на 27,7%, преступлений против личности – на 3,8%, преступлений против собственности – на 10,7%)².

В 2016 г. социальная ситуация в стране стабилизировалась. Это сказалось на улучшении показателей зарегистрированной преступности. Общее количество зарегистрированных преступлений по сравнению с 2015 г. снизилось на 9,6% и составило 2 160 063. Произошло также снижение количества зарегистрированных пре-

¹ См.: Стариков Н., Беляев Д. Россия. Крым. История. СПб., 2016.

² См.: Преступность и правонарушения (2006–2010) : статистический сборник. М., 2011; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2011 года. М., 2012; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2012 года. М., 2013; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2013 года. М., 2014; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2014 года. М., 2015; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2015 года. М., 2016; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2016 года. М., 2017.

ступлений против личности на 15,2% и преступлений против собственности на 11,8%, их число составило соответственно 347 322 и 1 232 421. Однако возросло количество преступлений террористического характера на 44,8% (всего 2 227 преступлений) и преступлений экстремистской направленности на 9,1% (всего 1 450 преступлений). Сложившаяся ситуация означает, что действующая в стране система предупреждения преступности оказалась не в полной мере готова к новым угрозам, которые несет в себе преступность в современный период.

Указанные обстоятельства побудили авторов настоящей работы вновь обратиться к проблемам, составляющим предмет криминологии, исходя из учета реально сложившейся криминологической обстановки в России. В работе не нарушена традиционная последовательность изложения материала. Авторы отказались от незаслуженной критики криминологических работ прошлых лет. Напротив, они стремились к позитивному использованию реальных достижений отечественной криминологии, хорошо осознавая, что каждое исследование отражает противоречия того времени, в котором оно было осуществлено. Именно поэтому в работе немало внимания уделено вопросам, относящимся к истории развития криминологической науки в России. Авторы видели свою задачу в том, чтобы при всех имевших место криминологических концепциях, относящихся к различным элементам предмета криминологической науки, взять сложившийся понятийный аппарат, методы исследования, рабочие гипотезы, подтвержденные реальной практикой общественной жизнедеятельности, теоретические положения, которые применимы и к реалиям сегодняшнего общества. Такая позиция позволила не только выявить ряд нерешенных криминологических проблем, но и высказать свое отношение к ним.

Авторы надеются, что настоящая работа поможет читателям, приступающим к изучению криминологии, освоить эту учебную дисциплину, среди исследователей вызовет позитивную критику, а работникам органов уголовной юстиции поможет в их практической деятельности.

ГЛАВА 1. ВВЕДЕНИЕ В КРИМИНОЛОГИЮ

1.1. Предмет криминологии

Название науки «криминология» образовано от двух слов: латинского *crimen* (преступление) и греческого *logos* (учение). Таким образом, в дословном переводе криминология – это наука о преступлении. Но в отличие от науки уголовного права, которая изучает преступления, ответственность и наказание за них в законодательной характеристике и правоприменительной практике, криминология исследует преступность, ее причины и условия, личность преступника и предупреждение преступлений как массовых социальных явлений.

В качестве самостоятельной отрасли знаний криминология существует менее двух веков. Хотя, бесспорно, некоторые суждения о причинах преступности и методах борьбы с ней встречаются еще в трудах римских и греческих философов, а также мыслителей XVI–XIX вв., но до второй половины XIX в. они не представляли еще самостоятельной системы научных знаний¹. Впервые термин «криминология», означавший самостоятельную науку, употребил итальянский исследователь Р. Гарофало, который в 1885 г. опубликовал монографию под аналогичным названием.

Предмет отечественной криминологии, по мнению многих исследователей, включает в себя четыре составные части (четыре группы изучаемых социальных явлений)²:

- а) преступность как социальное и уголовно-правовое явление;
- б) личность преступника как совокупность социальных свойств лица, совершившего преступление;

¹ Подобные суждения современные авторы называют предпосылками, или истоками криминологии (см., напр.: Клейменов М.П. Криминология. М., 2008. С. 24–31).

² См.: Криминология : учебник / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб., 2002. С. 13; Криминология : учебник / под ред. В.Д. Малкова, М., 2004. С. 7; Криминология : учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. 2-е изд., перераб и доп. М., 2004. С. 2.

в) детерминанты (причины, условия, факторы) преступности;
г) предупреждение преступности как деятельность, включающая в себя систему мер позитивного воздействия на преступность, личность преступника и детерминанты преступности.

Такое представление о предмете криминологии сформировалось не сразу, и хотя оно является доминирующим, однако не единственным. Одни ученые предлагают исключить из предмета криминологии отдельные блоки, другие, напротив, расширить его. Например, некоторые исследователи не рассматривали в качестве самостоятельного предмета криминологических исследований личность преступника, обосновывая это тем, что одни свойства личности преступника изучаются в разделе причин и условий преступности, другие – в разделе предупреждения преступности¹. Некоторые исследователи утверждали, что внимание криминологов нужно сосредоточить на изучении социально-психологического механизма индивидуального преступного поведения, поскольку нет социально-типичных свойств, отличающих лиц, совершивших преступления, от законопослушных граждан. Таким образом, подвергается сомнению правомерность существования самого понятия «личность преступника», ставится знак равенства между этим понятием и понятием субъекта преступления².

Более подробно эта проблема будет рассмотрена в дальнейшем. Сейчас же отметим, что в целях профилактики обществу всегда будет необходим портрет среднестатистического преступника, который помогает установить, какие свойства личности и в какой степени были включены в механизм преступного поведения. Это означает, что выделение в качестве самостоятельного предмета криминологических исследований социальных свойств преступников объективно необходимо. Однако, учитывая, что нет преступника как определенного социально-психологического типа, пра-

¹ См.: Криминология / под ред. А.И. Долговой. М., 2003. С. 27.

² См.: Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Из истории создания всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности и решаемых ее участниками задач // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1988. Вып. 46. С. 5; Социальные отклонения. М., 1989. С. 185–189; Кудрявцев В.Н. Предисловие // Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991. С. 5–6.

вильнее этот раздел криминологии именовать «личность лица, совершившего преступление»¹.

В этой связи отметим, что данный раздел предмета криминологии необходимо расширить, поскольку криминолога интересует также личность лица с социально-отклоняющимся поведением, которое может совершить преступление². Например, проблема личности подростка, совершившего преступление в группе, никогда не исчерпывалась изучением только лиц, совершивших преступление в соучастии. Это обусловлено тем, что в преступную группу как реальную социальную общность входят все лица, создающие необходимые условия для ее жизнедеятельности, а не только участвующие в совершении конкретных преступлений³. Исключение этих лиц из предмета криминологических исследований означало бы невозможность вскрытия механизма образования таких групп, выработки мер по их разложению или переориентации.

Как уже отмечалось, предмет криминологии в юридической литературе предлагается как сузить, так и существенно расширить за счет включения в него в качестве самостоятельного раздела факторов преступности, так называемых «фоновых явлений», прогнозирования преступности, жертвы преступления, криминализации и декриминализации деяний.

Вопрос о включении в предмет криминологии факторов преступности поставлен вполне правомерно, поскольку очевидно, что

¹ См.: Криминология. М., 1992. С. 23–26; Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника : криминологическое исследование. М., 2010; Шеслер А.В., Курындина А.Н., Брусницын В.И. Личность лица, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств. Тюмень, 2010.

² См.: Долгова А.И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних, М., 1981. С. 112–113; Панкратов В.В. Предупреждение правонарушений несовершеннолетних – комплексная проблема // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1988. Вып. 46. С. 30; Криминология и профилактика преступлений. М., 1989. С. 4–5.

³ См.: Борьба с групповыми правонарушениями несовершеннолетних. Киев, 1982. С. 12–13; Прокументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение. Томск, 1993. С. 16; Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминологические основания утяжеления наказания за совершение преступления группой лиц // Материалы X Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26–27 мая 2016 г. М., 2016. С. 321–324.

помимо причин и условий преступности на ее существование влияют и другие детерминанты, связь которых с преступностью является не причинно-следственной, а функциональной. К числу таких факторов относят урбанизацию, миграцию населения, изменение его половозрастной структуры и ряд других¹. Вопрос, однако, состоит в том, в какой степени криминолога должны интересовать эти явления. Думается, что явления, влияющие на преступность, но не порождающие или не обуславливающие ее, не могут быть самостоятельным предметом криминологии, поскольку для ее предмета важны не они сами по себе, а их влияние на состояние преступности. Именно поэтому факторы преступности должны изучаться наряду с другими ее детерминантами – причинами и условиями.

Иной подход к факторам преступности означал бы полную неопределенность предмета, метода и задач криминологии. Вместе с тем такой подход существует. Например, в монографию А.М. Яковлева «Социология экономической преступности» включены разделы, которые к экономической преступности никакого отношения не имеют и могут представлять интерес только для ученых-экономистов: экономика как социальный институт, социальные нормы в экономике, социальные роли и т.д. Такой уровень абстрагирования от предмета криминологии нередко приводит автора к упрощенному выводу о взаимосвязи экономических факторов и преступности. Например, автор утверждает, что кражи на предприятии приобретают массовый характер, когда зарплата не эквивалентна вознаграждению за труд². Излишняя категоричность такого утверждения очевидна, поскольку ни одной экономической системе не удастся достичь адекватного соответствия между трудовым вкладом работника и его материальным вознаграждением. Однако уровень хищений на различных предприятиях даже при

¹ См., напр.: Аванесов Г.А. Криминология. Прогностика. Управление. Горький, 1975. С. 321–322; Гарбуз В.И. Алкоголизм и преступность в капиталистических странах. М., 1973. С. 4–5, 25–38; Шахматов А.В. Преступность : методические указания для применения системного и вероятного методов исследования. Л. – Красноярск, 1978. С. 3, 20–22, 24, 34–35.

² Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М., 1988. С. 137.

одной экономической системе может существенно отличаться, поскольку зависит от целой совокупности факторов (системы охраны производственной территории, постановки работы по учету материальных ценностей и т.д.). Кроме того, отсутствие эквивалентного вознаграждения за труд порождает не только и не столько кражи на производстве, сколько другие нежелательные для предприятий последствия: увольнение квалифицированных кадров, маскируемое безделье, решение в рабочее время своих личных проблем и т.д.¹

«Фоновые» явления, т.е. допреступные формы социально-отклоняющегося поведения (проституция, алкоголизм и т.д.), привлекли внимание криминологов в связи с тем, что они тесно связаны с преступностью, создают общий негативный «фон» для ее существования или имеют прямые криминальные проявления. Например, взаимосвязь проституции и преступности можно проследить по следующим направлениям:

– определенные проявления проституции являются криминальными (вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией, организация или содержание притонов для занятия проституцией);

– проституция сопряжена с целым рядом половых преступлений (развратные действия в отношении малолетних, заражение венерической болезнью или ВИЧ-инфекцией и т.д.);

– проституция оказывает аморальное воздействие на определенные группы населения, способствует формированию негативных установок и ценностных ориентации личности;

– проститутки входят в «группу риска», т.е. чаще обычных граждан являются потенциальными преступниками или жертвами преступных посягательств².

¹ Отметим, что наша позиция, безусловно, носит спорный характер, а монография А.М. Яковлева является фундаментальным исследованием проблем экономической преступности. Актуальность выводов, сделанных А.М. Яковлевым, возрастает в связи с переходом общества к рыночной модели жизнедеятельности, многие из этих выводов оказались для России сегодня достоверным криминологическим прогнозом.

² См.: Проституция и преступность. М., 1991. С. 4–7, 139–140.

Указанные обстоятельства, естественно, предполагают включение «фоновых» явлений в круг криминологических исследований. Однако вряд ли можно поддержать встречающиеся в литературе суждения о том, что криминология должна в равной степени изучать и социально-отклоняющееся, и преступное поведение как конкретные разновидности антиобщественного поведения, а также разрабатывать общие меры профилактики этого поведения, применяемые ко всем его разновидностям¹. Такая позиция приводит к двум нежелательным последствиям.

Во-первых, все виды социально-отклоняющегося поведения отдельными исследователями рассматриваются не как относительно самостоятельные явления, имеющие специфические особенности, а как явления, имеющие в основном криминальный исход. Соответственно этому при изучении «фоновых» явлений используются в основном методы и теоретические подходы, которые применяются при изучении преступности². Такой подход является крайне односторонним, не позволяет установить все многообразие негативных проявлений социально-отклоняющегося поведения, выявить его причины, разработать специфические меры профилактики³.

Во-вторых, возможна другая крайность, при которой преступность будет рассматриваться в равной мере со всеми формами социально-отклоняющегося поведения в рамках одной науки на слишком высоком уровне абстрагирования от специфики каждой конкретной формы такого поведения⁴. При таком подходе преступность будет изучаться в основном с точки зрения признаков, сближающих ее с другими видами поведения, отклоняющегося от социальных норм. Это будет существенно обеднять результаты

¹ См.: Миллер А.И. Противоправное поведение несовершеннолетних (генезис и ранняя профилактика). Киев, 1985. С. 49–54.

² Такой подход, на наш взгляд, применили авторы коллективной монографии «Социальные отклонения» (Социальные отклонения. М., 1989).

³ См.: Сахаров А.Б. Криминология и ее значение для профилактической деятельности органов внутренних дел. М., 1965. С. 28.

⁴ А.А. Примаченок предложил назвать такую науку деликтологией (см.: Совершенствование уголовно-правовой системы мер борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. Минск, 1990. С. 43).

криминологических исследований, поскольку не позволит выявлять специфику именно преступного поведения¹.

Конструктивным, на наш взгляд, является подход, при котором криминологи будут изучать социальные отклонения не как самостоятельное явление в целом, а как факторы преступности, т.е. отдельные проявления социальных отклонений, связанные с преступностью. Такой подход, с одной стороны, позволит избежать «монополизации» криминологией изучения социально-отклоняющегося поведения, с другой стороны, избавит криминологию от изучения преступности исключительно как разновидности антиобщественного поведения.

Включение прогнозирования преступности в предмет криминологии обосновывается тем, что прогнозирование является самостоятельной функцией науки криминологии². Действительно, криминология существует для того, чтобы раскрыть и показать закономерности, связанные с существованием преступности, а также чтобы дать обществу определенный прогноз состояния преступности в будущем и исходя из этого выработать концепцию по ее предупреждению³. Однако это не означает, что предмет криминологии (то, что изучает наука) должен расширяться за счет включения в него задач криминологии (того, для чего проводятся научные исследования). Задачи, стоящие перед криминологией, несомненно, определяются содержанием ее предмета, однако не поглощаются предметом этой науки⁴.

Включение в качестве самостоятельного элемента в предмет криминологии жертвы преступления обосновывается тем, что преступное поведение во многом обусловлено поведением потерпевшего. Действительно, взаимосвязь между преступником и его жертвой существует, поэтому криминология не может остаться

¹ Активным сторонником критикуемого подхода является Я.И. Гишинский (см.: Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2002; Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб., 2004).

² См.: Аванесов Г.А. Криминология. Прогностика. Управление. Горький, 1975. С. 23–26; Клейменов М.П. Криминология. М., 2008. С. 183–184.

³ См.: Криминология и профилактика преступлений. М., 1989. С. 7–8, 203.

⁴ См.: Криминология. М., 1992. С. 32–35.

в стороне от этой проблемы, актуальность которой в современный период возрастает в связи с существующим состоянием преступности и повышением риска населения оказаться жертвой преступного посягательства. В частности, практически слабо защищенным от преступности в России оказался еще недостаточно сформированный рынок страховых услуг¹.

Однако все это не означает, что предмет криминологических исследований должен быть расширен. Актуальность проблемы должна повлиять прежде всего на интенсивность исследований. Потерпевший интересует криминологию не сам по себе, а как элемент механизма индивидуального преступного поведения, поэтому и жертва преступления должна изучаться не как самостоятельный предмет, а в одном разделе с детерминантами преступности и в разделе предупреждения преступности. Именно в этом направлении и следует, на наш взгляд, активизировать научные исследования.

В этой связи также отметим, что мы не поддерживаем распространенное в литературе мнение о формировании самостоятельной науки о жертве преступления – виктимологии². Говорить о существовании и даже о формировании такой науки преждевременно, поскольку то, что считается предметом этой науки, поглощается предметом других наук и прежде всего криминологией³. Однако это не исключает возможности междисциплинарного исследования потерпевшего.

Гораздо больше оснований существует для выделения в качестве самостоятельного предмета криминологии проблемы криминализации и декриминализации деяний. Существование уголовного закона, его содержание во многом зависят от криминологических явлений и прежде всего от состояния преступности. Именно

¹ См. напр.: Боровских Р.Н. Криминологические, уголовно-правовые и криминалистические проблемы противодействия преступлениям в сфере страхования. Новосибирск, 2016.

² См.: Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской криминологии. Душанбе, 1977. С. 7–8; Полубинский В.И. Виктимология и профилактика правонарушений органами внутренних дел. Омск, 1990. С. 36–40; Ривман. Д.В. Криминальная виктимология. СПб., 2002. С. 293.

³ См.: Вандышев В.В. Новые книги по проблемам виктимологии // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. Иркутск, 1982. С. 116.

поэтому немислимо совершенствование уголовного законодательства без предшествующих ему глубоких криминологических исследований¹. Однако криминализация и декриминализация деяний является междисциплинарной проблемой, поскольку составляет предмет и криминологии, и уголовного права. Криминологию интересует главным образом социальная и криминологическая обусловленность уголовно-правового запрета, а уголовно-правовую науку – законодательная техника криминализации и декриминализации деяний².

1.2. Метод криминологии

Понятие метода криминологии является обобщающим и включает в себя:

- 1) методологию – философскую основу науки;
- 2) методы – конкретные приемы и способы исследования;
- 3) методику – совокупность конкретных методов (технику исследования), применяемых при изучении конкретных проблем преступности (например, при изучении групповой преступности)³.

Методологической основой отечественной криминологии в течение многих десятилетий был диалектический и исторический материализм. Эта методология позволила рассматривать преступность, ее причины и условия как явления социальные в их историческом развитии. Исходя из такого методологического подхода решающее значение в предупреждении преступности отводилось мерам общесоциального характера (позитивным изменениям в жизни общества), а не мерам специально-профилактическим. Однако эта методология наложила на криминологов и идеологические «оковы», не позволяющие в полной мере связать преступ-

¹ См.: Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 3–5.

² См.: Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск, 2012. С. 12–13; Уголовное право. Общая часть / под ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. Томск, 2016. С. 47–54.

³ См.: Панкратов З.В. Методология и методика криминологических исследований. М., 1972. С. 11–13, 37; Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. Томск, 2007. С. 13.

ность с социальными процессами, происходившими в обществе. Данное обстоятельство обусловлено тем, что социализм объявлялся антикриминогенным по своей природе обществом. В период кризиса тоталитарной системы абсурдность этого идеологического постулата стала очевидной, и многие криминологи без критического осмысления стали отказываться не только от марксизма как «единственно верного учения о развитии общества», но и вообще от какой-либо методологической основы в проведении конкретных криминологических и иных правовых исследований¹.

Такой подход, игнорирующий какую-либо мировоззренческую основу науки, ведет к ее выхолащиванию, формализации и существенно снижает ее результативность (практическую значимость результатов). Иллюстрацией к изложенному выше положению является то обстоятельство, что на протяжении нескольких лет в период перехода общества к рынку криминологи не смогли разработать концепцию предупреждения преступности, а принятые в этот период Федеральная программа РФ по усилению борьбы с преступностью на 1994–1995 гг.² и Федеральная целевая программа по усилению борьбы с преступностью на 1996–1997 гг.³ не имели четких стратегических ориентиров. Такое положение вряд ли можно считать нормальным, и чтобы избежать «скатывания» криминологии к эмпиризму, решению незначительных частных проблем, следует заимствовать то положительное, на чем методологически основывалась отечественная криминология в недавнее прошлое.

Так, опираясь на *принцип историзма*, один из важнейших принципов познания, криминология исследует обстоятельства, повлекшие за собой возникновение преступности как социального явления, и изменения, которые претерпевает преступность на различных этапах общественного развития.

Криминология описывает изучаемые ею явления, используя такие философские категории как *общее*, *особенное* и *единичное*. Преступность как относительно массовое (в криминологическом смысле) явление представляет собой то, что на языке философии

¹ См.: Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. М., 2009. С. 33–34.

² Собрание законодательства РФ. 1994. № 5. Ст. 403.

³ Собрание законодательства РФ. 1996. № 22. Ст. 2696.

именуется общим. Это общее неоднородно в целом ряде отношений. Образующие его виды преступности и группы преступлений характеризуются своими, специфическими для каждого вида преступности и группы преступлений, чертами. Поэтому виды преступности (группы преступлений) объясняются в криминологии как особенное. Наконец, как преступность в целом, так и ее виды (группы преступлений) реально существуют в виде совокупности уголовно противоправных деяний, т.е. в массе своих единичных проявлений.

Соотношение между преступностью и преступлением становится еще более ясным, если использовать философские категории *необходимого* и *случайного*. Отдельное преступление всегда является случайным событием в том смысле, что оно могло и не иметь места. О преступности этого сказать нельзя. В этой связи мы говорим, что переход массы случайных событий в закономерное явление на данном этапе развития общества представляет собой частный случай философского превращения отдельного в общее, случайного в необходимое.

Большую роль в криминологии играют философские категории *явления* и *сущности*. Общеизвестно, что многие явления, относящиеся к предмету криминологических исследований, предстают перед исследователями в виде, серьезно осложняющим познание их сущности.

Так, установив в результате изучения данных статистики, что в определенном регионе регистрируется очень мало фактов совершения несовершеннолетними преступлений в группе, нельзя спешить с выводом о том, что в этом регионе групповая преступность несовершеннолетних изжита. Необходимо выяснить, не является ли наблюдаемая картина следствием недостаточной активности правоохранительных органов в борьбе с групповой преступностью несовершеннолетних.

Опираясь на философский закон *всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости явлений* природы и общества, можно утверждать, что преступность не существует и не может изучаться изолированно, вне ее связи с иными социальными процессами. Общеизвестно, что на преступность оказывают влияние экономические, демографические и другие явления. Поэтому объектом изучения являются связи между самими криминологически значимыми яв-

лениями. Так, криминология выявляет зависимости между тенденциями различных видов преступности (групп преступлений), между личностью преступника и характером совершенных им преступлений и т.д.

Взаимосвязь между изучаемыми криминологией явлениями принимает различные формы. Наиболее важной для криминологической науки является причинная связь, под которой понимается объективно существующее отношение между явлениями, при котором одно или несколько взаимодействующих явлений (причина) порождает другое явление или ряд явлений (следствие).

На законе всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости явлений основывается широко применяемый в криминологии общенаучный метод познания – *системный подход*. Этот метод предполагает рассмотрение исследуемого объекта как некоторого единства взаимодействующих элементов, а качество объекта определяется не столько набором (суммой) составляющих его элементов, сколько характером взаимодействия между ними.

В криминологии широко применяется и другой общенаучный метод познания – *структурно-функциональный анализ*. Его сущность состоит в выявлении образующих систему элементов (подсистем) и функции (роли), которую играет каждый из элементов в сохранении устойчивости системы. Так, значение профилактики преступлений может быть правильно объяснено только при том условии, что она будет изучаться во взаимодействии с другими элементами, входящими в систему мер борьбы с преступностью, а вклад профилактических мер в укрепление правопорядка – как ее функция, т.е. последствия (результаты) осуществления этих мер.

Среди конкретных методов для криминологических исследований наибольшее значение имеют статистические и социологические методы.

Статистические методы применяются:

а) для цифровой характеристики количественно-качественных показателей преступности;

б) для установления зависимости между преступностью и другими социальными процессами (например, между уровнем жизни и преступностью);

в) для формирования прогноза о состоянии и тенденциях преступности;

г) для оценки эффективности деятельности правоохранительных органов (например, уровня раскрываемости преступлений).

В криминологических исследованиях используются в основном такие статистические методы как статистическое наблюдение, группировка, сводка и статистический анализ.

Статистическое наблюдение представляет собой сбор сведений о преступлениях, учтенных и зарегистрированных в документах первичного учета, которые ведутся в правоохранительных органах. Например, в России к документам первичного учета, содержащим сведения о преступности относятся:

- статистическая карточка на выявленное преступление;
- статистическая карточка о результатах расследования преступления;
- статистическая карточка на преступление, по которому лицо, его совершившее, установлено;
- статистическая карточка на лицо, совершившее преступление;
- статистическая карточка о движении уголовного дела;
- статистическая карточка о результатах возмещения материального ущерба и изъятия предметов преступной деятельности;
- статистическая карточка о результатах судебного рассмотрения.

Группировка представляет собой систематизацию документов первичного учета, подсчет данных, их распределение по определенным признакам. В зависимости от того, по каким признакам осуществляется распределение статистической совокупности, выделяют типологические, вариационные и аналитические группировки¹. Типологические группировки предполагают распределение явлений по качественным признакам, которые не могут выражаться в цифровом виде. Например, типологической группировкой будет распределение осужденных по группам в зависимости от вида совершенного преступления. Вариационные группировки – это распределение исследуемых явлений по количественным признакам. Особенности этих признаков состоят в том, что они, во-первых,

¹ См.: Криминология. М., 1988. С. 26.

выражаются в численных величинах, во-вторых, являются варьирующимися, т.е. изменяющимися¹. Вариационной группировкой будет, например, распределение осужденных в зависимости от числа судимостей². Аналитические группировки предполагают распределение исследуемой совокупности по зависимостям между двумя или более группам. Например, аналитической группировкой будет распределение осужденных за убийства по уровню образования.

Сводка предполагает сведение результатов, обработки данных воедино и их воплощение в форме, доступной для восприятия, т.е. в виде таблиц, графических изображений и т.д.

Статистический анализ представляет собой обобщение, сравнение, сопоставление полученных данных между собой.

Среди *социологических методов* наибольшее распространение получили наблюдение, опрос, анализ документов, экспертная оценка, социометрия, гораздо реже используются такие методы, как эксперимент, тестовые испытания.

Наблюдение предполагает целенаправленное восприятие исследователем изучаемого явления³. Оно может быть *включенным* и *не включенным*⁴. Включенное наблюдение предполагает изучение исследуемого объекта изнутри. Например, для изучения микросреды осужденных исследователь анонимно под видом осужденного может включиться на определенное время в жизнедеятельность отряда. Однако применение этого метода ограничено в связи с закрытым характером криминальной среды⁵. При не включенном наблюдении исследователь изучает ситуацию, сам в ней не участвуя. Например, находясь в исправительной колонии, исследователь наблюдает жизнь осужденных со стороны, не участвуя в их жизнедеятельности. Такое наблюдение хотя и применяется чаще

¹ См.: Игнатъев А.А., Михлин А.С. Применение выборочного метода в исправительно-трудовом праве. М., 1969. С. 18–21.

² См.: Федорев П.Р. Отрицательно характеризующиеся осужденные в местах лишения свободы. М., 2006. С. 59–60.

³ См.: Ковалев А.Г. Курс лекций по социальной психологии. М., 1972. С. 21.

⁴ См.: Кузьмин Е.С. Основы социальной психологии. Л., 1967. С. 28.

⁵ См.: Башкатов И.П. Групповая интеграция несовершеннолетних правонарушителей // Совершенствование деятельности воспитательно-трудовых колоний и профилактика молодежной преступности. М., 1992. С. 82–83.

включенного наблюдения, однако дает менее достоверные, более поверхностные знания.

Опрос предполагает изучение тех сторон проблемы, которые с трудом поддаются наблюдению или не могут быть наблюдаемы вообще, и представляет собой обращение к носителю информации об этой проблеме¹. В криминологии применяются такие виды опроса, как анкетирование, беседа и интервью². Каждый из этих методов имеет определенные преимущества и недостатки.

Анкетный опрос представляет собой получение ответов в письменной форме на сформулированные в анкете вопросы от носителя информации – респондента. Преимущество этого вида опроса состоит в том, что можно опросить большой круг респондентов. Однако такой опрос является неполным психологическим контактом с затрудненной или отстающей во времени обратной связью, поскольку общение исследователя и респондента опосредовано анкетой³.

Этот недостаток в определенной мере компенсируется другой формой опроса – *беседой*, предполагающей непосредственное межличностное общение, взаимный обмен мнениями. Недостаток этого метода состоит в том, что он не позволяет одновременно охватить большой круг респондентов.

Более мобильным и пригодным для широкого опроса, предполагающим межличностное общение является *интервью*. Однако и этот метод вызывает определенные затруднения психологического контакта исследователя с респондентом, так как опрос производится по очень ограниченному кругу вопросов, свободный обмен мнениями отсутствует, мотивы ответов респондентов остаются невыясненными.

Таким образом, использование того или иного вида опроса во многом зависит от целей и задач криминологического исследования.

Метод анализа документов активно применяется криминологами при изучении уголовных дел, обобщении практики правоохранительных органов, материалов прокурорских проверок, дру-

¹ См.: Как провести социологическое исследование. М., 1990. С. 18.

² См.: Панкратов В.В. Методология и методика криминологических исследований. М., 1972. С. 47.

³ См.: Бутенко И.А. Анкетный опрос как общение социолога с респондентом. М., 1989. С. 13–14.

гих официальных документов. Изучение каждого вида документа требует специфической методики. Например, изучение уголовного дела осуществляется в основном с помощью бланка-анкеты, предусматривающей перечень вопросов по следующим разделам: сведения о преступлении; сведения о личности лица, совершившего преступление; сведения о причинах и условиях совершения преступления; сведения о наказании и других формах уголовной ответственности или об освобождении лица от уголовной ответственности и наказания; сведения о применении профилактических мер.

Метод экспертной оценки является по существу разновидностью опроса, однако опросу при применении этого метода подвергаются специалисты в области предупреждения преступности – ученые-правоведы и работники правоохранительных органов. Результаты такого опроса являются экспертными оценками. Цель применения этого метода состоит в получении компетентного мнения о состоянии преступности и прогноза о состоянии преступности на будущее.

Социометрический метод применяется для изучения внутренней структуры группы¹. Его использование в криминологии связано с изучением микросреды осужденных, преступных и криминогенных групп. Результат этого метода состоит в получении социограммы, графически изображающей структуру группы и дающей характеристику ее основных свойств: лидерства, межличностных отношений, ядра, степени межличностного взаимодействия участников группы и т.д. Хотя социометрический метод активно используется в криминологических исследованиях, его эффективность является гораздо меньшей, чем при обычных социологических исследованиях. Это обусловлено прежде всего закрытым характером криминогенной и преступной среды, ограниченной возможностью изучать эту среду в естественном состоянии, отсутствием возможности создать лабораторные условия для изучения этой среды².

¹ См.: Рабочая книга социолога. М., 1976. С. 420–442; Морено Я.Л. Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе. М., 2001. С. 54–55, 84–85.

² См.: Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 6–7.

Метод тестовых испытаний, основанный на сочетании метода опроса и эксперимента, является в большей степени психологическим методом, чем социологическим. Суть его состоит в том, что исследуемому дается задача (тест), которую он должен решить, т.е. высказать письменно свое отношение к смоделированной в задаче ситуации. Тесты активно используются для изучения личности лица, совершившего преступление, в частности для изучения его правосознания, умственных способностей, ценностных ориентаций и т.д.

Метод сравнительного правоведения является по существу единственным правовым методом, применяемым в криминологии. Этот метод используется для сравнения явлений, составляющих предмет криминологии, например для сравнения общероссийского состояния преступности и состояния преступности в отдельном регионе.

Логико-языковой метод, основанный на сочетании правил формальной логики и языка, применяется в криминологии для анализа содержания терминов, образующих понятийный аппарат этой науки.

Развитие криминологии в последние десятилетия привело к проникновению в нее *математических и кибернетических методов*. Эти методы активно применяются для прогнозирования состояния преступности, установления зависимости между состоянием преступности и факторами преступности. Однако эти методы не могут быть основными в криминологии, поскольку социальные процессы более сложны и непредсказуемы, чем процессы, с которыми сталкиваются математика и кибернетика; общественная жизнь не может быть в полной мере формализована и выражена в цифровых показателях¹. Например, математические и кибернетические методы непригодны для выявления глубинных социальных детерминант преступности, поскольку они позволяют установить взаимосвязь лишь между преступностью и определенными криминогенными факторами, которые сами по себе не порождают преступность, не способствуют формированию или проявлению ее

¹ См.: Вичин С.Е. Моделирование в криминологии. М., 1973. С. 18–19; Криминология. М., 1992. С. 30.

причин (миграция населения, «неполные» семьи, алкоголизм и т.д.). Связь между этими факторами является не причинно-следственной, а корреляционной, связью сопутствия. Эта связь не выражает устойчивой социальной закономерности, а лишь означает, что значению криминогенного фактора соответствует несколько значений преступности как фактора результативного¹. Данное обстоятельство обусловлено тем, что связь между криминогенными факторами является многократно опосредованной другими социальными процессами и явлениями. Например, исследователи на протяжении многих лет фиксировали среди несовершеннолетних правонарушителей значительный удельный вес лиц, воспитывающихся в неполных семьях². Очевидно, что неполная семья непосредственно не связана с преступным поведением несовершеннолетних. Однако такая семья объективно обладает меньшими возможностями для позитивного воспитания ребенка: в ней, как правило, сложнее решать материальные проблемы, ребенок хуже усваивает разнополюсные социальные роли, реально ощущается дефицит общения родителя с ребенком и т.д.³ Будет ли ребенок из такой семьи правонарушителем или законопослушным гражданином, в большей мере зависит не от численности семьи (ее взрослых членов), а от наличия или отсутствия отчужденности ребенка от семьи⁴.

1.3. Цели и функции криминологии

Изложенные выше положения, относящиеся к предмету и методам криминологии, обуславливают и ее цели. В криминологии огромная роль принадлежит сравнительному анализу. Историческое и территориальное сравнение различных систем позволяет выявлять общие закономерности функционирования преступности

¹ См.: Блувштейн Ю.Д. Криминология и математика. М., 1974. С. 79–81, 92–95, 105–107, 109, 130–131.

² См.: Правонарушения несовершеннолетних и их предупреждение. Казань, 1983. С. 42; Прокументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и основные направления ее предупреждения. Томск, 2001. С. 172 и др.

³ См.: Шестаков Д.А. Семейная криминология. СПб., 1996. С. 91.

⁴ См.: Антонян Ю.М. Психология отчуждения личности и преступное поведение. Ереван, 1987. С. 41–52.

и ее социальных детерминант. Представляется, что это и есть главная цель криминологии. Другой важнейшей целью является создание на базе криминологического анализа программ предупреждения преступности с учетом специфики конкретных социальных систем, государств, территорий.

Применительно к названным целям различные криминологические школы разрабатывают задачи, к числу которых можно отнести:

- изучение отдельных видов, форм преступности и преступности в целом в исторических, временных и пространственных границах;

- изучение комплекса объективных и субъективных факторов, влияющих на основные показатели преступности в конкретном государстве (регионе);

- изучение процессов формирования деформации общественного, группового и индивидуального сознания, обуславливающих формирование антиобщественных ориентацией личности; анализ механизмов реализации мотивов преступного поведения в конкретных жизненных ситуациях;

- разработку комплексных и целевых программ предупреждения преступности (отдельных ее видов) в стране, регионе, отрасли экономики, отдельном объекте;

- осуществление криминологической экспертизы законопроектов и иных нормативно-правовых актов.

Принято считать, что криминология решает свои задачи с помощью основных направлений анализа, или функций, к которым относятся:

- собирательная (эмпирическая), предусматривающая сбор необходимой криминологической информации (изучение статистической отчетности; изучение уголовных дел и иных документов; проведение опросов, наблюдение и т.д.);

- описательная – группировка и ранжирование полученной эмпирической информации, ее обобщение и изложение в виде общей эмпирической картины исследуемого объекта;

- объяснительная, предполагающая такой анализ, при котором происходит выяснение характера и закономерностей изучаемых процессов, их интерпретация, т.е. объяснение механизма действия;

– прогностическая, представляющая собой предсказание возможного развития криминогенных процессов на основе собранного и подвергнутого анализу эмпирического материала;

– предупредительная, или функция разработки стратегических и тактических программ предупреждения преступности (отдельных ее видов). Представляется, что это конечная цель криминологического анализа в прикладном ее варианте, поскольку только знание закономерностей функционирования криминогенных процессов и обоснованный их прогноз способны обеспечить возможность разработки программ предупреждения преступности.

В настоящее время для отечественных криминологов по-прежнему остается актуальной задача внедрить в практику законодательной и исполнительной деятельности в стране криминологическую экспертизу законопроектов и иных нормативных актов на предмет их возможного воздействия на преступность, предварение социально значимых для страны (региона) решений прогностическими оценками криминологов¹.

Сложность, многоаспектность явлений и процессов, образующих предмет криминологии, требуют определенной систематизации криминологической информации, последовательности этапов ее собирания и анализа, вариативности методов, применяемых в различных криминологических исследованиях. Последнее определяется, в частности, задачами, которые ставятся и решаются в зависимости от направления и объема предполагаемого исследования.

Естественно, что сумма знаний криминологического характера может иметь заметные различия и разную концептуальную значимость в криминологической теории. Поэтому в криминологии принято иметь в виду (как в теории, так и в криминологии как учебной дисциплине), что ее система (логическая, внутренняя структурированность элементов предмета) по уровню обобщения делится на Общую и Особенную части.

В Общей части анализируются вопросы, относящиеся к предмету, методам, истории криминологии и ее месте в системе науч-

¹ Система такой экспертизы сложилась только на предмет выявления в нормативно-правовых актах коррупциогенных факторов (см., напр.: Шеслер А.В., Шеслер С.С. Правовые аспекты противодействия коррупции в УИС. Томск, 2015. С. 66–74).

ного знания, различные криминологические базовые концепции, принятые в тех или иных научных школах или системах и относящиеся к определению преступности и ее основных показателей, личности преступника (лица, совершившего преступление), детерминант преступности (причин, условий и факторов), предупреждения преступности, а также вопросов, связанных с криминализацией (декриминализацией) деяний.

Особенная часть криминологии разрабатывает так называемые частные криминологические теории, или теории среднего уровня¹, базирующиеся на концептуальных позициях Общей части. В Особенной части описываются закономерности отдельных видов и форм преступности, их детерминанты, особенности личности преступников и, главное, особенности предупреждения этих видов и форм преступности. Содержание Особенной части в значительной мере дополняется новыми разделами, вызванными к жизни либо актуализировавшимися в связи с экономическими, политическими либо социальными процессами в стране. Так, в последние годы особую важность приобрел анализ преступности в сфере экономики, незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, в сфере незаконного хранения оружия и взрывчатых веществ, а также проблем терроризма, миграционных конфликтов и др.

1.4. Место криминологии в системе наук

Вопрос о месте криминологии в системе наук был и остается дискуссионным². В момент возрождения отечественной криминологии некоторые исследователи полагали, что криминология представляет собой отрасль науки уголовного права. Другие исследо-

¹ О теориях среднего уровня в отечественной криминологии см.: Клейменов М.П. Введение в этнокриминологию. Омск, 2004. С. 5–8; Шестаков Д.А. Криминология. СПб., 2006. С. 41; Шеслер А.В. К вопросу о теории среднего уровня в криминологии // Научные исследования высшей школы. Тюмень, 2008. С. 55–57.

² Анализ этой дискуссии см.: Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. Красноярск, 1997. С. 27–32; Шеслер А.В. Место отечественной криминологии в системе наук // Научные исследования высшей школы. Тюмень, 2005. С. 55–56.

ватели считают, что криминология, выделившись из уголовного права, приобрела статус самостоятельной правовой науки¹. Активное применение в криминологических исследованиях социологических методов позволило некоторым ученым утверждать, что криминология является частью социологии (социологией преступности)². В настоящее время подавляющее большинство исследователей пришли к выводу, что криминология является самостоятельной социально-правовой наукой³. В наибольшей мере она связана с наукой уголовного права. Эта связь обусловлена как тем, что конкретные уголовно-правовые категории (преступление, преступник, наказание и др.) во многом определяют границы криминологических исследований, так и тем, что обе эти науки имеют общность задач, стоящих перед ними.

И теория уголовного права, и криминология не только описывают и объясняют различные факторы социальной действительности, но и вносят основанные на конкретных научных исследованиях рекомендации, направленные на повышение эффективности борьбы с преступностью.

Одним из важных направлений современной науки уголовного права является разработка теоретических знаний в области уголовной политики. В рамках данного направления изучаются закономерности формирования системы уголовно-правовых норм, пути оптимизации этой системы, т.е. приведение ее в соответствие с быстро изменяющимися интересами и потребностями общества, а также эффективность действия уголовно-правовых норм как средства обеспечения стоящих перед уголовным правом задач.

¹ См.: Хохряков Г.Ф. Криминология. М., 2002. С. 74–75; Клейменов И.М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015. С. 53–55.

² См.: Ковалев М.И. Основы криминологии. М., 1970. С. 9–19; Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 2006. С. 30; Шестаков Д.А. Криминология. СПб., 2006. С. 21–22.

³ См., напр.: Криминология / под ред. А.И. Долговой. М., 2003. С. 28–29; Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. Томск, 2007. С. 24–31; Воронин Ю.А. Введение в криминологию. М., 2008. С. 16; Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 2010. С. 34–35; Боровских Р.Н., Доронин Г.Н., Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Новосибирск, 2016. С. 6–7.

Поэтому вполне обоснованно теорию уголовной политики многие ученые (Ю.Д. Блувштейн, П.С. Дагель, А.М. Яковлев и др.) рассматривают как звено, непосредственно соединяющее интересы науки уголовного права и криминологии.

Вместе с тем важно отметить, что криминология не должна подходить к перечню преступлений, содержащихся в действующем уголовном законодательстве, как к чему-то раз и навсегда данному, не подлежащему пересмотру. Для криминологии важно установить основания, общественную необходимость запрещения именно этих деяний уголовным законом, посмотреть, имеется ли необходимость и целесообразность в пересмотре уголовного закона. Ответы на эти вопросы криминология черпает не только из результатов криминологических исследований, но и из теории уголовной политики. В свою очередь, криминология вместе с теорией уголовной политики разрабатывает рекомендации по криминализации определенных поступков, т.е. о признании их преступными и уголовно наказуемыми, либо о декриминализации, т.е. об исключении из числа преступных и уголовно наказуемых тех или иных поступков, содержащихся в уголовном законодательстве. По этой же схеме осуществляется связь криминологии с уголовной политикой в отношении проблем наказания, т.е. вносятся предложения о введении новых и упразднении некоторых из существующих видов уголовного наказания.

Столь же очевидна связь криминологии с *наукой уголовно-исполнительного права*. Так, изучая вопросы исполнения уголовного наказания, уголовно-исполнительное право преследует прежде всего цель повышения его эффективности в предупреждении рецидивной преступности. Можно утверждать, что данная цель стоит и перед криминологией, с тем лишь различием, что криминология подходит к проблеме предупреждения рецидивной преступности с более широких позиций, учитывает лежащие за пределами исполнения наказания факторы, способствующие повторному совершению преступлений, определяет средства, пути воздействия на эти факторы. Криминология разрабатывает конкретные методы изучения личности осужденных и их неформальных общностей в местах отбывания уголовного наказания, изучает причины и условия преступности в местах отбывания наказания,

проблемы ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и их социальной адаптации в условиях свободного общежития и т.д. Все это направлено на разработку криминологических рекомендаций для уголовно-исполнительного права в целях повышения эффективности достижения стоящих перед ним задач.

Связь между криминологией и *уголовно-процессуальной наукой* выражается в том, что криминология во многом влияет на содержание предмета доказывания, особенно в той его части, которую образуют обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Наука уголовного процесса черпает из криминологии информацию о лицах, совершающих преступления, пользуется криминологическими методиками изучения личности подозреваемого, подсудимого, что крайне важно для оптимизации принятия решений в отношении этих субъектов уголовного процесса. Безусловно, и уголовно-процессуальные действия являются важными источниками получения информации о преступниках, причинах и условиях, способствующих совершению конкретных преступлений. Науку уголовного процесса и криминологию связывает и общая проблема предупреждения преступлений участниками уголовного процесса, например деятельность следователя, суда в предупреждении преступлений. Однако если уголовно-процессуальную науку эта проблема интересует с точки зрения изучения и анализа процессуальной формы (уголовно-процессуальных средств – представления следователя, частного (отдельного) определения суда и др.), то криминологию – с точки зрения реального влияния деятельности указанных субъектов на причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

Имеются общие интересы у криминологии и *криминалистики*. Криминология обеспечивает криминалистику методикой изучения личности преступника, причин и условий, способствовавших совершению преступлений, показывает механизм преступного поведения¹. Криминалистика, в свою очередь, совершенствует методи-

¹ См.: Шеслер А.В., Шеслер С.С. Криминалистическое понятие механизма преступления // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях : матер. междунар. науч.-практ. конф. (2–3 ноября 2010 г.). Тюмень, 2010. Ч. 2. С. 137–139.

ку и тактику выявления и раскрытия преступлений, являющихся, как известно, объектами криминологического изучения, предлагает рекомендации по выявлению органами дознания, следователем, прокурором и судом причин и условий, способствующих совершению преступлений. Не вызывает сомнения, что для криминологии важны разрабатываемые криминалистической наукой технические средства предупреждения преступности, которые можно рассматривать в качестве элемента, части системы предупреждения преступлений. Криминология во многом способствует развитию учения о планировании расследования, построении следственных версий. В то же время достижения криминалистической науки во многом помогают в изучении криминологией проблем, связанных с латентной преступностью.

Связь криминологии с *наукой административного права* обусловлена прежде всего тем, что в предупреждении преступлений широко используются административно-правовые меры, например административный надзор органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, и т.п. Необходимо отметить, что связь между этими науками только использованием (применением) административно-правовых мер не исчерпывается. В предмет криминологии входит изучение правонарушений, которые выступают в качестве «фона», «питательной среды» преступности. В частности, к числу таких правонарушений относится уголовно ненаказуемое мелкое хулиганство. Постоянное изучение и анализ подобных социально отрицательных явлений служат необходимым условием познания социальных корней преступности. Мы можем утверждать, что существует и обратное явление, когда преступность оказывает воздействие на уровень и динамику правонарушений. В этой связи можно говорить о существовании общего элемента предметов криминологии и административного права.

Связь криминологии с *наукой конституционного права* объясняется особым положением конституционно-правовой науки в системе юридических наук. Положения этой науки определяют принципы всех сфер правовой деятельности государственных органов, способствуют правильной оценке места предупреждения преступности в системе мер государственного строительства.

Осуществляемое наукой конституционного права изучение конституционных проблем необходимо для раскрытия основополагающего значения Конституции РФ в деле укрепления правопорядка и законности в стране.

Криминология связана с *наукой прокурорского надзора*, что определяется общностью задач, стоящих перед этими науками, например выявление и пресечение преступлений. Вместе с тем методы, формы, направленные на решение этих задач, – разные. Науку прокурорского надзора в большей степени интересуют формы реагирования прокуратуры на выявленные преступления, их причины и условия; криминологию – реальная эффективность такого реагирования.

Связь криминологической науки с перечисленными выше и многими *другими юридическими науками* (гражданским, семейным, природоохранным, трудовым правом и др.) состоит в том, что все эти науки изучают обязанности и права органов, организаций, должностных лиц и граждан по предупреждению преступлений, устранению порождающих их причин и способствующих им условий. Например, конституционное право изучает компетенцию органов государственной власти и государственного управления по охране правопорядка, семейное право – обязанности родителей по надлежащему воспитанию детей и надзору над ними и т.д. В свою очередь, криминологическая наука «дает целостное комплексное описание и общую концепцию системы предупреждения преступлений в нашем обществе, в то время как другие названные выше науки исследует лишь отдельные элементы указанной системы. Причем результаты криминологических исследований используются в этих науках в качестве ориентирующих»¹.

Криминология тесно связана с *общей социологией*. Большинство социологов, описывая систему своей науки, относят изучение преступности к числу специализированных исследований процессов социальной дезорганизации, отмечая, в частности, что к криминологии примыкают исследования алкоголизма, наркомании,

¹ См.: Криминология. М., 1979. С. 7.

проституции. С другой стороны, криминология связана с исследованиями миграции и социальной мобильности, т.е. перемещения лиц в географическом пространстве и перехода их в другие общности¹. Вряд ли под силу криминологии объяснить преступность как совокупность индивидуальных актов уголовно-противоправного поведения, рассматривая преступление изолированно, вне его связей с другими людьми.

Изучением психологии отдельных групп, общностей людей занимается *социальная психология*. Криминология широко использует методы, различные данные этой науки, что позволяет ей исследовать механизмы возникновения конкретных преступлений, определять направления и конкретные пути нейтрализации отрицательных влияний на личность в семье, бытовом окружении, иной социальной группе.

Определенную роль в генезисе преступного поведения иногда играют индивидуальные психологические особенности личности преступника. Поэтому криминология связана с *общей психологией* – наукой, изучающей формирование человеческой психики, ее структуру, психические процессы в норме и отклонении от нормы. Знание психологии личности необходимо криминологии не только для установления причин индивидуального преступного поведения, но и для выбора эффективных средств индивидуального воспитательного воздействия на лиц, проявляющих склонность к противоправному поведению. Во многом этими же обстоятельствами объясняется и связь криминологии с возрастной и педагогической психологией. Знания положений этой науки очень важны для криминологии при изучении преступлений, совершаемых лицами несовершеннолетнего возраста.

В уголовном праве субъектами некоторых видов преступлений, в частности развратных действий в отношении малолетних, мужеложства и др., нередко выступают лица, страдающие различными психическими аномалиями, которые вместе с тем не исключают вменяемости. Этим обусловлена связь между криминологией и

¹ См.: Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 9.

психиатрией. Последняя помогает криминологии отграничить общественно опасные действия психически больных от преступлений; в то же время криминологические исследования могут способствовать выявлению социальных факторов, воздействие которых во многом обуславливает развитие психических отклонений у предрасположенных к ним лиц.

Предупреждение совершения преступлений конкретными лицами представляет собой органическое единство мер обучения требованиям, предъявляемым к личности обществом, включая требования, сформулированные в нормах уголовного права, с воспитанием лица в духе уважения общественных интересов, прав и интересов других граждан. Достижению этого способствует связь криминологии с *педагогикой*, занимающейся проблемами обучения и воспитания. Связь между криминологией и педагогикой прослеживается и в другом направлении: криминология изучает влияние дефектов деятельности учебных заведений, трудовых коллективов, отдельных социальных групп на деформацию личности и в конечном счете – на совершение ею преступления.

Связь криминологии с *экономической наукой* определяется целым рядом обстоятельств. Прежде всего отметим, что часть явлений, детерминирующих существование преступности в обществе, лежит в сфере экономических отношений. Роль, значение этих явлений в разные периоды развития общества неодинаковы, т.е. являются незначительными или очень высокими. Последнее характерно для российского общества настоящего времени. В этой связи очевидно, что для эффективного предупреждения преступления необходимо не только выявлять противоречия, существующие между экономическими и социальными интересами общества, но и принимать экономические меры, выработка которых может быть осуществлена только совместными усилиями криминологии и экономической науки.

Не вызывает сомнений и то обстоятельство, что определенное влияние на преступность оказывают демографические процессы, происходящие в стране, отдельных регионах, городах и других населенных пунктах. Именно этим обстоятельством обусловлена

связь криминологии и *демографии*. Так, прогнозы половозрастной структуры населения, разрабатываемые демографией, имеют некоторое значение для криминологического планирования.

Проведенный нами анализ места криминологии в системе правовых и общественных наук позволяет говорить о том, что криминология тесно связана со многими отраслями знания. И эта связь не ограничивается только науками, рассмотренными выше. Криминология связана и с другими науками, которые не явились предметом нашего рассмотрения. Однако связи с ними имеют очень важное значение для криминологии, поскольку помогают достижению целей, стоящих перед криминологической наукой.

ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КРИМИНОЛОГИИ

2.1. Зарождение и развитие криминологии

Идеи криминологического осмысления проблемы преступности, ее причин, личности лиц, совершивших преступления, защиты от преступности возникли задолго до того, как сформировалась наука криминология.

Первые попытки выявить связь преступности с социальными условиями общества можно найти у Платона (427–347 до н.э.), который, размышляя о природе преступности, называл главными ее источниками междоусобие и противоречие между бедными и богатыми. Считая, что государство виновно в потворствовании этим явлениям, он в своих философских трудах обращался к законодателю с требованиями установить пределы бедности и богатства, полагая нетерпимым пропорцию на уровне 1 : 4¹. Анализируя причины преступности, Платон указывал на недостаточное воспитание, тем самым признавая личностно-мотивационную природу преступного поведения. Он одним из первых указал на социальную природу преступности и предписывал законодателю действовать на опережение событий: устанавливая законы и угрожать наказанием для предотвращения вредных поступков. К числу мер, которые способны удерживать людей от совершения противозаконных поступков, он относил неотвратимость наказания, общественное мнение, привычку достойного поведения, поощрение правопослушных граждан². По мнению Платона, отрицательная роль безнаказанности выступает одной из основных причин совершения противоправных проступков³.

¹ Платон. Законы // Платон. Сочинения : в 3 т. М., 1972. Т. 3, ч. 2. С. 219.

² Там же. С. 108–111.

³ Там же. С. 337, 340.

Интересные суждения о природе преступности и наказания за преступление можно обнаружить в трудах Аристотеля (384–322 до н.э.). К числу причин совершения людьми преступлений он, в частности, относил бедность, необоснованные привилегии некоторых социальных слоев, политическое бесправие и разноплеменность населения (национальные противоречия). По мнению Аристотеля, величайшие преступления совершаются из-за стремления к избытку, а не из-за недостатка предметов первой необходимости¹. Мысль о социальной, а не только личностно-мотивационной природе преступности находит выражение в том, что ученый отрицал прирожденные наклонности преступника, а в качестве средств воздействия на преступность называл социальные меры: справедливое государственное устройство, стабильность законов, главенство законов над должностными лицами, борьбу с коррупцией, развитие экономики, предоставление возможности реализовать активность различных слоев населения в социально-полезных формах. Аристотелем сформулирован один из принципов, который отразил сущность предупреждения негативных социальных процессов: «Если нам известны причины, ведущие к гибели государственных устройств, то мы тем самым знаем и причины, обуславливающие их сохранение: противоположные меры производят противоположные деяния»².

Следует отметить, что римские мыслители и юристы восприняли ведущие положения древнегреческих философов относительно возможности регулирования поступков разумом и чувством справедливости. Однако в силу более серьезного развития права в Риме римские авторы ушли значительно дальше в разработке роли нормативного регулирования поведения людей. Известны их достаточно аргументированные исследования социальной, нравственной, правовой природы преступлений.

В период раннего средневековья господствовала теологическая модель личности преступника, в основе которой лежала злая воля или завладение душой человека дьяволом. Однако были исследователи, которые высказывали иные суждения по этому вопросу.

¹ Аристотель. Политика // Сочинения : в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 416–421.

² Там же. С. 544.

Так, Фома Аквинский (1225–1274) считал, что добродетельные люди в состоянии регулировать свое поведение без угроз со стороны человеческого закона, ориентируясь на закон естественный. Угроза в реализации наказания необходима для людей порочных и не поддающихся убеждению.

Огромный вклад в разработку исследуемых нами проблем внес Т. Мор (1478–1535), который заметил, что, несмотря на жестокую практику назначения наказаний, преступность не снижалась, а росла. В своей работе «Утопия» он связывал существование преступности с нищетой и бедностью широких слоев населения, с паразитическим образом жизни дворян. Т. Мор считал, что успешно бороться с преступностью можно не путем применения жестоких наказаний, а путем установления справедливого порядка в обществе.

Большое значение для развития криминологии имели работы Ф. Бэкона (1561–1626), Т. Гоббса (1588–1679), Д. Локка (1632–1704), считавших, что справедливость – одно из основных качеств правового регулирования, а при формировании человека решающее влияние оказывает социальная среда.

Философы-просветители XVIII в. (Ш. Монтескье, Вольтер, Ч. Беккариа и др.) впервые сделали попытку противопоставить средневековому, теологическому объяснению мира толкование, основанное на рациональном, научном понимании природы и общества. Вопреки религиозным проблемам и теологическому пониманию человеческого поведения, они сформулировали понятие преступления как акта свободной воли человека, сознательно действующего и свободного в своих поступках.

Так, Ш. Монтескье (1689–1755) в своих работах «Персидские письма» и «О духе законов» отмечал социальную обусловленность нравов поведения. По его мнению, человек в силу ограниченности разумного предвидения, подверженности заблуждениям и страстям способен к нарушениям законов природы и общества. Но справедливый законодатель в значительной степени может противодействовать социальным отклонениям.

Развитие представлений о преступности приходится на период времени между средневековьем и концом XVIII в.

Криминология возникла как результат размышлений и начинаний многих людей. Свой вклад в понимание индивидуального по-

ведения и девиантности, а также в формирование общественного порядка внесла церковь, чтившая божественное предназначение правителя определять этот порядок. Вместе с тем философов и сторонников идеи общественного договора все больше вдохновляла идея о том, что правление должно осуществляться с согласия тех, кем управляют, на основе разума и свободной воли. Представляется, что самым сильным катализатором в этом противоборстве идей стал Ч. Беккариа (1738–1794), известнейшая работа которого «О преступлениях и наказаниях» (1764) сосредоточила внимание на проблеме преступления и судов. Ее непосредственным следствием явились кодификация английского уголовного права и появление вслед за этим кодификаций в других странах Европы.

Таким образом, начало криминологии положила работа Ч. Беккариа.

Большинство криминологов считают, что в криминологии существуют по меньшей мере две крупные школы: классическая, возникшая между 1764 и 1775 г., после появления сочинения Ч. Беккариа, и позитивистская, сложившаяся в середине XIX в. Основное отличие названных школ состояло в оценке преступления. Представители классической школы оценивали серьезность преступления с юридических позиций, а сторонники позитивистской школы считали, что преступление обусловлено множеством факторов, но юридический подход ими полностью исключался.

Известными представителями классической школы были И. Бентам (1748–1832), В. Блэкстоун (1723–1780), С. Ромилли (1757–1818), Д. Макинтош (1765–1832), Т.Ф. Бакстон (1786–1845), Р. Пил (1788–1850), П.А. Фейербах (1775–1833) А.М. Герри (1802–1866), Л.Ж. Кетле (1796–1874) и др. Основоположником данной школы, бесспорно, считается Ч. Беккариа.

Сложнее обстоит дело с позитивистской школой. Многие исследователи на западе считают, что основоположником этой школы был Ч. Ломброзо (1836–1909). Именно его называют Г. Мангейм, Э.Х. Сатерленд, Д.Р. Тафт, У.К. Реклесс, Дж. Волд и другие исследователи. Это же мнение высказывалось в советский период практически во всех учебниках по уголовному праву и криминологии: именно Ч. Ломброзо назывался основоположником позитивистской школы (антропологического направления) в криминологии.

Об этом писали А.А. Герцензон, Н.С. Лейкина, В.А. Кудрявцев, М.И. Ковалев, А.А. Пионтковский и др.

В настоящее время, для которого характерно большое количество криминологических исследований, большинство ученых также придерживаются точки зрения о первенстве Ч. Ломброзо¹. По-другому считают А.И. Долгова, называя Ф.Й. Гааля, и В.В. Лунеев, считающий, что основоположником данной школы в криминологии был Б. Морель. При этом в нашей стране опубликовано большое число учебников и учебных пособий по криминологии, в которых вообще отсутствуют разделы, посвященные истории становления и развития криминологической науки и этот вопрос не обсуждается.

И все-таки еще раз подчеркнем, что подавляющее большинство российских криминологов считают основоположником позитивистской школы (антропологического направления) в криминологии Ч. Ломброзо. Так ли это? Не умаляя бесспорных заслуг итальянского ученого в развитии антропологического направления в криминологии, отметим, что у него были предшественники, о которых в настоящее время практически не вспоминают, а если и вспоминают, то поверхностно.

А ведь предшественники Ч. Ломброзо задолго до него и независимо от него обосновали наличие особого типа преступного человека. Эти ученые, предвосхитившие идеи Ч. Ломброзо и многие его выводы, проживали в Англии².

Так, английский врач Дж.К. Причард (1786–1848) в своем «Трактате о помешательстве» (Treatise of Insanity) предложил теорию нравственного помешательства (moral insanity). Подчеркнем, что понятие нравственного помешательства впервые появляется именно в работах Причарда в 1835 г. Под нравственным помешательством исследователь понимал группу различных расстройств

¹ См., напр.: Шеслер А.В. Чезаре Ломброзо: научный опыт тюремного служения // Правоохранительная деятельность: педагогика, психология и право. Томск, 2013; Он же. Чезаре Ломброзо: результаты научного поиска // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6 (85).

² См.: Прозументов Л.М. О происхождении антропологического направления в уголовном праве и криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10, № 1. С. 20–27.

психики, которая характеризуется видимой нормальностью интеллекта и нарушением аффективной и волевой сферы.

Побывав во всех психиатрических больницах Англии и во многих аналогичных учреждениях на континенте, Причард утверждал, что болезненное состояние коррелирует с преступлением. В случаях нравственного помешательства часто существует сильное наследственное предрасположение.

Понятие нравственного помешательства, введенное в научный оборот Дж.К. Причардом, прочно вошло в арсенал уголовной антропологии в качестве одного из важнейших его элементов, но только под несколько иным названием – *moral imbecility*, т.е. нравственное слабоумие. Этот термин в XIX в. широко использовали в своих работах Модсли, Горинг, Доэ, Гарофало и другие исследователи, а также их продолжатели в XX в. Абрахамсен, Годдард, Глюк, Карпмен и др.

Теория нравственного помешательства была одной из наиболее разработанных в Англии антропологических теорий, у которой было немало сторонников. В частности, большая роль в обогащении этой теории принадлежит директору манчестерской психиатрической больницы Г. Модсли. Его основные труды вышли раньше трудов Ч. Ломброзо. Когда последний еще только писал «Преступного человека», многие книги Модсли уже были переведены на ряд иностранных языков. На русском языке вышли «Физиология и патология души» в переводе Н. Исаина, издание О.И. Бакета, СПб., 1871, «Ответственность при душевных болезнях» в переводе О.И. Бакета, СПб., 1875; немного позже опубликована книга «Наследственность в здоровье и болезни», перевод Н. Исаина, издание А.Е. Рябченко, СПб., 1886.

Основные идеи работ Модсли состоят в следующем. Нравственное чувство является врожденным. Оно приобретает сознательно, но потом переходит в бессознательную способность и передается как инстинкт. Поэтому отличие людей дается не воспитанием или условиями, а природой. По мнению Модсли, «судьба людей создается их предками, и никто, как бы он ни был силен, не может избежать их тирании над своей организацией»¹.

¹ *Pioneers in Criminology* / ed. H. Mannheim. 2nd ed. Montclair, NJ, 1973. С. 23, 25.

Дурной дурен лишь в силу наклонностей его природы, преступники – не аномалии или случайности. Истинный вор и истинный поэт в самом деле рождаются, а не делаются. Преступники – это выродившаяся разновидность человеческого рода, люди, отмеченные рукой природы, призванные и назначенные для совершения постыдного дела.

Поэтому любые меры перевоспитания обыкновенных преступников безнадежны. Преступный психоз – это духовная сторона невроза, и наказания бессильны в деле прочного исправления. Волка всегда будет тянуть в лес.

Преступление рассматривается Г. Модсли как один из признаков нравственного помешательства, обнаруживающийся раньше других умственных расстройств. Привилегию на нравственное помешательство исследователь отдает представителям низших слоев общества, утверждая, что когда человек из низших слоев общества страдает *moral imbecility*, он обыкновенно совершает какой-либо проступок и попадает в тюрьму без всяких рассуждений о том, насколько он заслужил свою участь.

В качестве средств предупреждения преступности Модсли предлагает уменьшение зарплаты рабочим, так как чем меньше зарплата, тем более трезвый и воздержанный образ жизни ведут рабочие, меньше пьянствуют и развратничают.

Далее осторожное по форме, но весьма прозрачное предложение прекратить размножение тех, кто лишен принадлежности к людям здорового и устойчивого душевного устройства. Исследователь не писал, какими способами это следует делать, но вряд ли ему не было известно, что мерами насильственного предотвращения размножения человека являлись изоляция, кастрация и стерилизация.

Более того, Модсли предлагает принимать меры предосторожности к лицам, предки которых были «нравственно дурными» людьми.

Что касается лиц, совершивших преступление, то они хотя и являются нравственно помешанными, т.е. душевнобольными, несомненно, подлежат наказанию, но при этом безразлично и не имеет никакого значения, осужден ли преступник к тюрьме или к сумасшедшему дому. А двумя страницами дальше Модсли пишет,

что тюрьма – это лучшая система для лечения помешанных преступников. И в том и в другом случае преступников, так же как и прочих душевнобольных, надо заставлять работать.

Несколько позже появляются труды английских тюремных врачей Никольсона и Томсона, которые так же, как и Ломброзо, осуществляли массовое и, как они утверждали, подробное изучение тела и, главным образом, души заключенных.

Особенно подробно описывает результаты исследования преступников Б. Томсон в работах 1870 г., т.е. до опубликования трудов Ч. Ломброзо. Будучи врачом, а затем и главным врачом общей Шотландской тюрьмы, он анализировал не только внешние, но и внутренние анатомические признаки преступников. Цитируя одного тюремного врача, Томсон писал, что он всегда был поражен той патологической совокупностью, которая раскрывалась перед его глазами при вскрытии преступника. Почти не было возможности, утверждал он, определить болезнь, от которой умер преступник, подверженный исследованию, так как большей частью трудно было отыскать хоть один орган, не представлявший каких-либо патологических признаков. Они таковы: низкий рост, какой-то особенный холодный взгляд, очень часты искривления позвоночника, недостатки речи, косолапость, глухота, глупое и дьявольское выражение лица¹.

Томсон выделяет ряд физических симптомов инстинктивного преступника, которые в дальнейшем подхватываются всеми биокриминологами. Он считал, что вместе с преступлением у преступника исчезают последние следы нравственности, а привычные преступники вообще лишены нравственных чувств. Наследственные наклонности к преступлению находятся в близком родстве с душевными болезнями, например эпилепсией, и сами представляют собой не что иное, как душевную болезнь. Томсон, безусловно, «развил» теорию нравственного помешательства. Так, среди биологических и психических факторов преступности он считал главным психический фактор. Преступник – продукт вырождения, полуцивилизированный дикарь. Его наследственная природа непреодолима. «Если

¹ Tomson B. The psychology of criminals // Journal of mental Seins. 1870. Oct. P. 5, 41, 145.

удастся сделать старого вора честным человеком – пишет Томсон, – то и старую лисицу можно будет обратить в дворовую собаку»¹.

Б. Томсон был одним из наиболее известных представителей антропологического направления в XIX в. Его работы были хорошо известны в Италии. В частности, итальянский исследователь Э. Ферри высоко оценивал исследования Томсона и наряду с трудами Никольсона называл их весьма удачными². На Томсона часто ссылаются и Ч. Ломброзо.

Сказанное в значительной мере объясняет вывод английского антрополога Эллиса о том, что именно труды Томсона дали толчок к изучению преступности во всей Европе³.

Об исследованиях Томсона было известно и русским исследователям, о чем они писали в своих работах (Н.С. Таганцев, М.П. Чубинский, Р. Минцлов, И.Я. Фойницкий, Н.Д. Сергеевский, М.Ф. Попов и др.).

Свои выводы Б. Томсон опубликовал в лондонском журнале психиатрии в 1870 г. в статьях под характерными названиями «Психология преступников» и «Наследственная природа преступления». Отметим, что это не единственные работы по уголовной антропологии, проведенные в Англии в годы, предшествующие появлению трудов Ч. Ломброзо.

Так, в 1869 г. доктор Д. Уилсон делает доклад под названием «Моральное слабоумие привычных преступников по данным измерения черепов». Выводы доклада были построены на результатах измерения 464 голов преступников. Из этих измерений автор сделал совершенно произвольное заключение, что привычные воры имеют ясно выраженные симптомы недостаточного развития черепа, особенно спереди, а поэтому преступник до тех пор должен находиться в заключении, пока не избавится от недостатков строения черепа, т.е. до самой смерти.

¹ Tomson B. The psychology of criminals // Journal of mental Seins. 1870. Oct. P. 41.

² Ферри Э. Преступление как социальное явление // Проблемы преступности. Киев, 1924. Сб. 2. С. 10; Он же. Уголовная социология. М., 1908. С. 102.

³ Эллис Х. Преступник / пер. с англ. А.М. Гинзбурга; под ред. П.А. Синарского. Киев–Харьков, 1898. С. 29–30, 195.

В этот период появляются работы Г.Д. Гардена, Д. Никольсона, В. Кларка, В.Д. Моррисона и других исследователей по проблемам уголовной антропологии, в которых преступники объявляются ненормальными, психически больными, что является результатом наследственности или влияния других психических больных. Так, доктор В. Кларк составил медицинские биографии сотен преступников и на основе осмотра около тысячи заключенных сделал 111 портретов преступников, приходя к выводу об уродливости головы преступников и «противности» их физиономии.

Характеризуя эти рисунки, Х. Эллис писал: «Некоторые черепные и лицевые особенности, подмеченные антропологами, были до того рельефными в этих рисунках, что необходимо упомянуть, что они были сделаны на несколько лет раньше обнаружения сочинения Ломброзо»¹. Х. Эллис, являясь одним из крупнейших биокриминалогов Англии второй половины XIX в. часто в своих работах использовал положения английской этнографии и антропологии того времени.

Описывая быт колониальных народов, английские этнографы всячески подчеркивали нравственную бесчувственность туземцев, приписывали им тупоумие, лукавство, непреодолимую склонность к воровству. Все это собирается Эллисом и используется для доказательства родства преступников с туземцами – представителями «низших» рас, к числу которых Эллис относил египтян, китайцев и аннамитов, сравнивая их с животными.

Говоря о реформе уголовного права и тюремной системы, Эллис выступал за сохранение смертной казни, считая, что пожизненное заключение не защищает общество. Он полагал, что преступника следует держать в тюрьме до тех пор, пока не будет логических оснований считать, что он не представляет больше опасности. По его мнению, преступник в тюрьме должен содержаться так, чтобы не иметь соприкосновения с другими преступниками, т.е. в одиночной камере. Условное осуждение должно быть ограничено. Он считал необходимым перейти к системе неопределенных приговоров, называя эту систему замечательной и подчеркивая, что честь изобретения этой системы принадлежит англичанину Фридриху.

¹ Эллис Х. Преступник. Киев–Харьков, 1898. С. 30.

Рассматривая преступников как помешанных, Х. Эллис требует наказывать психически больных наравне со всеми остальными. Прения сторон должны быть изгнаны из процесса, а юриспруденция, как самая схоластическая наука, должна возродиться под влиянием методов естественных наук.

Отметим, что Эллис был непререкаемым участником конгрессов уголовной антропологии, а в 1895 г. на конгрессе в Нью-Йорке – одним из основных докладчиков.

Идеи уголовной антропологии в XIX в. были весьма распространены и в США. Американская биокриминология этого периода представлена деятельностью большого числа биокриминологов: Берд, Мак-Докалд, Хэмилтон, Х. Вей и др. Исследования американских уголовных антропологов способствовали обоснованию вывода о необходимости введения неопределенных приговоров.

Выводы специалистов уголовной антропологии сводились к тому, что преступники значительно отличаются друг от друга по своим физическим и психическим свойствам, следовательно, к ним должны применяться разные наказания. А поскольку изучение личностных свойств преступника требует значительного времени, то только администрация тюрем может окончательно определять срок наказания.

Во второй половине XIX в. система неопределенных приговоров уже действовала в штатах Массачусетс, Огайо, Иллинойс, Пенсильвания, Канзас. В 1877 г. она была введена в штате Нью-Йорк. В 1897 г. в штате Мичиган в парламент было внесено предложение о кастрации всех душевнобольных и преступников-рецидивистов, а в штате Канзас проведены необходимые мероприятия для введения кастрации за измену, отцеубийство и взрывы. К 1926 г. принудительная кастрация и стерилизация осуществлялись уже в 23 штатах. Известно, что во многом благодаря выводам специалистов уголовной антропологии во второй половине XIX в. в США существовала уголовная ответственность за браки лиц, относившихся к разным расам (негров и белых)¹.

¹ См.: Прозументов Л.М. О происхождении антропологического направления в уголовном праве и криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10, № 1. С. 20–27.

Отметим, что биокриминологические теории были распространены и в XX в., как в Европе, так и в США, однако их сторонников было существенно меньше, чем сторонников классической школы.

К началу XX в. получило развитие и социологическое направление в криминологии. Наиболее популярной была теория «социальной дезорганизации», сформулированная Э. Дюркгеймом, который считал преступность результатом аномии, безнормативности в обществе, т.е. следствием ослабления действия общепринятых социальных норм. Большой вклад в развитие данного направления в криминологии внесли работы Э. Сатерленда, Г. Беккера, Ф. Танненбаума, В. Фокса, Я. Тейлора, П. Валтона, Дж. Янга, Р. Куинни и других зарубежных исследователей.

2.2. Развитие отечественной криминологии в досоветский период

Зарождение криминологических исследований в России можно связать с именем А.Н. Радищева (1749–1802), который в 1802 г. в работе «О законоположении» обосновал необходимость всестороннего изучения преступности, высказал мнение о ее причинах и предложил программу сбора уголовно-статистических сведений¹. Также им были разработаны основы судебной статистики, сформулирована целесообразность сравнительного изучения преступлений и наказаний за них как в различных частях России, так и за ее пределами. По мнению А.Н. Радищева, аксиомой законодательства должно выступать предупреждение преступлений, а не наказание.

К смертной казни он относился как к тому виду наказаний, который следовало отменить, при этом ссылаясь на опыт императрицы Елизаветы, во времена которой отмена смертной казни по-

¹ Александр Николаевич Радищев более всего известен как автор книги «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790), за которую он был сослан в Сибирь в Илимский острог и был возвращен в Петербург (1797) только после смерти Екатерины II. Перу Радищева принадлежит также ряд философских и исторических сочинений, к которым относится и указанная работа.

влияла на преступность¹. Схемы, разработанные А.Н. Радищевым, оказали влияние на собирание и обработку уголовно-статистических данных созданными в 1802 г. Министерством внутренних дел и Министерством юстиции (в более полном объеме данные уголовно-статистического характера начинают собираться в России только с 1874 г.).

А.Н. Радищев считается основателем русской уголовной статистики. В период его работы в Комиссии для составления законов царское правительство организует официальную уголовную статистику, которая, несмотря на очень большие дефекты, дает возможность проанализировать динамику преступности и ее прямую обусловленность социальной и экономической структурой общества². Поняв невозможность претворения в жизнь своих воззрений, разуберившись в эффективности работы Комиссии для составления законов, А.Н. Радищев покончил жизнь самоубийством (12 сентября 1802 г.), написав незадолго до смерти: «Потомство отомстит за меня»³.

С середины XIX в. в России начинают публиковаться официальные материалы уголовной статистики, которые широко используются исследователями преступности. Так, А. Хвостов и И. Орлов на основе анализа статистических данных о преступности сделали вывод о ее зависимости в отдельных районах России от политических условий⁴.

Представителями классического направления в уголовном праве являлись российские исследователи М.Н. Гернет (1874–1953), И.Я. Фойницкий (1847–1913), Н.С. Таганцев (1843–1923), А.Н. Трайнин (1883–1949) и другие, которые развивали социологическое направление криминологических исследований. Н.С. Таганцев, например, не только определял юридические признаки

¹ См.: Радищев А.Н. О законоположении // Радищев А.Н. Полн. собр. соч. М., Изд-во АН СССР, 1952. Т. 3. С. 145–165.

² См.: Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1960. С. 9.

³ Цит. по: Остроумов С.С. Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России. М., 1961. С. 56.

⁴ См.: Журнал Министерства юстиции. 1860. Т. 6, кн. 10. С. 35–62.

субъекта преступления, но и стремился проникнуть в причины человеческого поведения.

Профессор Московского университета М.В. Духовской (1850–1903), один из основателей социологической школы уголовного права, первым призвал своих коллег-криминалистов включить в науку уголовного права исследование причин преступности. Еще будучи 23-летним доцентом Демидовского юридического лицея, он в 1872 г. прочел лекцию «Задачи науки уголовного права», в которой указал, что эта наука должна изучать преступление как явление общественной жизни и его причины. Духовской считал, что главные причины преступлений – общественный строй, «дурное экономическое устройство общества, дурное воспитание и целая масса других условий»¹.

Представители социологического направления, признавая определенное значение индивидуальных свойств и качеств личности в механизме индивидуального преступного поведения, определяющее значение отводили влиянию внешних социальных условий на формирование личности.

Антропологическое направление уголовного права не нашло в России такого распространения, как на Западе. Одним из известных последователей идей Ч. Ломброзо являлся Д.А. Дриль (1846–1910), который работал заведующим отделом исправительно-воспитательных заведений при Главном тюремном управлении. Источником преступности, по его мнению, выступают всегда два основных фактора – личное и социальное, причем второе определяет первое. Эта мысль проходит через все его основные работы: «Преступный человек» (1882), «Малолетние преступники» (1884. Т. 1; 1888. Т. 2), «Психофизические типы в их соотношении с преступностью» (1890), «Преступность и преступники» (1899)².

Отметим, что большую часть сторонников данного направления в России составляли представители медицинской науки: В.М. Бехтерев, П.А. Дюков, Д.Н. Зернов, П.Н. Тарновская и др.

¹ См.: Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 1999. С. 60.

² Там же. С. 62–63.

Основным объектом исследований представителей антропологического направления была личность преступника. Обширный эмпирический материал, тщательность проведенной работы во многом обусловили положение, при котором полученные исследователями результаты могут в определенной степени использоваться при изучении личности современного преступника.

2.3. Развитие отечественной криминологии в советский и постсоветский периоды

После Октябрьской революции 1917 г. изучение преступности было продолжено. Созданная в июле 1918 г. система государственной статистики включала в себя и статистику уголовную. Цифровые данные о преступлениях и преступниках отражались в отделе моральной статистики Центрального статистического управления (ЦСУ) РСФСР и в отделах местных советов. ЦСУ издавало материалы уголовной статистики в виде сборников и статей на протяжении почти десяти лет. Статистические данные о преступности создавали крупномасштабную эмпирическую базу для проведения криминологических исследований. В 1922 г. ЦСУ сформировало листок на осужденного, который содержал данные о личности преступника и совершенных преступлениях. Таблицы, составленные на основании данных, содержащихся в листках, позволяли изучать распределение осужденных по полу, видам преступлений и местам их совершения, видам примененных наказаний, времени совершения преступления, выяснять условия быта осужденных, занятия, воспитание и образование, народность (национальность), пристрастность к алкоголю, состояние здоровья, возраст во время совершения преступления¹.

Серьезные теоретические исследования криминологических проблем того периода нашли отражение в работах М.Н. Гернета, А.А. Герцензона, Б.Н. Хлебникова, В.С. Халфина, Д.П. Родина, В.И. Куфаева и др. В первые годы советской власти криминологические материалы широко включались в учебники и учебные по-

¹ Советская криминология / под ред. А.А. Герцензона, И.И. Карпеца, В.Н. Кудрявцева. М., 1966. С. 21.

собия по уголовному праву. В 1920-е гг. в учебниках по общей части уголовного права большое значение имел анализ преступности и ее причин. Так, в 1925 г. вышел учебник Общей части советского уголовного права А.А. Пионтковского, первая половина которого содержала разделы: социалистическое учение о преступлении и меры борьбы с преступностью¹. Учебные планы высших юридических учебных заведений предусматривали изучение вопросов состояния преступности на лекциях и семинарах.

Периоды развития советской криминологии можно представить следующим образом:

- возникновение и развитие;
- современное состояние.

Практическое изучение состояния преступности, ее причин, личности преступника в первые годы советской власти было сосредоточено в уголовном розыске (затем в милиции), органах суда, прокуратуры, ВЧК и даже Наркомпроса. При различных учреждениях – судебных, исправительно-трудовых, медицинских и пр. – были созданы криминологические кабинеты и клиники, сотрудники которых совместно с практиками изучали на основе статистического, эмпирического и клинического материала различные виды преступлений и типы преступников.

В Петрограде с 1918 г. действовал криминологический кабинет (сведений о его деятельности не сохранилось). В Ленинграде в 1925 г. при губернском суде был вновь организован криминологический кабинет. Его сотрудниками проводились анкетные обследования детской преступности, растратчиков, хулиганов, воров, убийц.

В Саратове с 1922 г. действовал губернский кабинет криминальной антропологии и судебно-психиатрической экспертизы (организован при управлении местами заключения). Работа Саратовского кабинета велась в трех направлениях: 1) изучение преступника и преступности; 2) изыскание наиболее рациональных методов перевоспитания преступников; 3) производство экспертиз для судебных органов уголовного розыска и администрации ис-

¹ См.: Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР. Часть Общая. М., 1925.

правдома¹. Сотрудники Саратовского кабинета при исследовании основной акцент делали на нервную систему и психопатические аномалии преступников, ими была разработана криминально-диагностическая карточка, которая включала социологическое, психологическое, физическое и медицинское обследования.

В 1923 г. при Административном отделе Московского совета был образован Московский кабинет по изучению преступности и личности преступника, который уже в 1924 г. опубликовал сборник «Преступный мир Москвы», содержащий большой фактический материал².

Наряду с чисто научными учреждениями криминологические проблемы исследовались также вузами, где криминологию преподавали в рамках общей части уголовного права. Уже в 1920 г. в Институте советского права Московского университета действовали секции, изучавшие уголовную статистику, механизм преступного поведения, личность преступника, практические навыки противодействия преступности уголовно-правовыми средствами. В 1924 г. была организована юридическая клиника при юридическом факультете Киевского института народного хозяйства, одной из целей которой являлось ознакомление студентов с методикой криминологического исследования преступности и преступника³.

В соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 25 марта 1925 г. при НКВД РСФСР 10 октября того же года был создан Государственный институт по изучению преступности и преступника, подчинивший себе разрозненные кабинеты, ставшие его филиалами в Петербурге, Москве, Саратове, Ростове-на-Дону. Его директором назначен член коллегии НКВД РСФСР профессор Е.Г. Ширвиндт. Общее руководство работой института возлагалось на Межведомственный совет, в который вошли представители народных комиссариатов РСФСР: внутренних дел, юстиции, просвещения и здравоохранения.

¹ См.: Иванов Г. Из практики Саратовского губернского кабинета криминальной антропологии и судебно-психиатрической экспертизы // Советское право. 1925. № 1. С. 85.

² Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 1999. С. 65.

³ Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева и Г.М. Миньковского. М., 1998. С. 39.

Появление данного института способствовало усилению тенденций дальнейшей централизации криминологических исследований и усилению государственного контроля над ними. На него были возложены следующие задачи:

- изучение причин и условий преступности в целом и отдельных видов преступлений;
- изучение методов противодействия преступности;
- разработка вопросов уголовной политики, средств и методов воздействия на осужденных, а также изучение отдельных лиц, представляющих интерес для выяснения преступности и др.

В составе института действовали четыре секции: социально-экономическая (М.Н. Гернет), пенитенциарная, биопсихологическая, криминалистическая, а также статистическое бюро. Для изучения личности заключенных была организована экспериментальная клиника, в ней отрабатывались рациональные типы исправительно-трудового воздействия (функционировала на базе одного из московских мест лишения свободы).

Работа института была очень продуктивной – за пятилетие (с 1925 по 1929 г.) было опубликовано 287 научных работ: социально-экономической секцией – 67, пенитенциарной – 32, биопсихологической – 32, криминологической – 46, 110 работ принадлежали кабинетам¹. Эти работы были размещены в четырех сборниках «Проблемы преступности» (с 1926 по 1929 г.). Особо отметим издание двух сборников «Современная преступность», в номерах которых содержался анализ данных уголовной статистики в сопоставлении с результатами первой всесоюзной переписи населения 1926 г.

Например, было выяснено (после обработки сотрудниками института данных о заключенных), что половина всех заключенных приговорена судами к краткосрочному лишению свободы, применение которого не дало должного эффекта. Итогом данного криминологического исследования явилось законодательное закрепление срока лишения свободы в РСФСР в один год.

¹ См.: Ошерович Б., Утевский Б. Двадцать лет Всесоюзного института юридических наук. М., 1946.

Значительное внимание институт и его филиалы уделяли вопросам борьбы с детской преступностью и рецидивом. Большой известностью пользовались работы В.И. Куфаева и Б.С. Утевского о несовершеннолетних правонарушителях.

В 1931 г. Государственный институт по изучению преступности и преступника был реорганизован в Институт уголовной и исправительно-трудовой политики (причем объем проведения криминологических исследований в этот период сильно сузился) и передан в ведение Наркомюста РСФСР; изменилась и его структура. Секция социально-экономическая была преобразована в секцию уголовной политики, а секция пенитенциарная – в секцию исправительно-трудовой политики. Секция биопсихологическая была ликвидирована, а вместо криминалистической секции в середине 1930-х гг. при институте была создана центральная криминалистическая лаборатория, которой руководил профессор С.П. Митричев. В 1933 г. создана секция уголовной статистики, в 1935 г. – секция по борьбе с детской преступностью. В 1936 г. данный институт был преобразован во Всесоюзный институт юридических наук.

Созданные в 1920–1930 гг. исследовательские учреждения с криминологической тематикой накапливали научный материал, относившийся к причинам преступности, личности преступника, криминологической характеристике преступности, что вселяло надежду на развитие криминологии в стране. Однако со многими выводами ученых-криминологов была не согласна партийная власть, что обусловило ликвидацию учреждений, занимавшихся криминологическими проблемами, упразднение отделов моральной статистики на местах. Анализ преступности приобрел сугубо ведомственный ограниченный характер, а научные исследования в этом направлении были практически прекращены. Криминология как самостоятельная отрасль научного знания перестала существовать. Ее перестали преподавать на юридических факультетах институтов и университетов.

Воссоздание криминологии как самостоятельной науки относится к 1960-м гг. XX в. Так, постановлением Совета Министров СССР от 30 мая 1963 г. был создан Всесоюзный институт по

изучению причин и разработке мер предупреждения преступности¹, который в течение многих лет был не только координатором криминологических исследований в стране, но и лидером по многим направлениям исследований. В этот период в институте работали такие известные криминологи, как А.А. Герцензон, В.Г. Танасевич, С.С. Степичев, М.Г. Миньковский, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, А.Б. Сахаров и др.

Изучением криминологических проблем занимались исследователи в Институте государства и права Академии наук СССР, Всесоюзном институте охраны общественного порядка, Всесоюзном институте юридических наук, на профильных кафедрах юридических институтов (Саратов, Харьков, Свердловск), кафедрах классических университетов (Москва, Ленинград, Томск, Владивосток, Ростов-на-Дону, Иркутск и др.), где трудились такие известные криминологи, как Н.Ф. Кузнецова, Н.А. Беляев, М.И. Ковалев, Р.И. Михеев, И.С. Ной, А.Л. Ременсон, В.В. Орехов, П.С. Дагель и др.

В 1987 г. были сняты ограничения на публикацию статистических сведений о числе осужденных по семи видам опасных деяний, а в январе 1989 г. принято решение о снятии ограничений на публикацию сводных данных о зарегистрированных преступлениях и лицах, их совершивших. Это способствовало активизации исследований *проблем преступности* в стране, которые продолжают оставаться актуальными и в настоящее время. Среди исследователей, внесших большой вклад в разработку данной проблемы, следует отметить М.М. Бабаева, А.И. Долгову, И.И. Карпеца, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецову, С.Г. Олькова, А.С. Овчинского, В.С. Овчинского, М.П. Клейменова, С.М. Иншакова, В.В. Лунеева и др.

Большое внимание российские криминологи уделяли и продолжают уделять проблеме детерминации преступности. Значительный вклад в исследование данной проблемы внесли В.Н. Куд-

¹ В 1989 г. он был переименован во Всесоюзный, позже – в НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ и сохранял роль центра криминологических исследований в стране. В апреле 2007 г. он был преобразован в НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ с существенным сокращением криминологической тематики.

рявцев, Я.И. Гишинский, Б.С. Волков, В.В. Лунеев, Н.Ф. Кузнецова, К.И. Игошев, В.А. Номоконов, Д.А. Шестаков, А.М. Яковлев и другие исследователи.

Одним из важных направлений криминологических исследований является *изучение личности преступника*. Выход в свет монографии А.Б. Сахарова «О личности преступника и причинах преступности в СССР» (1961), по сути, положил начало серьезному подходу к изучению личности преступника. Большой вклад в изучение данной проблемы внесли Н.С. Лейкина, Б.В. Волженкин, В.Д. Филимонов, П.С. Дагель, Ю.А. Воронин, Ю.В. Голик, С.А. Елисеев, Ю.М. Антонян, С.В. Бородин, В.Е. Квашиш, В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов, А.М. Яковлев и др.

Ведущее место в криминологических исследованиях занимает проблема *предупреждения преступности*, теоретической основой которого является «учение о преступности как явлении социальном». С «открытием» криминологии в СССР появилось много исследований по данной проблеме. Применительно к 1960–1980 гг. следует выделить работы В.К. Звирбуля, К.Е. Игошева, А.Э. Жалинского, А.Г. Лекаря, Г.М. Миньковского, В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца и др. В последующие годы большой вклад в разработку данной проблемы внесли А.И. Алексеев, Г.А. Аванесов, С.И. Герасимов, Я.И. Гишинский, А.И. Долгова, В.В. Лунеев, С.М. Иншаков, Д.А. Шестаков, В.С. Устинов, Н.В. Щедрин и другие исследователи.

Изменения, происходящие в экономической, социальной, политической, культурной сферах общества обуславливают необходимость вносить изменения в действующее законодательство, в том числе и уголовное. В этой связи проблемы криминализации (декриминализации) деяний имеют огромное значение для криминологической науки. Криминологическое обоснование новых уголовно-правовых норм и обоснование неэффективности действующих норм способствует выполнению уголовным законом стоящих перед ним задач. Большой вклад в решение этой проблемы внесли Р.Р. Галиакбаров, П.С. Дагель, Г.А. Злобин, С.Г. Келина, В.Н. Кудрявцев, А.И. Коробеев, Л.М. Прозументов, В.Д. Филимонов, А.М. Яковлев и др.

Криминологические исследования активно развивались преподавателями учебных заведений и научными сотрудниками научно-исследовательских институтов правоохранительных органов (профессорами В.А. Аванесовым, Ю.М. Антоняном, М.М. Бабаевым, А.Я. Гришко, А.И. Долговой, С.В. Дьяковым, М.Л. Клейменовой, А.Я. Сухаревым, А.В. Шеслером и др.).

ГЛАВА 3. ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

3.1. Понятие преступности

В современной отечественной криминологической науке существует несколько подходов к определению понятия «преступность».

1. *Фундаментальный, или классический подход*, который разделяют подавляющее большинство криминологов (А.И. Алексеев, С.М. Иншаков, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, А.Ф. Кузнецова, В.В. Лунеев, Г.Ф. Хохряков и др.). В соответствии с этим подходом преступность – уголовно-правовое, исторически изменчивое негативное социальное явление, слагающееся из всей совокупности преступлений (представляющее собой систему преступлений), совершенных в конкретном государстве (регионе, территории) за тот или иной период времени.

2. *Личностный подход*, который чаще других использует А.И. Долгова. В соответствии с таким подходом преступность – это социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного закона. При этом в преступность включаются и преступления, и лица, их совершившие, а также формы объединения преступников (преступные формирования)¹.

3. *Безличностный подход*, о котором много говорит О.В. Старков. В соответствии с таким подходом преступность не состоит из преступлений и преступников, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых находятся между собой эти преступления и преступники, в реальной жизни будто бы не связанные.носителем

¹ См.: Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003; Криминология / под ред. А.И. Долговой. М., 1999.

преступности является не совокупность, сумма конкретных преступников, не личность преступника вообще, а общество как социальный организм. Поэтому, по О.В. Старкову, преступность безличностна и как явление общесоциальное подчиняется социологическим закономерностям¹.

4. *Девииантологический подход*, активно разрабатываемый Я.И. Гилинским. Под преступностью он понимает относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, определяемая законодателем в уголовном праве. Преступления и преступность в соответствии с этим подходом являются понятиями относительными (релятивными), они суть социальные конструкты, лишь отчасти отражающие некоторые социальные реалии².

5. *Естественно-неконвенциональный подход*, разрабатываемый Д.А. Шестаковым. В соответствии с этим подходом круг преступлений определен мировыми религиями. Преступность же – лишь свойство общества порождать множество опасных для человека деяний (преступное множество)³.

Отметим, что мы являемся сторонниками классического подхода к определению понятия преступности, который в большей мере соответствует не только легальному определению понятия, содержащемуся в ранее действовавшей Федеральной программе Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994–1995 гг., утвержденной Указом Президента РФ от 24 мая 1994 года № 1016⁴, но и жизненным реалиям, так как прежде всего четко дает представление о реальном бытии преступности в виде системы преступлений и лиц, их совершивших, взаимосвязи преступности с процессами в обществе и на определенной территории.

¹ См.: Старков О.В. Криминопенология. М., 2004; Старков О.В., Башкатов Л.Д. Криминология. СПб., 2004.

² См.: Гилинский А.И. Криминология. СПб., 2002; Он же. Девиантология. СПб., 2004.

³ См.: Преступность среди социальных подсистем / под ред. Д.А. Шестакова. СПб., 2003.

⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 1994. № 5. Ст. 403.

Таким образом, под *преступностью* следует понимать исторически изменчивое, неизбежное, социальное, уголовно-правовое, относительно массовое явление, включающее в себя совокупность преступлений, совершаемых в течение определенного периода времени на определенной территории, а также лиц, их совершивших.

Историческая изменчивость заключается в том, что на протяжении исторически длительного периода существования общества в нем действуют законы, отражающие общие условия жизнедеятельности человека, которые выполняют роль необходимых условий конкретных форм проявления общественного бытия: жизнь, здоровье, неприкосновенность индивида и его собственности, свобода и т.п., а государство выступает гарантом этих условий. Такие социальные законы носят абсолютный характер, так как они объявляют преступными во все времена убийства, причинение вреда здоровью, кражи, грабежи, разбои и т.д.

Помимо таких законов обществу присущи законы, отражающие особенности конкретного периода его развития. В этих законах условия жизнедеятельности общества приобретают конкретные проявления, характерные для данного периода его развития. Посягательства на эти условия не являются «абсолютными», поскольку признаются преступными не во все времена, а только в определенные периоды развития общества. Например, по УК РСФСР 1960 г. к уголовной ответственности привлекали лиц, занимавшихся спекуляцией, частной предпринимательской деятельностью, коммерческим посредничеством и т.п. В настоящее время эти виды деятельности являются общественно полезными, а лиц, которые занимались этим в прошлом, называют «пионерами рыночной экономики».

Поскольку социально-экономические и политические условия определяют направления развития права, в том числе и уголовного, постольку право всегда обслуживает эти базисные отношения и меняется вместе с их изменением.

Так, в России только в XX в. уголовное законодательство изменялось несколько раз. 22 марта 1903 г. было принято Уголовное уложение, которое действовало до смены власти в октябре 1917 г.

12 декабря 1919 г. были приняты Руководящие начала Уголовного права РСФСР, действовавшие до принятия УК РСФСР 1922 г. В 1924 г. были приняты Основы уголовного законодательства СССР, а в 1926 г. – УК РСФСР, который действовал на протяжении 34 лет (с 1 января 1927 г. по 1 января 1961 г.). В эти годы принимались многочисленные постановления ЦИК СССР, которые были направлены на регулирование уголовно-правовых отношений, помимо УК РСФСР. В 1950-х гг. были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (25 декабря 1958 г.), а 27 октября 1960 г. – УК РСФСР, который вступил в действие с 1 января 1961 г.

В начале 1990-х гг. в действовавший УК РСФСР было внесено множество изменений, отражавших реальные процессы в социально-экономической, политической сферах жизни общества этого периода, а 24 мая 1996 г. был принят новый УК РФ, вступивший в силу с 1 января 1997 г. Отметим, что с момента вступления в действие этого документа прошло совсем немного времени, если судить об этом исходя только из количества пройденных лет. Однако это время характеризовалось многочисленными изменениями в социально-экономической жизни общества, определении его политических предпочтений.

Неизбежность преступности заключается в том, что в любом обществе имеют место социальные противоречия, обуславливающие конфликты между людьми, между людьми и государством, которые не находят должного и своевременного разрешения со стороны государства, следствием чего выступает реализованное преступное поведение определенных лиц с присущим им, как правило, антиобщественным поведением. В этом смысле преступность представляет собой вечное явление¹.

Социальный характер преступности обусловлен ее сущностью, причинами существования, исторической изменчивостью, системой мер воздействия на нее.

¹ См. подробнее: Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. С. 23–29.

По своей сущности преступность – явление общественно опасное¹, так как состоит из таких видов социального поведения определенной части членов общества, которые обладают способностью причинять существенный вред общественным отношениям, охраняемым социальными и правовыми нормами (прежде всего уголовно-правовыми), а также обладают свойством прецедентности (повторяемости в будущем). Кроме того, преступность состоит из лиц, совершивших эти преступления, которые обладают общественной опасностью в связи с вероятностью совершения новых преступлений².

Существование преступности, основные ее показатели находятся в зависимости от тех явлений и процессов, которые протекают в обществе и носят по преимуществу социальный характер. В этой связи можно утверждать, что показатели состояния преступности являются и показателями кризисного состояния общества, проявлением его социальных пороков. Социальная природа преступности и ее детерминант влечет за собой применение мер воздействия на нее, которые носят ярко выраженный социальный характер³.

Уголовно-правовой характер преступности обусловлен тем, что круг деяний, составляющих преступность, определяется действующим уголовным законодательством. Изменение уголовного закона влечет за собой и изменение структуры преступности. Уголовно-правовой характер преступности по содержанию – явление объективное, поскольку уголовный запрет возникает из реально существующей потребности общества бороться с некоторыми видами человеческого поведения. Однако формализация этой объек-

¹ На общественную опасность как важнейшее свойство преступности указывает целый ряд авторов. См. напр.: Вицин С.Е. Системный подход и преступность. М., 1980. С. 50–51; Хохряков Т.Ф. Криминология. М., 2002. С. 23–24; Кондрачук Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение. М., 2008. С. 162–176; Клейменов М.П., Клейменов И.М. Нераскрытая преступность. М., 2015. С. 17.

² См. подробнее: Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты. Саратов, 2006. С. 12–17.

³ См.: Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С. 26–32; Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. Томск, 2007. С. 59–60; Жалинский А.Э. Избранные труды : в 4 т. М., 2014. Т.1: Криминология. С. 141.

тивной потребности в уголовном законе зависит от воли законодателя, его правосознания.

Нередко объективная потребность в уголовном запрете не совпадает с ее субъективным отражением в законодательстве. В результате круг деяний, образующих преступность, не в полной мере соответствует кругу деяний, воздействовать на которые необходимо уголовно-правовыми средствами. Важно отметить, что уголовно-правовой характер преступности позволяет отграничить это явление, с одной стороны, от других видов социальных отклонений (алкоголизма, наркомании, проституции, бродяжничества и т.п.), с другой стороны, от других видов правонарушающего поведения (административных правонарушений, дисциплинарных проступков и т.д.).

Преступность представляет собой относительно массовое явление. Этот признак означает, что преступность – не единичный факт, а именно явление, представленное значительным числом уголовно наказуемых деяний и целой «армией» преступников. Единичные эксцессы не могут объявляться преступными, поскольку уголовно-правовая норма рассчитана на неоднократное применение, воздействует на определенный вид человеческого поведения, носящий характер прецедента, и не оказывает регулятивного воздействия на отдельные (единичные) факты. Рассматриваемый признак характерен для всех преступлений, образующих преступность, даже для тех из них, которые совершаются крайне редко, однако представляют повышенную общественную опасность (например, насильственный захват власти). Поэтому мы говорим о массовости не в смысле совершаемости этих деяний в течение относительно небольшого промежутка времени (недели, месяца, года), а в смысле их совершаемости в течение длительного исторического периода жизни общества. Именно поэтому такие преступления представляют собой вид человеческой практики, имеют характер прецедента.

Преступность – явление не просто массовое, а относительно массовое, поскольку оно носит характер, социальной патологии, т.е. поведения, отклоняющегося от общепринятых в обществе социальных норм. Это означает, что за определенный период време-

ни и на определенной территории не все лица, достигшие возраста уголовной ответственности, совершают преступления.

*Преступность представляет собой целостную систему*¹.

Во-первых, преступность в целом обнаруживает статистическую закономерность, состоящую в ее повторяемости, устойчивой зависимости ее показателей от детерминант².

Во-вторых, в значительном числе случаев между преступлениями существует взаимосвязь. Различные виды преступности связаны между собой еще теснее, чем отдельные преступления. Например, рост преступности несовершеннолетних через некоторое время оказывает заметное влияние на рост рецидивной преступности, так как значительная часть преступников-рецидивистов начинают свою преступную деятельность в несовершеннолетнем возрасте.

В-третьих, преступность как система обладает значительной самостоятельностью по отношению к причинам, ее породившим. Это выражается как в «инертности» преступности, т.е. определенном ее отставании от социальных процессов, так и в ее относительной самостоятельности, которая выражается в самовоспроизводстве преступности, т.е. в способности ее развития по собственным закономерностям, и в самосохранении³.

В-четвертых, преступность как система обладает совокупностью системообразующих ее содержание элементов, в число которых входят преступления, а также лица, их совершившие. Большинство исследователей в содержание преступности включают только совокупность совершенных преступлений. Однако ряд исследователей справедливо полагают, что в содержание преступности необходимо включать и лиц, их совершивших⁴. Представляется,

¹ См.: Шахматов А.В. Преступность : методические указания для применения системного и вероятного методов исследования. Л.–Красноярск, 1978. С. 15; Шестаков Д.А. Криминология. СПб., 2006. С. 26–27, 150–154.

² См.: Вицин С.Е. Системный подход и преступность. М., 1980. С. 39–50.

³ См.: Шахматов А.В. Преступность : методические указания для применения системного и вероятного методов исследования. Л.–Красноярск, 1978. С. 15.

⁴ См., напр.: Вицин С.Е. Системный подход и преступность. М., 1980. С. 45; Шестаков Д.А. Криминология. СПб., 2006. С. 26–27; Моргунов С.В. Криминологическая характеристика рецидивной преступности и ее профилактика в деятельности уголовного розыска. Тюмень, 2012. С. 23–29.

что такая позиция является правильной, во-первых, потому что основными единицами статистического учета преступности в соответствии с Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений являются совершенные преступления и лица, их совершившие¹. Во-вторых, свойство общественной опасности преступности придают прежде всего лица, совершившие преступления, так как они, как уже отмечалось, характеризуются вероятностью совершения новых преступлений. Общественная опасность совершенных преступлений в основном уже реализована в том вреде, который они причинили. У совершенных преступлений остался только один аспект общественной опасности – их прецедентность, возможность повторения подобных деяний в будущем.

Временная определенность преступности позволяет установить состояние преступности в конкретный исторический период или более короткий промежуток времени (год, месяц, время года, время суток и т.д.), проследить изменение преступности во времени и ее взаимосвязь с общественными процессами.

Территориальная определенность преступности показывает распределенность ее по регионам страны, отдельным населенным пунктам, концентрацию преступности по отдельным территориям, ее взаимосвязь с социальными процессами на конкретной территории. Выявление территориальных особенностей преступности позволяет своевременно корректировать меры воздействия на нее на конкретной территории.

3.2. Основные показатели преступности

Под показателями преступности следует понимать данные, которые дают ей внешнюю количественно-качественную характеристику. К основным показателям преступности относят ее состояние, структуру, динамику и вред. Основные сведения о показателях

¹ См.: Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти». 2006. 30 янв. № 5.

преступности берутся из данных официальной уголовной статистики¹.

Состояние преступности – зарегистрированная преступность на определенной территории и за определенный промежуток времени. Абсолютное количество преступлений, зарегистрированных на определенной территории за определенный период времени, а также количество выявленных лиц, их совершивших, составляет *объем преступности*². Так, по данным МВД России в 2016 г. в Российской Федерации объем преступности выглядел следующим образом: было зарегистрировано 2 160 063 преступлений и выявлено 1 015 875 лиц, совершивших преступления.

Состояние преступности может выражаться не только в абсолютных, но и в относительных показателях, т.е. в *коэффициентах преступности*. Показатели преступности, выраженные в коэффициентах, называются *уровнем преступности* и представляют собой отношение числа зарегистрированных преступлений или лиц, их совершивших, к количеству населения, проживающего на определенной территории. Уровень преступности показывает, какое число зарегистрированных преступлений или лиц, их совершивших, приходится на заданное количество населения (как правило, на 100 тыс. жителей).

При этом используется два вида коэффициентов. Первый рассчитывается на все население определенного региона (страны), включая и малолетних:

¹ В настоящей работе использованы статистические данные МВД России (см.: Преступность и правонарушения (1997) : статистический сборник. М., 1998; Преступность и правонарушения (2000) : статистический сборник. М., 2001; Преступность и правонарушения (1993–2003) : статистический сборник. М., 2004; Преступность и правонарушения (2000–2004) : статистический сборник. М., 2005; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2005 года. М., 2006; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2006 года. М., 2007; Преступность и правонарушения (2006–2010) : статистический сборник. М., 2011; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2012 года. М., 2013; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2013 года. М., 2014; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2014 года. М., 2015; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2015 года. М., 2016; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2016 года. М., 2017.

² См.: Собрание законодательства РФ. 1994. № 5. Ст. 403.

$$K_1 = \frac{\Pi}{H} \times E,$$

где Π – число зарегистрированных преступлений на определенной территории за определенный период времени или число лиц, их совершивших; H – число жителей, проживающих на данной территории; E – заданное число жителей, на которое производится расчет (например, 100 тыс.).

Второй коэффициент рассчитывается не на все население, а только на население в возрасте 14 лет и старше, т.е. на тех, кто достиг минимального возраста уголовной ответственности:

$$K_2 = \frac{\Pi}{H_{14}} \times E,$$

где H_{14} – число жителей, проживающих на определенной территории в возрасте 14 лет и старше.

Обычно в официальной статистике принимается во внимание коэффициент преступности, рассчитанный на все население страны или определенного региона. Так, по данным МВД России в 2016 г. в Российской Федерации уровень преступности на 100 тыс. человек всего населения составил 1 476.

Эти коэффициенты рассчитываются не только на преступность в целом, но и на каждый вид особо учитываемых преступлений, входящих в ее структуру.

Для получения сравнимых характеристик преступности на несколько лет в статистических исследованиях выделяют *массив преступности*, который состоит из наиболее распространенных насильственных, общеуголовных корыстных и экономических преступлений, на регистрацию которых изменения в уголовном законе, связанные с криминализацией (декриминализацией) деяний, существенного влияния не оказывают.

Показатели состояния преступности характеризуют это явление в основном с количественной стороны, качественную характеристику преступности дают другие ее показатели.

Структура преступности представляет собой соотношение или удельный вес отдельных видов преступлений, выделенных по уголовно-правовым, криминологическим или смешанным критериям. Структура преступности выражается в абсолютных и отно-

сительных (в процентах) показателях, фактах совершенных преступлений и лицах, их совершивших.

Наибольшее практическое значение имеют следующие показатели структуры преступности:

1) удельный вес преступности в различных населенных пунктах и местностях;

2) удельный вес преступлений различной тяжести;

3) соотношение различных видов преступлений по объекту посягательства (против личности, собственности и т.д.);

4) удельный вес преступлений, в отношении которых определены приоритеты уголовной политики;

5) удельный вес групповой преступности;

6) удельный вес рецидивной преступности;

7) удельный вес преступлений, совершенных в состоянии опьянения;

8) удельный вес преступности различных категорий лиц.

Так, по данным МВД России структура преступности в 2016 г. выглядела следующим образом. В республиканских, краевых и областных центрах зарегистрировано 897,4 тыс. преступлений (41,5%), в сельской местности – 470,0 тыс. преступлений (21,8%). В общественных местах зарегистрировано 790 287 преступлений (в том числе на улицах, площадях, в парках и скверах – 501 090), на дорогах и трассах вне населенных пунктов – 28 840 преступлений. Удельный вес этих преступлений в общем количестве зарегистрированных преступлений составил соответственно 36,6% и 1,3%.

Тяжких и особо тяжких преступлений было зарегистрировано 457 779, и их удельный вес в общем количестве зарегистрированных преступлений составил 21,2%.

Преступлений против личности было зарегистрировано 347 322, их удельный вес в общем количестве зарегистрированных преступлений составил 16%. Из них убийства (с покушениями) составили 10 444, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 27 442, изнасилования (с покушениями) – 3 893.

Преступлений против собственности было зарегистрировано 1 232 421, их удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений составил 57,0%. Из них кражи составили 871 084,

мошенничество – 208 926; грабежи – 61 524, разбои – 11 416, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угоны) – 24 169. 27% краж, 4,8% грабежей, 9,0% разбоев было сопряжено с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище.

Количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, составило 28,0 тыс., их удельный вес в общем количестве зарегистрированных преступлений составил 1,3%. Число зарегистрированных хищений и вымогательств оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств составило 1,4 тыс. Число зарегистрированных преступлений с использованием оружия составило 6,0 тыс.

Преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, было зарегистрировано 201 165. Удельный вес этих преступлений в общем количестве зарегистрированных преступлений составил 9,3%.

Количество зарегистрированных преступлений экономической направленности составило 108 800, коррупционной направленности – 32 924, террористического характера – 2 227, экстремистской направленности – 1 450, экологических – 23 688. Удельный вес этих преступлений в общем количестве зарегистрированных преступлений составил соответственно 5,0, 1,5, 0,1, 0,06 и 1,0%.

Преступлений, совершенных группой лиц, было зарегистрировано 104 366, в том числе совершенных группой лиц по предварительному сговору – 85 216, организованными группами и преступными сообществами – 12 581. Удельный вес групповых преступлений в общем количестве зарегистрированных преступлений составил 4,8%.

Количество зарегистрированных преступлений, совершенных лицами, ранее совершившими преступления, составило – 674 935, из них ранее судимыми – 359 171. Удельный вес зарегистрированных преступлений, совершенных лицами, ранее совершившими преступления, в общем числе зарегистрированных преступлений составил 31,2%.

Преступления, совершенные несовершеннолетними или при их соучастии, составили 53 736, преступления, совершенные ино-

странными гражданами и лицами без гражданства – 43 933, преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения, – 440 154, преступления, совершенные в состоянии наркотического опьянения, – 28 237. Удельный вес этих преступлений в общем количестве зарегистрированных преступлений составил соответственно 2,5, 2,0, 20,4 и 1,3%.

Среди лиц, совершивших преступления, наибольший удельный вес составили мужчины – 85,4% (867 849 чел.), удельный вес женщин составил 14,6% (148 026 чел.). Из общего числа выявленных лиц наибольшей криминальной активностью отличались лица, не имевшие постоянного источника дохода, – 65,4% (664 627 чел.), а также лица, ранее совершавшие преступления, – 54,0% (548 382 чел.). Среди выявленных лиц учащиеся и студенты составили – 4,9% (49 971 чел.), безработные – 0,6% (6 146 чел.).

Исходя из структуры преступности в криминологических исследованиях делается вывод о ее характере, т.е. наиболее типичных чертах (в частности, о ее корыстно-насильственной направленности).

Динамика преступности – это изменение ее основных показателей за определенный период времени и / или на определенной территории. Для характеристики этого показателя преступности в криминологических исследованиях используют одновременно два метода: математический и графический.

Математический метод воплощается в двух способах: а) *цепном*, при котором показатели преступности текущего года сравниваются с предыдущим; б) *базовым*, при котором показатели преступности последующих лет сравниваются с показателем преступности одного года, принятого за базу.

Графический метод наглядно иллюстрирует изменения показателей преступности в виде графиков, диаграмм, таблиц. Так, динамику преступности за последние годы в России как по фактам зарегистрированных преступлений, так и по лицам, их совершившим, можно наглядно представить на примере табл. 1, 2, в которых показатели динамики преступности отражены в абсолютных и относительных величинах. Приведенные данные о зарегистрированных преступлениях показывают тенденцию роста этих показателей преступности с 1998 по 2006 г., а затем снижения с 2007 по

2017 г. (прирост был зафиксирован только в 2015 г. по отношению к 2014 г.). Данные о зарегистрированных лицах, совершивших преступления, выглядят несколько иначе. С 1998 по 2000 г. наблюдается повышение этих показателей преступности, а с 2001 по 2016 г. – их неравномерное снижение, так как в 2005, 2006, 2007, 2013 и 2015 гг. был зафиксирован прирост этих показателей по сравнению с предшествующим годом. Очевидно, такое неравномерное снижение рассматриваемых показателей связано с неравномерными успехами правоохранительных органов в раскрытии зарегистрированных преступлений. В целом, если взять за базу показатели зарегистрированной преступности в 1997 г., можно утверждать, что с 1997 по 2016 г. динамику преступности характеризует тенденция ее снижения по России в целом.

Таблица 1

Число преступлений, зарегистрированных в России

Годы	Всего	Прирост (снижение), в % к предыдущему году
1997	2 397 311	-8,7
1998	2 581 900	+7,7
1999	3 001 748	+16,3
2000	2 952 367	-1,6
2001	2 968 255	+0,5
2002	2 526 305	-14,9
2003	2 756 398	+9,1
2004	2 893 810	+5,0
2005	3 554 738	+22,8
2006	3 855 373	+8,5
2007	3 582 541	-7,1
2008	3 209 862	-10,4
2009	2 994 820	-6,7
2010	2 628 799	-12,2
2011	2 404 807	-8,5
2012	2 302 168	-4,3
2013	2 206 249	-4,2
2014	2 190 578	-1,8
2015	2 388 476	+8,6
2016	2 160 063	-9,6

Число выявленных лиц, совершивших преступления в России

Годы	Всего	Прирост (снижение), в % к предыдущему году
1997	1 372 161	-15,2
1998	1 418 503	+8,0
1999	1 716 679	+15,9
2000	1 741 439	+1,4
2001	1 644 242	-5,6
2002	1 257 700	-23,5
2003	1 236 733	-1,7
2004	1 222 504	-1,2
2005	1 297 123	+6,1
2006	1 360 860	+4,9
2007	1 317 582	-3,2
2008	1 256 199	-4,7
2009	1 219 789	-2,9
2010	1 111 145	-8,9
2011	1 041 340	-6,3
2012	1 010 938	-2,9
2013	1 012 563	+0,2
2014	1 006 003	-1,2
2015	1 075 333	+6,3
2016	1 015 875	-5,5

Показателями, характеризующими динамику преступности, являются ее абсолютный прирост (снижение), темпы роста (снижения) и темпы прироста.

Абсолютный прирост преступности представляет собой разность между данными и сравниваемыми показателями преступности.

Темп роста преступности показывает во сколько раз данный показатель преступности больше (меньше) показателя, взятого для сравнения. Этот показатель может выражаться либо в процентах, либо в коэффициентах.

Темп прироста преступности показывает, на сколько данный показатель преступности больше (меньше) показателя, взятого для сравнения. Этот показатель также может выражаться как в процентах, так и в коэффициентах.

Вред от преступности является одним из основных ее показателей, поскольку именно он характеризует преступность как нежелательное для общества явление. Вред представляет собой негативное последствие преступности. Это означает, что нейтральные последствия преступности или отдельного преступления не входят в предмет криминологических исследований.

Основную группу негативных последствий от преступности составляет тот совокупный вред, который возникает в результате совершения отдельных преступлений. Однако как преступность не сводима к совокупности отдельных преступлений, так и вред от преступности не может сводиться к совокупному вреду всех преступлений. Это обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, при совершении преступлений учитывается только такой вред, который имеет уголовно-правовое значение. Таким является вред, имеющий свойство основного или квалифицирующего признака состава преступления, а также обстоятельства, отягчающего наказание. Очевидно, что все эти виды негативных последствий объединяют причинение вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, а также наличие причинной и виновной (умысла или неосторожности) связи между преступным деянием и вредом.

В понятие вреда от преступности входят, кроме того, те негативные последствия, которые выходят за рамки объекта уголовно-правовой охраны (например, эмоциональные переживания родных и близких потерпевших), а также последствия, выходящие за пределы субъективного предвидения преступника, но опосредованно связанные с преступлением (например, затраты государства на содержание осужденного).

Во-вторых, отдельные преступления даже в совокупности не приводят к тому вреду, к которому приводит преступность. Например, одним из негативных последствий групповой преступности является расширенное воспроизводство устойчивой криминальной среды. Этот вред не может возникнуть только в результате совершения отдельных преступлений в составе группы.

В-третьих, криминологическая оценка вреда от преступности не совпадает с уголовно-правовой оценкой вреда от отдельных преступлений. Это обусловлено тем, что вред от отдельных видов

преступлений может быть значительно меньше, чем вред от того вида преступности, который они представляют. Например, значительная часть преступлений против государства опаснее преступлений против собственности, однако в связи с большей распространенностью преступлений против собственности ими причиняется более значительный вред, чем всеми преступлениями против государства в совокупности.

Следует отметить, что при уголовно-правовой оценке преступлений количественный критерий является основным для определения причиненного вреда, качественный – дополнительным. Напротив, при оценке вреда от преступности оба критерия являются равнозначными, а нередко качественный критерий приобретает доминирующее значение. Например, при оценке вреда от экологической преступности большее значение имеет не количество вырубленных деревьев, погибших животных и т.д., а те негативные изменения, которые произошли в природных условиях жизнедеятельности человека.

В криминологической литературе разработаны две основные классификации вреда от преступности. В зависимости от характера выделяют вред прямой и косвенный. *Прямой вред* выражается в совокупности негативных изменений в материальной и духовной сферах жизни общества. *Косвенный вред* выражается в совокупности всех издержек, которые несет общество в связи с существованием преступности. В зависимости от вида социальных ценностей, которые подвергаются негативным изменениям, выделяют следующие виды вреда:

- физический вред, выражающийся в количестве смертей, числе инвалидов, количестве рабочих дней, потерянных в связи с утратой потерпевшими здоровья, ухудшении здоровья потерпевших, уменьшении продолжительности жизни большей части населения;
- имущественный вред, исчисляемый в денежном выражении;
- личный неимущественный вред, выраженный в негативных нравственно-психологических издержках для общества (от клеветы, оскорбления и т.д.);
- политический вред, причиненный государству как официальному представителю всего общества и нередко выражающийся в отчуждении законопослушных граждан от государства;

– экологический вред, выражающийся в разрушении природной среды обитания человека.

Хотя вред от преступности является одним из основных ее показателей, методики установления вреда не получили достаточной разработки в отечественной криминологической науке. Очевидно, по этой причине не в полной мере этот вред отражается в уголовно-правовой статистике. Так, МВД России приводит только следующие данные о вреде от преступности за 2016 г.: в результате преступлений погибли 29,2 тыс. чел, здоровью 44,9 чел. причинен тяжкий вред; на сельскую местность приходится 39,9% погибших (11,6 тыс. чел.), на города и поселки, не являющиеся центрами субъектов Федерации, – 35,2% лиц, здоровью которых причинен тяжкий вред (15,8 тыс. чел.); ущерб от преступлений составил 562,63 млрд руб., почти три четверти ущерба (71,1 %) приходится на преступления, зарегистрированные в центрах субъектов Российской Федерации¹.

3.3. География преступности

Для отечественной криминологии и практики предупреждения преступности большое значение имеет анализ данных о преступности не только в целом по Российской Федерации, но и по отдельным регионам.

Все субъекты Российской Федерации (регионы России) объединены в восемь федеральных округов. Правовой основой создания федеральных округов Российской Федерации является Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе». Согласно Конституции Российской Федерации федеральные округа не являются субъектами административного деления России (субъектами Российской Федерации). В соответствии с этим Указом было образовано семь федеральных округов: Центральный, Южный, Приволжский, Уральский, Северо-Западный, Сибирский и Дальневосточный.

¹ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2016 года. М., 2017. С. 46.

Первоначально округа были созданы по аналогии с военными округами и экономическими районами страны, хотя и не совпадали с их количеством и составом. Указом Президента Российской Федерации Д.А. Медведева от 19 января 2010 г. № 82 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849, и в Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 г. № 724 “Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти”» из состава Южного федерального округа выделен Северо-Кавказский федеральный округ. Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина от 21 марта 2014 г. был создан и включен в состав Российской Федерации Крымский федеральный округ. Указом Президента Российской Федерации № 375 от 28 июля 2016 г. Крымский федеральный округ был упразднен и вошел в состав Южного федерального округа. Таким образом, в настоящее время в состав Российской Федерации входят 85 субъектов Российской Федерации (регионов России), которые объединены в восемь федеральных округов (табл. 3).

Таблица 3

**Количественный состав федеральных округов
Российской Федерации**

Федеральный округ	Административный центр	Количество субъектов
Центральный	Москва	18
Северо-Западный	Санкт-Петербург	11
Приволжский	Нижний-Новгород	14
Уральский	Екатеринбург	6
Сибирский	Новосибирск	12
Дальневосточный	Хабаровск	9
Южный	Ростов-на-Дону	8
Северо-Кавказский	Пятигорск	7

Сведения о территориальном распределении преступности в Российской Федерации формируются на основе данных первичного учета преступности (преступлений и лиц, их совершивших) по месту совершения преступлений, затем обобщаются в официальной отчетности органов уголовной юстиции районов, городов,

областей, краев, республик, федеральных округов и Российской Федерации в целом.

Очевидно, что в разных федеральных округах, регионах, проживает разное количество населения, что делает крайне неудобным сравнение абсолютных показателей числа зарегистрированных преступлений и лиц, их совершивших. В этой связи удобнее пользоваться показателями, характеризующими коэффициент преступности (уровень преступности).

Уровень преступности существенно различается по регионам России. Так в 2006 г., отличавшемся наиболее высоким уровнем преступности, размах вариации признака по регионам – субъектам Российской Федерации – достигал 4 540 преступлений в расчете на 100 тыс. постоянного населения (от 464 в Республике Ингушетия до 5 004 в Пермском крае, что в 10,8 раза больше). В 2014 г. этот показатель оказался в 1,7 раза меньше – 2 689 (от 260 на 100 тыс. населения в Чеченской Республике до 2 949 в Забайкальском крае), однако в 2015 г. размах вариации уровня преступности в России вновь увеличился, составив 2 819 (от 250 до 3 069 на 100 тыс. населения в этих же регионах). Различия между экстремальными значениями выросли до 12,3 раза, однако в центральной половине регионов (без 25% регионов с наименьшими и 25% с наибольшими значениями) значение признака варьировалось в более узком диапазоне – от 1 259 до 2 150 на 100 тыс. населения.

В половине российских регионов уровень преступности в 2016 г. не превышал 1 611 преступлений на 100 тыс. человек, а в 7 регионах был меньше 1 000: Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Дагестан, Карачаево-Черкессия, Северная Осетия-Алания, Тульская и Рязанская области. Отметим и тот факт, что в 26 регионах страны уровень преступности был выше 2 000 преступлений на 100 тыс. человек: Забайкальский край, Бурятия, Коми, Тыва, Хакассия и Курганская область (от 2 560 до 2 841).

Уровень преступности выше в относительно малонаселенных регионах Сибири и Дальнего Востока и ниже в более плотно заселенных регионах европейского центра и особенно юга страны. Отчасти имеющиеся различия обусловлены особенностями половозрастного состава населения. В частности, в восточных регионах относительно выше удельный вес молодых мужчин; в некоторых

республиках Северного Кавказа, отличающихся наиболее низкими показателями преступности, почти треть населения составляют малолетние, а в населении регионов центральной и северо-западной России высока доля старших возрастных групп, в которых число правонарушений незначительно. Отметим, что это один и далеко не универсальный фактор, влияющий на уровень преступности.

В каждом федеральном округе есть свои «лидеры», т.е. регионы с наиболее высокими показателями преступности.

Более подробно рассмотрим региональные особенности преступности в Сибирском федеральном округе, в состав которого входят Алтайский, Забайкальский и Красноярский края, Республики Алтай, Бурятия, Тыва, Хакассия, а также Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская области.

По своему географическому положению округ занимает центральное место в азиатской части России и относится к числу наиболее крупных территориальных образований. Население округа составило на начало 2016 г. 19 312,2 тыс. человек, или 13,2% от всего населения Российской Федерации; Сибирский федеральный округ занимает по этому показателю третье место в стране после Центрального и Приволжского округов. Территория округа охватывает 5 145 тыс. кв. км, что составляет 30,04% территории Российской Федерации. По площади Сибирский федеральный округ занимает второе место среди федеральных округов, уступая только Дальневосточному.

Более 2/3 населения (70,4%) проживает в городах. Крупнейшими городами Сибирского федерального округа являются Новосибирск, Омск, Красноярск, Иркутск, Барнаул, Томск, Новокузнецк, Кемерово, Улан-Удэ. Всего на территории округа расположено 132 города, из них три являются городами-миллионерами: Новосибирск, Омск, Красноярск.

Плотность населения в Сибирском федеральном округе одна из самых низких в стране (второй показатель снизу среди всех федеральных округов) и составляет 4,02 человека на 1 км².

Демографическая ситуация в Сибирском федеральном округе – одна из наиболее сложных в России. Численность населения сокращается. Это обусловлено, во-первых, превышением смертности

в округе над рождаемостью, во-вторых, наличием устойчивой тенденции отрицательных миграционных потоков: многие люди уезжают по разным причинам из округа, а тех, кто приезжает, значительно меньше.

Регионы, входящие в Сибирский федеральный округ, населяют люди разной культурной, национальной и конфессиональной принадлежности. Эти регионы существенно отличаются друг от друга характером и уровнем развития промышленности и сельского хозяйства, транспорта и связи, уровнем материального обеспечения и т.п. Разнообразен этнический и религиозный состав населения некоторых регионов, способствующий возникновению проблем этноконфессионального характера, что не может не оказывать влияния на состояние законности и правопорядка, а также другие стороны жизни отдельных регионов, входящих в Сибирский федеральный округ.

Анализ преступности в округе следует начинать с характеристики показателей, определяющих ее состояние: объем, коэффициенты (табл. 4, 5).

Таблица 4

**Объем зарегистрированных преступлений
в регионах Сибирского федерального округа**

Регионы	Всего зарегистрировано преступлений				
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Красноярский край	58 585	58 832	56 359	62 282	57 248
Новосибирская область	51 314	49 339	46 547	53 273	45 201
Кемеровская область	65 530	63 198	61 990	62 286	58 414
Иркутская область	60 109	57 098	53 162	53 552	47 009
Алтайский край	42 102	45 024	44 096	48 582	44 576
Омская область	30 372	29 054	29 014	30 746	29 352
Забайкальский край	31 287	35 001	32 150	33 373	29 658
Томская область	23 156	20 691	20 616	23 104	20 432
Республика Бурятия	23 507	23 765	24 592	27 797	23 479
Республика Хакассия	11 042	10 538	13 921	13 774	11 052
Республика Тыва	5 921	6 138	6 588	8 439	10 914
Республика Алтай	4 735	4 522	4 348	5 318	4 832
Итого по округу	407 660	403 200	393 383	422 926	382 167
Российская Федерация	2 302 168	2 206 249	2 166 399	2 352 098	2 160 100

Приведенные в табл. 4 данные показывают абсолютные величины зарегистрированных преступлений в регионах, входящих в Сибирский федеральный округ. Очевидно, данные показатели плохо поддаются сравнению. В этой связи необходимо воспользоваться таким показателем, характеризующим преступность, как коэффициент (уровень) преступности, представляющий собой отношение общего числа зарегистрированных преступлений или лиц, их совершивших, к количеству населения, проживающего в конкретном регионе. Уровень преступности показывает, какое число зарегистрированных преступлений или лиц, их совершивших, приходится на заданное число населения (обычно на 100 тыс. жителей).

Таблица 5

Уровень зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения в регионах Сибирского федерального округа

Регионы	Уровень преступности				
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Красноярский край	2 058,1	2 066,8	1 979,9	2 188,0	1 991,0
Новосибирская область	1 893,8	1 820,9	1 717,9	1 966,1	1 818,0
Кемеровская область	2 389,4	2 304,3	2 260,3	2 285,7	2 171,6
Иркутская область	2 481,7	2 357,4	2 194,9	2 211,0	1 946,3
Алтайский край	1 755,1	1 877,0	1 838,3	2 025,3	1 964,0
Омская область	1 538,6	1 471,8	1 469,81	1 557,5	1 495,1
Забайкальский край	2 856,8	3 195,8	2 935,5	3 047,2	2 742,10
Томская область	2 175,8	1 944,2	1 937,2	2 171,0	1 954,0
Республика Бурятия	2 418,8	2 445,4	2 530,5	2 860,3	2 545,7
Республика Хакассия	2 071,5	1 977,1	2 611,8	2 584,2	2 067,4
Республика Тыва	1 907,1	1 976,8	2 121,7	2 717,8	3 261,4
Республика Алтай	2 251,0	2 150,2	2 067,5	2 528,7	2 248,2
Итого по округу	2 114,2	2 991,1	2 039,0	2 188,6	1 969,6
Российская Федерация	1 609,2	1 539,0	1 507,9	1 608,0	1 476,8

Анализ данных, приведенных в табл. 5, показывает, что наиболее высокие показатели уровня зарегистрированных преступлений в Сибирском федеральном округе отмечаются в Забайкальском крае, Республике Бурятия, Республике Тыва. Наиболее низкие показатели были характерны для Омской, Новосибирской и Томской областей.

Структура преступности в Сибирском федеральном округе. Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в общем числе всех зарегистрированных преступлений в 2011–2016 гг. стабильно превышал 20%. Наибольший показатель (24,7%) отмечен в 2011 г., а наименьший (20,6%) – в 2015 г. Следует учесть, что общероссийские показатели удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений среди всех зарегистрированных преступлений в этот период выше показателей Сибирского федерального округа.

Более половины всех зарегистрированных преступлений в округе приходится на хищение. Безусловным лидером среди хищений является кража, удельный вес которой в разные годы исследуемого периода составляет от 46,1 до 48,0% от всех зарегистрированных преступлений. Высок удельный вес грабежей, мошенничеств как среди хищений, так и среди всех зарегистрированных преступлений. Показатели отмеченных выше преступлений в Сибирском федеральном округе практически не отличаются от общероссийских.

Удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в числе всех зарегистрированных преступлений в округе в рассматриваемый период был стабильным. Минимальный показатель отмечен в 2011, 2012, 2015 гг. и составил 9%, а максимальный (10%) – в 2013, 2014 гг. Эти показатели практически совпадают с общероссийскими.

Удельный вес несовершеннолетних среди всех лиц, совершивших преступления в Сибирском федеральном округе, аналогичен общероссийским показателям. Это относится и к показателям, характеризующим лиц, совершивших преступления повторно, и лиц, которые на момент совершения преступления не имели постоянного источника дохода.

В Сибирском федеральном округе существенно выше общероссийских показатели удельного веса лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения. В частности, наименьший показатель в округе был отмечен в 2011 г. – 31% среди всех лиц, совершивших преступления, а наибольший – в 2015 г. – 41%. Аналогичные общероссийские показатели – 23 и 36% соответственно.

Динамика преступности в Сибирском федеральном округе практически не отличалась от общероссийской. Она имела волнообразный характер по годам с последующей тенденцией к снижению абсолютных показателей зарегистрированных преступлений и лиц, их совершивших.

3.4. Латентная преступность

Показатели зарегистрированной преступности не в полной мере соответствуют действительной ситуации с преступностью в стране, поскольку не все совершаемые преступления и лица, их совершившие, находят отражение в статистической отчетности. И одним из важных обстоятельств, влияющих на степень соответствия отчетных статистических данных действительному положению дел с преступностью, является скрытность преступлений от органов, в обязанности которых входит их регистрация, или латентность. По мнению Д.А. Ли существует некоторая постоянная пропорция зарегистрированной и незарегистрированной преступности: «...число зарегистрированных преступников составляет 24,0% от общей численности предполагаемых преступников, а 76,0% удается избежать уголовной ответственности»¹.

Криминологи во всем мире изучают это явление, прилагают усилия, чтобы раскрыть его природу, выявить и изучить основные показатели латентности: состояние, структуру, динамику, вред; определить причины и условия, которые порождают это явление и обуславливают его существование. В криминологической науке существуют разные позиции относительно латентной преступности².

Представляется, что под *латентной преступностью* следует понимать преступность, оказавшуюся за пределами уголовно-статистического учета.

¹ См.: Ли Д.А. Преступность как социальное явление. М., 1997. С. 41.

² См.: Курс советской криминологии. М., 1985. Т. 1. С. 164; Шляпочников А.С., Забрянский Г.И. Выявление латентной преступности // Советское государство и право. 1971. № 5. С. 99; Конев А.А. О понятии латентной преступности и роли аппаратов уголовного розыска и следствия в борьбе с преступностью // Труды Омской высшей школы милиции. Омск, 1976. Вып. 21. С. 33.

Латентная преступность может быть охарактеризована теми же количественно-качественными показателями, что и зарегистрированная: состояние, структура, динамика, вред. В структуре латентной преступности наибольший удельный вес составляют преступления, не представляющие большой общественной опасности (преступления небольшой и средней тяжести). Это подтверждают данные официальной статистики. Так, по данным МВД России в 2016 г. в стране осталось не раскрыто 938,4 тыс. преступлений (6,1%). Из них на долю тяжких и особо тяжких преступлений пришлось 21,8%. Число нераскрытых убийств составило 932 (22,5%), фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – 2,2 тыс. (20,6%), краж – 559,6 тыс. (8,7%), грабежей – 23,8 тыс. (20,3%), разбоев – 3 тыс. (25,2%)¹. Исследователи отмечают, что наибольший удельный вес в латентной преступности преступлений небольшой и средней тяжести связан с тем, что конфликты, возникающие из совершения этих преступлений, могут быть разрешены без привлечения органов системы уголовной юстиции².

Поскольку удельный вес различных видов преступлений в общей структуре латентной преступности неодинаков³, по степени латентности их можно разделить на три группы:

1. Преступления с минимальной степенью латентности (убийства, с покушением; причинение тяжкого вреда здоровью; разбойные нападения и др.).

2. Преступления со средней степенью латентности (кражи, грабежи, изнасилования и др.).

3. Преступления с высокой степенью латентности (заражение венерической болезнью, незаконное производство аборта, взяточничество и др.)⁴.

¹ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2016 года. М., 2017. С. 48.

² См.: Горяинов К.К. Латентная преступность в России: результаты исследования и меры борьбы // Латентная преступность: познание, политика, стратегия. М., 1993. С. 28; Клейменов М.П., Клейменов И.М. Нераскрытая преступность. М., 2015. С. 8–15.

³ См.: Жалинский А.Э. Избранные труды : в 4 т. М., 2014. Т. 1: Криминология. С. 145.

⁴ См.: Криминология. СПб., 1992. С. 60.

В криминологической литературе приводятся данные, показывающие величину латентности для отдельных видов преступлений. Так, «темное число» детоубийств составляет 1 : 10, абортотворцев – 1 : 100, обычных краж – 1 : 20, крупных краж – 1 : 8, грабежей – 1 : 5, мошенничеств – 1 : 20 и т.д.¹

Не придавая чрезмерного значения строгости исчисления конкретных показателей латентности (представляется, что из самой природы данного явления следует вывод о невозможности точного определения его размеров), следует согласиться с криминологами, которые считают, что при современном уровне знаний и наличии используемых методик нельзя ставить иную задачу, чем приблизительное установление основных показателей латентной преступности и определение основных направлений ее развития.

Количественную характеристику вреда от латентной преступности дать еще сложнее, чем определить ее реальное состояние. Однако качественная оценка такого вреда позволяет говорить о наличии следующих негативных последствий латентной преступности:

- отсутствует реальное представление о состоянии преступности в стране, конкретном регионе;
- дается искаженный криминологический прогноз преступности;
- применяется неадекватная система мер предупреждения преступности;
- нарушается принцип неотвратимости уголовной ответственности, создается обстановка безнаказанности, которая во многом стимулирует дальнейшее совершение преступлений;
- у населения появляется страх перед преступностью, который объективно ухудшает качество жизни населения, поскольку страх ограничивает сферы социальной активности людей в выборе места жительства, времени и места проведения досуга, приобретении конкретного имущества и т.п.;
- происходит дискредитация органов уголовной юстиции, а следовательно, и государства, и их отчуждение от законопослушного населения страны;

¹ См.: Криминология : учебник / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб., 2002. С. 53.

– права потерпевших остаются незащищенными, поскольку отсутствуют официально установленные лица, совершившие преступления и обязанные загладить причиненный вред¹.

В криминологической науке, исходя из механизма «вхождения» преступлений в число латентных, различают естественную латентность, латентность «пограничных ситуаций» и искусственную латентность².

Естественная латентность состоит из преступлений, которые не регистрируются потому, что они не обнаруживаются соответствующими органами уголовной юстиции.

При латентности «пограничных ситуаций» преступления не регистрируются, потому что органы уголовной юстиции дают им неправильную уголовно-правовую оценку. Например, уголовно-правовое хищение имущества квалифицируется как административно-правовое.

Искусственная латентность представлена теми преступлениями, которые обнаруживаются и правильно оцениваются работниками органов уголовной юстиции, однако сознательно по различным причинам не регистрируются.

Поскольку механизм появления латентных преступлений во многом зависит от деятельности органов уголовной юстиции, уровень латентной преступности в определенной мере может рассматриваться в качестве показателя эффективности деятельности органов уголовной юстиции в предупреждении преступности.

Причины того, что преступления остаются незарегистрированными, условно делятся на объективные и субъективные.

К объективным можно отнести следующие обстоятельства:

1. Ограниченная пропускная способность органов уголовной юстиции, обусловленная их недостаточной штатной численно-

¹ См.: Криминология и профилактика преступлений. М., 1989. С. 47; Бородин С.В. Борьба с преступностью. Теоретическая модель комплексной программы. М., 1990. С. 58–99; Кури Г. Международное сравнительное исследование виктимизации населения // Латентная преступность: познание, политика, стратегия. М., 1993. С. 93–94.

² См.: Преступность, ее причины и пути предупреждения. Волгоград, 1990. С. 6; Алексеев А.М., Роша А.Н. Латентная преступность и эффективность деятельности правоохранительных органов // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1973. Вып. 19. С. 31–33.

стью, слабой материально-технической базой, перегруженностью сотрудников и другими факторами организационного характера. В этой связи можно говорить о том, что величина преступности в статистической отчетности отражает не только величину преступности в действительности, но также и обеспеченность органов уголовной юстиции кадрами, а структура преступности в статистической отчетности отражает не только структуру преступности в действительности, но и распределение сотрудников между отдельными подразделениями, например, органов внутренних дел.

2. Особенности механизма совершения некоторых преступлений. Например, скрытый механизм совершения и высокая латентность взяточничества объясняются тем, что в этом преступлении нет жертвы, поэтому каждый из его участников не заинтересован в сообщении о факте преступления в органы уголовной юстиции.

3. Несовершенство показателей эффективности деятельности органов уголовной юстиции. Например, сокрытие работниками этих органов в недавнем прошлом преступлений во многом было обусловлено тем, что их деятельность оценивалась по показателям роста или снижения зарегистрированной преступности. Таким образом, ответственность за состояние преступности возлагалась в основном на органы уголовной юстиции.

4. Наличие более эффективных, чем органы уголовной юстиции, способов разрешения проблем, порожденных преступлениями. В основном это относится к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности. Например, возникает конфликт между людьми, в основе которого лежит оскорбление одного лица другим, данный конфликт, как показывает практика, более эффективно разрешается обычными житейскими способами.

5. Отсутствие реальной правовой защищенности потерпевших и очевидцев преступления от расправы со стороны преступников. В этих условиях не каждый гражданин решается сделать заявление о совершенном преступлении.

К субъективным причинам латентной преступности относятся следующие обстоятельства:

1. Стремление государства устранить социально-психологические издержки (например, беспокойство населения), связанные с выявлением и обнародованием полной картины преступности¹.

2. Стремление сотрудников органов уголовной юстиции уменьшить объем своей работы.

3. Низкий уровень правосознания определенной части населения, обусловленный либо правовой безграмотностью в оценке конкретного поведения как преступного, либо негативными поведенческими установками в отношении органов уголовной юстиции.

4. Неверие потерпевших и очевидцев преступления в способность органов уголовной юстиции обеспечить неотвратимость уголовной ответственности.

5. Виктимное поведение потерпевшего, которое может получить негативную правовую или моральную оценку со стороны работников органов уголовной юстиции.

6. Нежелание потерпевших и очевидцев преступления разглашать интимные стороны своей жизни².

Знание основных причин латентной преступности позволяет в определенной мере снизить количество нерегистрируемых преступлений.

3.5. Система учета преступности

Любое криминологическое исследование невозможно без сбора необходимых данных о преступности как о массовом социальном явлении. Такой сбор осуществляется путем регистрации по установленным признакам той единицы или слагаемого, из которых и составляется массовое явление, т.е. преступность. Очевидно, что такой единицей будет являться каждый случай преступления,

¹ См.: Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С. 61; Усс Л.В. Социально-интегративная роль уголовного права. Красноярск, 1993. С. 25–29.

² См.: Алексеев А.М., Роша А.Н. Латентная преступность и эффективность деятельности правоохранительных органов // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1973. Вып. 19. С. 33.

а также лицо или лица, его совершившие, которые и регистрируются по определенным признакам в документах первичного учета органов уголовной юстиции.

Начало системы учета преступности в России принято относить к 1802 г., когда были созданы Министерство внутренних дел, Министерство юстиции и их подразделения на местах. Именно с этого времени указанные ведомства начинают осуществлять регистрацию преступлений и лиц, их совершивших, организуют статистическую уголовную отчетность, что явилось огромным достижением для того времени и в чем Россия опередила многие западноевропейские страны. Введение государственной системы учета преступности позволило государству более эффективно воздействовать на это негативное социальное явление и, кроме того, обусловило развитие научных исследований, связанных с преступностью.

Введенная в 1802 г. система учета преступности на протяжении многих лет видоизменялась, модернизировалась, однако основные ее единицы – преступление и лицо, его совершившее – и в настоящее время лежат в основе системы учета преступности.

В соответствии с Приказом о едином учете преступлений от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399, который зарегистрирован в Минюсте РФ 30 декабря 2005 г., с 1 января 2006 г. введены в действие:

- Типовое положение о едином порядке организации приема, регистрации и проверке сообщений о преступлении;
- Положение о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений;
- Инструкция о порядке заполнения и представления учетных документов.

В соответствии с этим нормативным актом к учетным документам относятся статистические карточки:

- Форма № 1 – на выявленное преступление;
- Форма № 11 – о результатах расследования преступления;
- Форма № 2 – на лицо, совершившее преступление;
- Форма № 3 – о движении уголовного дела;

Форма № 4 – о результатах возмещения материального ущерба и изъятия предметов преступной деятельности.

С 1 июля 2006 г. введены в действие статистические карточки формы № 5 – о потерпевшем, формы № 6 – о результатах рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции и приложение к статистической карточке формы № 6 на преступление по делу частного обвинения.

В соответствии с Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений *под регистрацией понимается присвоение регистрационного номера объектам регистрации.*

Учет – фиксирование в учетных документах органом дознания, дознавателем, следователем, прокурором, судьей сведений об объектах учета с последующим включением информационным центром МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации, УВДТ, ДРО МВД России, Главной военной прокуратуры в статистическую отчетность сведений об объектах, отраженных в учетных документах.

Объектами регистрации являются: уголовное дело, материал с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела по не реабилитирующим основаниям.

Объектами учета являются: преступление, лицо, совершившее преступление, уголовное дело и принятые по нему решения, материальный ущерб, причиненный преступлением и обеспечение его возмещения, потерпевший, судебное решение по уголовному делу.

В анализируемом Положении предусмотрен *отдельный учет*, т.е. фиксирование в учетных документах органом дознания, дознавателем, следователем, прокурором, судьей сведений о деяниях с признаками преступления, по которым лица, их совершившие, в соответствии с действующим уголовным законодательством Российской Федерации не являются субъектами преступлений, а также сведений об указанных лицах. Порядок учета этих деяний сохраняется в полном объеме, однако сведения о них в общее число учетных преступлений не включаются.

Субъектами регистрации по действующему законодательству являются:

- органы прокуратуры (включая военные прокуратуры);
- органы внутренних дел РФ;

- органы Федеральной службы безопасности (включая пограничные органы);
- органы Федеральной службы исполнения наказания;
- таможенные органы РФ;
- органы Федеральной службы судебных приставов;
- органы противопожарной службы МЧС.

Субъектами регистрации являются также иные перечисленные в п. 3 ч. 1 ст. 40 УПК РФ органы дознания и должностные лица, перечисленные в пп. 1–3 ст. 40 УПК РФ, которым уголовно-процессуальным законодательством предоставлено право возбуждать уголовные дела и проводить дознание, в частности должностные лица Следственного комитета РФ.

Субъектами учета преступления являются: орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор, на которых возложена обязанность фиксировать в учетных документах сведения об объектах учета.

Действующее Положение предусматривает, что учетные документы в течение суток с момента принятия надзирающим прокурором процессуального решения по уголовному делу направляются лицом, производившим предварительное расследование, в регистрационно-учетные подразделения. Последние в течение суток направляют все поступившие учетные документы в информационный центр (ИЦ).

Учету подлежит каждое преступление. *Основаниями учета преступлений* являются:

- постановление о возбуждении уголовного дела;
- постановление в отказе в возбуждении уголовного дела;
- постановление об отмене постановления о прекращении уголовного дела и о возобновлении производства по уголовному делу, ранее прекращенному со снятием преступления с учета;
- постановление о принятии уголовного дела к производству, поступившего по подследственности, по которому преступления ранее были учтены в другом ИЦ и подлежат там снятию с учета;
- постановление о выделении уголовного дела о ранее неучтенном преступлении из другого уголовного дела;
- постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого по

нерабилитирующим основаниям по ранее неучтенному преступлению;

- обвинительное заключение по ранее неучтенному преступлению;

- обвинительный приговор суда по делу частного обвинения;

- постановление о принятии к производству уголовного дела, поступившего из компетентного органа иностранного государства.

Подлежит снятию с учета преступление, уголовное дело о котором прекращено по реабилитирующим основаниям (отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления, примирение потерпевшего с обвиняемым по делам частного обвинения и т.п.), либо в случае вынесения оправдательного приговора.

В соответствии с Положением учету подлежат все лица, в отношении которых вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по нерабилитирующим обстоятельствам (например, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования – п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ; в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого, в связи с примирением сторон; прекращение уголовного преследования вследствие акта об амнистии – п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, в связи с деятельным раскаянием – ст. 28 УПК РФ, в связи с применением к несовершеннолетнему обвиняемому принудительных мер воспитательного воздействия – ч. 1 ст. 427 УПК РФ).

Основаниями учета лиц, совершивших преступления, являются:

- обвинительное заключение (акт);

- обвинительный приговор по делу частного обвинения, вступивший в законную силу;

- постановление об отказе в возбуждении уголовного дела (по нерабилитирующим основаниям);

- постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (по нерабилитирующим основаниям).

Учету подлежат сведения о причиненном преступлением материальном ущербе и обеспечении его возмещения, которые устанавливаются в ходе расследования уголовного дела органом дознания, дознавателем, следователем, прокурором.

Основаниями учета материального ущерба являются:

- утвержденное прокурором обвинительное заключение (акт);

- постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям;
- постановление о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям;
- постановление о приостановлении производства по делу.

В соответствии с Приказом учету подлежат *сведения о потерпевших*, в частности:

- о физических и юридических лицах, признанных в установленном законом порядке потерпевшими;
- о физических лицах, смерть которых наступила в результате совершения в отношении них преступлений до момента вынесения постановления о признании их потерпевшими.

Учету не подлежат сведения о лицах – близких родственниках, признанных потерпевшими по уголовному делу о преступлении, последствием которого явилась смерть лица.

Основаниями учета потерпевших являются:

- постановление о признании потерпевшим;
- определение суда о признании потерпевшим;
- постановление о возбуждении уголовного дела по факту смерти лица в случае, когда постановление (определение) о признании потерпевшим не выносилось.

На основании Приказа о едином учете преступлений от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 субъекты учета преступности принимают свои ведомственные нормативно-правовые акты, отражающие специфику учета преступности в каждом из них. Так, Приказом Министерства юстиции РФ от 11 июля 2006 г. № 250 была утверждена «Инструкция о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях», в соответствии с которой осуществляется учет преступлений в уголовно-исполнительной системе.

ГЛАВА 4. ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА (ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ)

4.1. Проблема личности в социальных науках

При изучении личности преступника криминология активно использует достижения других наук, прежде всего социальных. Поэтому необходимо хотя бы кратко остановиться на общем понятии личности.

Понятия «человек», «индивид», «личность» нередко употребляются в художественной литературе, публицистической и даже научной как равнозначные. Между тем содержание этих понятий различное. Понятием «человек» обозначается особый вид живого существа в единстве его биологической природы и социальной сущности. Под «индивидом» понимают отдельного представителя рода «человек». Понятие «личность» фиксирует социальное качество индивида¹.

Социальное качество индивида выражается в совокупности его социальных свойств². Одни из этих свойств имеют биологическое, другие – психологическое, третьи – социальное происхождение³. Однако биологические и психологические свойства человека входят в структуру личности не непосредственно, а в «снятом», т.е. преобразованном виде⁴. Например, возрастные и половые различия людей входят в структуру личности постольку, поскольку они получают социальное «звучание», т.е. через связь с социальным: характером социальных ролей и позиций, образом жизни, ведущими видами деятельности и т.д.

¹ См.: Сержантов В.Ф. Философские проблемы биологии человека. Л., 1984. С. 54–60; Резвицкий И.И. Личность, индивидуальность, общество. М., 1984. С. 29–35, 38.

² Тугаринов В.П. Природа, цивилизация, человек. Л., 1978. С. 12–121.

³ Сержантов В.Ф. Философские проблемы биологии человека. Л., 1984. С. 55–60.

⁴ См.: Петровский А.В. Вопросы истории и теории психологии. М., 1984. С. 230.

Многогранность личности, различная природа составляющих ее свойств приводят к тому, что личность является объектом изучения многих наук, каждая из которых исследует ее на «фоне» своего предмета. Это означает, что каждая из наук изучает те стороны личности, которые составляют содержание ее предмета. Поэтому в каждой науке дается свое определение понятия «личность», включая в него лишь те элементы социального качества личности, которые составляют предмет конкретной науки. Именно этим, прежде всего, можно объяснить многообразие суждений о понятии и структуре личности, которые встречаются в научной литературе. В частности, понятие и структура личности даются через систему социальных позиций и ролей¹, человеческую деятельность² или внутреннюю идеальную сторону³, через структуру человеческих потребностей⁴, психические свойства человека⁵, его сознание⁶. Под личностью нередко понимают субъекта⁷ или объекта и субъекта общественных отношений⁸, совокупность общественных отношений и т.д.

Каждый из указанных подходов, безусловно, имеет право на существование, поскольку отражает существенные аспекты бытия личности, изучаемые разными науками. Однако при этом не следует доходить до крайности: выдавать понятие, выработанное одной из наук, изучающих личность, за универсальное и единственно возможное. Данное обстоятельство обусловлено тем, что

¹ См.: Кон И.С. Социология личности. М., 1967. С. 7, 40–41, 99. Он же. В поисках себя: личность и ее самосознание. М., 1984. С. 208, 211; Слободянюк С.С. Личность как ценность. М., 1971. С. 51–52.

² См.: Каган М.С. Человеческая деятельность. М., 1974. С. 258–259.

³ См.: Леонтьев А.Н. Избранные психологические сочинения. М., 1983. Т. 2. С. 186, 201, 216.

⁴ См.: Донченко Е.А. Потребление и развитие личности (социально-психологический анализ). Киев, 1982. С. 82–83, 86, 110; Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент, характер, личность. М., 1984. С. 40.

⁵ См.: Лука Н. Эмоции и личность. М., 1982. С. 147–155; Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982. С. 215.

⁶ См.: Платонов К.К. О системе психологии. М., 1972. С. 116–117, 143; Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М., 1972. С. 250, 267–268.

⁷ См.: Общая психология. М., 1986. С. 193.

⁸ См.: Целикова О.П. Нравственная ценность личности. М., 1983. С. 21.

в реальной действительности личность существует как органическая неразрывная совокупность социальных свойств индивида, поэтому ее необходимо изучать прежде всего как целостность, единое социальное качество¹.

Однако более глубокое изучение личности предполагает рассмотрение ее различных граней, множества проявлений ее социальных свойств.

Целостный подход к изучению личности реализуется в рамках философской науки, одной из задач которой является выработка методологических подходов к изучению личности и определению ее понятия.

В философской науке не подвергается сомнению положение о том, что способом существования всего материального мира является движение. Различные формы материи выделяются из природы по специфическим формам движения: способом существования жизни является активность животных – жизнедеятельность и т.д. Существование человека немислимо вне его принадлежности к социальной форме движения материи, суть которой составляет человеческая деятельность в различных сферах природы и общества². Внутренней стороной каждой формы движения материи является определенный способ отражения окружающей природы³. Внутренней (идеальной) стороной человеческой деятельности является сознание – активное, целенаправленное отражение действительности⁴. Деятельность и сознание прежде всего подчеркивают социальное качество человека, его отличие от других объектов материального мира.

Философский подход, вытекающий из положений о принадлежности человека к социальной форме движения, является методологическим для других наук, изучающих личность, в частности для социологии, общей и социальной психологии и т.п. Данные

¹ См.: Кемеров В.Е. Проблема личности. М., 1977. С. 186–190, 206–207, 212–215; Целикова О.П. Нравственная ценность личности. М., 1983. С. 3, 18–19.

² См.: Каган М.С. Человеческая деятельность. М., 1974. С. 39.

³ См.: Алексеев П.В., Панин А.В. Диалектический материализм. М., 1987. С. 149–150.

⁴ См.: Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М., 1972. С. 65, 80, 83.

науки, изучая определенные грани личности, должны соотносить свои предметы и методы с философским подходом к личности.

Социологию – науку о наиболее общих законах развития общества – личность интересует с точки зрения ее принадлежности к определенной макроструктуре¹. Поэтому в социологических исследованиях в структуру личности включаются такие социально-типичные свойства, которые характеризуют личность как гражданина государства, представителя конкретной нации или другой макрообщности людей, а именно социальные позиции и роли индивида, его психологические свойства². Социальные позиции характеризуют включение лица в макрообщественные отношения (государственные, классовые, производственные и т.д.). Включение личности в эти общественные отношения во многом определяет ее образ жизни, фактическая реализация которого осуществляется через социальные роли, выполняемые индивидом в макрогруппах (гражданина государства, лица определенной национальности, члена общественного объединения и т.д.).

В литературе под социальной ролью понимается нормативно одобряемый образ поведения, ожидаемый от лица, занимающего определенную социальную позицию³. Такое суждение, на наш взгляд, нуждается в уточнении, поскольку социальная роль является объективным качеством личности, которое зависит не только от ожидания окружающих. Поэтому под социальной ролью личности следует понимать не определенный образ ожидаемого окружающими поведения лица, занимающего определенную социальную позицию, а объективно возможный образ поведения этого лица⁴.

Психологические свойства личности войдут в ее социологическую структуру в той части, в какой они являются выражением

¹ См.: Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1980. С. 323; Социальная психология. Л., 1979. С. 77–78.

² См.: Кон И.С. Социология личности. М., 1967. С. 23–28; Проблемы исторического материализма. Томск, 1985. С. 189–191.

³ См.: Кон И.С. Социология личности. М., 1967. С. 23; Свенцинский А.Л. Социальная психология управления. Л., 1986. С. 33–34.

⁴ См.: Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970. С. 17.

массовидных психических явлений, поскольку психика индивида интересует социологию как форма бытия правового и иных видов общественного сознания макрогруппы.

Общая психология при изучении личности человека упор делает на его внутренние психические процессы и состояния (мотивы, установки, мотивацию и т.д.).

Своеобразным является подход к изучению личности со стороны социальной психологии как науки, стоящей на грани психологии и социологии. Поскольку социальная психология изучает психологические закономерности восприятия внешней социальной среды, эта наука психологическая; поскольку она изучает социально-типичные свойства личности, это наука социологическая¹.

Особая специфика социальной психологии состоит в том, что, во-первых, она изучает социально-типичные черты личности человека как представителя определенной малой социальной группы (например, учебного или производственного коллектива), во-вторых, психологические свойства личности человека социальная психология рассматривает как результат общения с другими людьми в малых социальных группах, микросреде (семье, коллективе и т.д.)².

Итак, философия призвана давать целостное, методологическое представление о личности, социология фиксирует социально-типичные черты личности человека как представителя определенной макрогруппы, психология изучает внутренние психические процессы и состояния человека, социальная психология – социально-типичные и психологические свойства личности человека как представителя определенной малой социальной группы.

Указанные подходы использует и криминология применительно к особенностям своего предмета исследования – личности лица, совершившего преступление.

Философский подход позволяет подчеркнуть социальное качество такой личности, методологически правильно решить вопрос о соотношении социального и биологического в личности преступника.

¹ См.: Кузьмин Е.С. Основы социальной психологии. Л., 1967. С. 17.

² Там же. С. 12, 23, 144–148.

Социологический подход позволяет установить социально-демографический портрет преступника и выявить факторы, влияющие на формирование его личности на макроуровне.

Психологический подход позволяет установить особенности психики такой личности, а использование достижений социальной психологии помогает выявить факторы, влияющие на формирование личности преступника на микроуровне, определить такие социальные роли и социальные позиции, которые объективно являются наиболее криминогенными.

В конечном счете использование достижений этих наук позволяет определить основные направления профилактического воздействия на лиц, совершивших преступления.

4.2. Понятие личности преступника (лица, совершившего преступление)

Понятие личности преступника является социально-правовым. Это означает, что к личности преступника нельзя подходить только с позиции представлений о ней как о совокупности социальных свойств отдельного индивида, поскольку такой подход может привести к признанию некой преступной личности (личности, склонной к совершению преступлений) еще до совершения ее носителем преступления¹. Носителем личности преступника может быть только человек, который обладает таким важнейшим правовым признаком, как состояние с государством в уголовных правоотношениях. Эти отношения возникают с момента совершения лицом преступления и длятся до момента утраты преступлением своего правового характера (например, до момента погашения или снятия судимости). Таким образом, по формальному основанию существование понятия личности преступника по отношению к конкретному индивиду ограничено во времени.

В литературе иногда указывается, что о личности преступника можно говорить лишь при официальном признании лица по при-

¹ Суждение о существовании «преступной» личности иногда встречаются в литературе. См., напр.: Платонов К.К. Структура и развитие личности. М., 1986. С. 98.

говору суда виновным в совершении преступления¹. Полагаем, что в данном случае происходит смешение разнопорядковых явлений: личность преступника как факт объективной действительности и официальное признание лица виновным в совершении преступления. Человек, совершивший преступление, объективно, независимо от свойств воли и знания об этом правоохранительных органов вступает с государством в уголовные правоотношения. Другое дело, что до отрицательной оценки государством, выраженной в обвинительном приговоре суда, преступного поведения индивида он обладает презумпцией законопослушного гражданина и не может быть подвергнут мерам уголовно-правового воздействия.

Правовой признак понятия личности преступника особых проблем не вызывает, поскольку суть его достаточно проста и сводится в основном к совершению конкретным лицом преступления. Гораздо сложнее обстоит дело с иными признаками этого понятия. Данную проблему можно четко сформулировать в виде следующего вопроса: есть ли такие свойства личности преступника, которые отличают его от личности законопослушного гражданина?

В отечественной криминологии исследователями использовались различные концептуальные подходы при ответе на этот вопрос в зависимости от того, каким свойствам личности в раскрытии механизма преступного поведения отдается наибольшее предпочтение: биологическим, социальным или психологическим.

Биосоциальный подход во второй половине XIX в. формировался в России под сильным влиянием идей виднейшего представителя антропологического направления в криминологии Ч. Ломброзо². В качестве основного свойства личности, определяющего ее преступное поведение, назывались возраст (Н.А. Неклюдов), анатомические особенности (П.Н. Тарновская), порочность психо-

¹ См.: Криминология. М., 1979. С. 102.

² Основные работы Ч. Ломброзо доступны для современного читателя (см., напр.: Ломброзо Ч. Женщина преступница и проститутка // Гениальность и помешательство. М., 1998; Ломброзо Ч. Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты. М., 2004; Ломброзо Ч., Ляски Р. Политическая преступность // Преступный человек. СПб., 2005).

физической организации (Д.А. Дриль), антропологические факторы в виде неблагоприятной наследственности (М.П. Чубинский) и др.¹

В начале 1920-х гг. сотрудники кабинетов по изучению преступника и преступности, а также иные исследователи в качестве определяющих свойств преступника указывали на психофизические аномалии, в результате вместо преступников изучались лица, опасные для общества в силу наличия у них психических заболеваний, а суд предлагалось заменить медицинской терапией². Такие выводы противоречили постулатам официальной советской доктрины о социальных корнях преступности, поэтому деятельность этих кабинетов к 1930-м гг. была свернута.

В 1960–1970-х гг. прошлого века попытка возродить этот подход была предпринята в работах И.С. Ноя. Автор исходил из антикриминогенной природы социализма и в качестве причин преступного поведения указывал определенные генами патологические свойства личности, которая, попадая в неблагоприятную социальную среду, играющую роль условий, совершает преступление. Соответственно этому выводу автор предлагал в профилактике преступлений опереться на генетиков³. Среди криминологов эта позиция не получила поддержки в силу очевидной сильной зависимости преступного поведения от социальной среды. Исследователи исходили из того, что определенное значение имеют психические аномалии, обладающие свойством условий, а не причин при совершении некоторых преступлений⁴.

¹ См.: Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1960. С. 275–308; Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. М., 2006. С. 82, 93–95, 587–588; Неклюдов Н.А. Уголовно-статистические этюды. М., 2009. С. 33–45; Чубинский М.П. Очерки уголовной политики. М., 2010.

² См.: Иванов Л.О., Ильина Л.В. Пути и судьбы отечественной криминологии. М., 1991. С. 128–177; Познышев С.В. Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности. М., 2007. С. 117–125.

³ См.: Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975. С. 164–165, 173, 178–180.

⁴ См.: Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. М., 1991. С. 47–48.

Основу *социологического подхода* к изучению личности преступника первоначально составило стремление криминологов найти отличие законопослушных граждан от лиц, совершивших преступления, в социально-демографических данных. В большей мере данное направление было характерным для исследований, проводившихся в 60-е гг. XX в., результаты которых показали, что преступность – явление преимущественно мужское, что среди преступников больше молодежи, чем лиц старших возрастных групп, меньше лиц, состоящих в браке, чем среди законопослушного населения и т.д.¹ Однако эти данные не вскрывали истоков механизма индивидуального преступного поведения, поскольку указывали лишь на преобладание среди лиц, совершивших преступления, определенных социальных групп, состоящих из людей с такими социально значимыми признаками (пол, возраст, род занятий и т.д.), которые сами по себе криминогенными не являются².

Неудовлетворенность исследователей социально-демографической характеристикой преступников привела многих из них к выводу о том, что о личности преступника следует говорить как об определенном *социальном типе*, обладающем ярко выраженными социально-типичными свойствами³. При этом первоначально исследователи считали, что таким социально-типичным свойством личности преступника является ее *общественная опасность*, которая, по их мнению, выражается в реальной угрозе совершения лицом, ранее совершившим преступление, нового преступления. В качестве основного критерия этой общественной опасности называлось уже совершенное преступление⁴.

Сама общественная опасность личности преступника была обусловлена, по мнению одних криминологов, антиобщественной *установкой личности*, присущей всем преступникам, по мнению других – антиобщественным отношением личности к важнейшим

¹ См.: Личность преступника. М., 1975.

² См.: Социальные отклонения. М., 1989. С. 181.

³ См.: Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. С.16–42.

⁴ См.: Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970. С. 30–36, 223–229.

социальным ценностям в различных его формах: простое антиобщественное отношение, характерное для случайных преступников; антисоциальная установка личности, которая характерна для лиц, совершающих преступления либо под влиянием благоприятной криминогенной ситуации, либо в нейтральной для преступления обстановке; антисоциальная направленность личности, которая характерна для лиц, способных совершать преступления не только в благоприятной криминогенной или нейтральной ситуации, но и в условиях, препятствующих совершению преступления¹.

Преимущество такого подхода состояло в том, он подчеркивал социальную природу преступности, детерминацию индивидуального преступного поведения социальной средой, позволял дать социально-типичную характеристику среднестатистического преступника, ориентировал на меры социального воздействия в предупреждении преступного поведения. Однако из сферы внимания исследователей при таком подходе выпадали индивидуальные свойства личности, прежде всего биологические и психологические, которые являлись важнейшим элементом механизма конкретного преступления.

Основу *психологического подхода* к изучению личности преступника составляет выявление специфических психологических особенностей преступников, отличающих их от законопослушных граждан. В 1970–1980-е г. в качестве таких особенностей исследователи указывали дефекты правосознания, нравственных и иных потребностей, деформацию ценностных ориентаций и т.д.² Однако такие недостатки, хотя и в меньшей степени, обнаруживались и у контрольной группы лиц, которые не совершали преступлений. Дальнейшее углубление этого направления преимущественно связано с разрабатываемым Ю.М. Антоняном со второй половины

¹ См.: Сахаров А.Б. Учение о личности преступника // Советское государство и право. 1968. № 9. С. 65–66.

² См., напр.: Бочкарева Г.Г. Вопросы изучения личности преступника и их значение для криминологии // Вопросы изучения и предупреждения правонарушений несовершеннолетних. М., 1970. Ч. 1. С. 96–100; Долгова А.И. Правосознание в механизме преступного поведения и его дефекты у несовершеннолетних. Там же. С. 135–149.

1980-х гг. подходом, в соответствии с которым личность преступника понималась как отчужденная от общества в силу утраты эмоциональных связей в основных сферах человеческого общения. Зачастую отчуждение личности выражается в состоянии тревожности индивида за свой биологический или социальный статус. Если человек ощущает угрозу смерти, он субъективно защищает свою жизнь и находит эмоциональный комфорт в совершении насильственных преступлений. Если человек ощущает угрозу своему социальному статусу, он совершает корыстные и корыстно-насильственные преступления¹. Эта позиция является конструктивной, так как позволяет в значительной степени объяснить формирование личности в социальной среде. Однако проявления психологического отчуждения личности от общества многообразны и выражаются не только в преступном, но и в иных видах социально отклоняющегося поведения (алкоголизм, наркомания, суициды и т.д.).

Недостатки каждого из подходов привели исследователей к выводу о том, что личность преступника – собирательное, статистически значимое понятие, означающее только то, что определенное число лиц совершило преступления; поэтому внимание криминологов должно быть сосредоточено на исследовании социально-психологического механизма изучения индивидуального преступного поведения, отражающего взаимодействие личности с ситуацией совершения преступления². Эта позиция вряд ли является конструктивной, так как не позволяет составить среднестатистический портрет преступника, включающий в себя те свойства лиц, совершивших преступления, которые в наибольшей степени задействованы в механизме преступного поведения. В результате невозможно определить наиболее криминогенные группы населения, направления и меры предупреждения не только индивидуального преступного поведения, но и преступности в целом.

¹ См.: Антоян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.С. Психология преступника и расследование преступлений. М., 1996. С. 4.

² См.: Социальные отклонения. М., 1989. С. 185–189.

В дальнейшем сформировался более конструктивный подход, в соответствии с которым недопустимы ни социологизация, ни психологизация личности преступника, представляющей собой совокупность интегрированных социально значимых негативных свойств и психологических особенностей¹. Такой подход позволяет дать емкую криминологическую характеристику личности среднестатистического преступника, в частности показать ее социально-демографические особенности (преобладание среди преступников лиц мужского пола и социально активного возраста, наличие большого количества лиц без определенного места жительства и постоянного источника дохода и т.д.), специфические психологические свойства (отчужденность от общества, трудности адаптации в обществе значительной части преступников и т.д.), значимость биологических детерминант преступного поведения (в основном психических аномалий, затрудняющих позитивное развитие личности или способствующих проявлению ее криминогенных свойств при совершении некоторых преступлений – насильственных, неосторожных и др.). Представляется, что именно такой подход, основанный на комплексном рассмотрении социальных, психологических и биологических качеств личности лица, совершившего преступление, является оптимальным и перспективным для дальнейших криминологических исследований.

В заключение отметим, что правильнее говорить не о личности преступника, а о личности лица, совершившего преступление, поскольку не существует социально-типичных свойств личности, отличающих преступника от законопослушного гражданина². Употребление нами в дальнейшем термина «личность преступника», будет носить в известной мере условный характер.

¹ См.: Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.С. Личность преступника. СПб., 2004; Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника : криминологическое исследование. М., 2010; Булатов Р.М. Преодолевая навязанные стереотипы: социальное и биологическое в правонарушающем поведении : теоретико-экспериментальный аспект. Казань, 2014.

² См. подробнее: Шеслер А.В., Курындина А.Н., Брусницын В.И. Личность лица, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств. Тюмень, 2010. С. 9.

4.3. Криминологическая характеристика личности лица, совершившего преступление

Личность лица, совершившего преступление, как человеческая личность вообще, представляет собой целостное образование, обладающее определенной структурой, т.е. состоит из взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов. Изучить личность означает приблизиться к пониманию движущих сил ее поведения, так как изменение соотношения между различными элементами структуры личности равносильно радикальной ее перестройке. При этом важно учитывать, что отношения (связи) между людьми часто важнее, чем сам человек, продукт этих отношений.

Сказанное означает, что познание личности лица, совершившего преступление, возможно только с учетом анализа общественных отношений, в которые личность реально включена, поскольку именно отношения во многом формируют и определяют отдельные элементы структуры личности и связи между этими элементами.

Из множества отношений в криминологической литературе чаще всего выделяют те, которые возникают в демографических, экономических, социокультурных процессах, а также отношения личности к социальным институтам, общностям, различным социальным нормам. Как правило, выделяемые виды отношений исследователи распределяют по различным блокам, которые показывают структуру личности и одновременно характеризуют ее.

Наиболее устоявшейся позицией, чаще всего применяемой при характеристике личности лица, совершившего преступление, является позиция, в соответствии с которой выделяются три больших блока:

- 1) социально-типологическая характеристика личности;
- 2) социально-ролевая характеристика личности;
- 3) нравственно-психологическая характеристика личности¹.

¹ См.: Криминология. М., 1988. С. 87; Шеслер А.В., Курындина А.Н., Брусницын В.И. Личность лица, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств. Тюмень, 2010. С. 29–70; Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности. Новосибирск, 2014. С. 93–97; Одинцова Л.Н. Личность преступника: понятие и криминологическая характеристика. Сварбрюккен, 2016. С. 25.

Отдельные исследователи, кроме того, выделяют уголовно-правовую характеристику личности преступника¹. Нам представляется, что такая характеристика личности преступника вполне правомерна в науке уголовного права, поскольку включает в себя признаки субъекта преступления (общего и специального) и иные свойства, имеющие значение для правильной квалификации преступления, применения мер уголовной ответственности, освобождения от уголовной ответственности и наказания.

В криминологии выделение уголовно-правовой характеристики личности преступника является излишним, поскольку эта характеристика в основном совпадает с таким показателем преступности, как число лиц, совершивших преступления. Остальные свойства личности преступника, составляющие содержание ее уголовно-правовой характеристики, изучаются в криминологии в группе либо социально-психологических, либо социально-ролевых, либо нравственно-психологических качеств этой личности.

Социально-типологическая характеристика личности преступника включает в себя совокупность ее социальных позиций, определяющих принадлежность личности к определенной социальной группе. Основное внимание в данном случае обращается на социальную обусловленность поведения личности². Эта характеристика личности преступника наглядно показывает уровень криминальной активности различных групп населения.

Наиболее полное представление о социально-типологических свойствах личности лица, совершившего преступление, дают ее социально-демографические признаки: пол, возраст, образование, семейное положение, род занятий, место жительства.

Пол. Преступность всегда была и остается преимущественно мужским явлением. Это обусловлено сложившимся в обществе половым разделением социальных ролей и следующей за этим общей повышенной активностью мужского населения. Однако данные исследователей показывают, что с середины 1960-х гг. удельный вес женщин среди лиц, совершивших преступления, возрастает: если раньше он составлял чуть больше 10,0%, то в по-

¹ См.: Голик Ю.В. Случайный преступник. Томск, 1984. С. 39, 51–57.

² См.: Васильев В.Л. Юридическая психология. М., 1991. С. 222.

следующий период стал выше¹. В последние годы удельный вес женщин среди всех лиц, совершивших преступления, также превышает этот показатель: в 2012 г. удельный вес женщин составил 15,3%; в 2013 г. – 15,4%; в 2014 г. – 15,7%; в 2015 г. – 16,0%, в 2016 г. – 14,6%². Данное обстоятельство вытекает, во-первых, из повышения социальной активности женщин, которая помимо позитивного имеет и криминальный выход; во-вторых, из возрастания социальной напряженности в обществе, которую женщины в силу многих обстоятельств (прежде всего субъективного характера) воспринимают острее, чем мужчины; в-третьих, из кризиса института семьи, который в социально-позитивном плане гораздо важнее для женщин, чем для мужчин³. Влияние этих факторов стало заметно уже в начальный период перехода общества к рыночной модели жизнедеятельности⁴.

Следует отметить, что удельный вес женщин среди различных категорий преступников неодинаков. Например, среди лиц, совершивших насильственные преступления, доля женщин ниже среднестатистической, а среди лиц, совершивших преступления в сфере торговли и обслуживания населения, доля женщин значительно превышает удельный вес мужчин⁵. Эти отклонения вполне объяснимы социально-ролевыми, физическими и психологическими особенностями полов: женщины, как правило, слабее физически, меньше склонны к насилию, в большей степени задействованы в сфере торговли и обслуживания населения, чем мужчины.

¹ См.: Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992. С. 24–25, 39–40.

² См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2012 года. М., 2013; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2013 года. М., 2014; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2014 года. М., 2015; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2015 года. М., 2016; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2016 года. М., 2017.

³ См.: Шеслер А.В., Смолина Т.А. Женская преступность, связанная с незаконным оборотом наркотических средств (по материалам Тюменской области). Тюмень, 2007. С. 25–34.

⁴ См.: Пахомов В.Д., Корзун И.В. Женская преступность и борьба с ней // Современная преступность: новые исследования. М., 1993. С. 107–112.

⁵ См.: Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992. С. 25, 28; Он же. Почему люди совершают преступления. Причины преступности. М., 2005; Шеслер А.В., Смолина Т.А. Криминологическая характеристика и профилактика женской преступности. Тюмень, 2008. С. 9–13.

Возраст. Наибольшей криминальной активностью отличаются лица в возрасте 18–29 лет. Удельный вес лиц этой возрастной группы среди всех лиц, совершивших преступления, стабильно высок и составляет более 40%¹. Удельный вес несовершеннолетних среди всех лиц, совершивших преступления в последние годы, стабильно снижался от 5,9% в 2012 г. до 4,8% в 2016 г.²

Эта ситуация вполне объяснима, поскольку с возрастом в силу целого ряда причин изменяется социальная активность человека, в том числе и криминальная. Удельный вес различных возрастных групп по отдельным категориям преступлений может существенно отличаться от среднестатистических показателей. Например, удельный вес несовершеннолетних среди лиц, совершающих убийства (с покушением), не превышает 3,5%, среди лиц, совершивших кражи, – 11,3%³.

С середины 1980-х гг. отчетливо просматривается тенденция «омоложения» преступности, которая выражается не только в увеличении удельного веса несовершеннолетних среди всех лиц, совершивших преступления, но и в стабильном росте абсолютного числа и удельного веса лиц младшей возрастной группы (14–15 лет) среди всех несовершеннолетних, совершивших преступления⁴. Отметим также, что в большинстве регионов России темпы прироста преступности несовершеннолетних значительно опережают темпы прироста населения в возрасте 14–17 лет⁵.

Изучение образовательного уровня, семейного положения, рода занятий лиц до совершения ими преступления способствует,

¹ См., напр.: Преступность и правонарушения (2006–2010) : статистический сборник. М., 2011. С. 20.

² См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2012 года. М., 2013; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2013 года. М., 2014; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2014 года. М., 2015; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2015 года. М., 2016; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2016 года. М., 2017.

³ См.: Преступность и правонарушения (2006–2010) : статистический сборник. М., 2011. С. 63, 105.

⁴ См.: Прокументов Л.М. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних (региональный аспект). Томск, 2004. С. 48.

⁵ См.: Прокументов Л.М. Преступность несовершеннолетних: криминологические проблемы соучастия. Иркутск, 2002. С. 73.

прежде всего, выяснению социальной позиции личности и, следовательно, позволяет судить о том, объектом каких социальных влияний были эти лица, в какую структуру социальных связей они включались.

Образование. Образовательный уровень у среднестатистического преступника ниже, чем у законопослушного гражданина¹. Особенно низким является уровень образования у лиц, совершающих корыстные и корыстно-насильственные преступления, и довольно высоким – у лиц, совершающих должностные преступления². В связи с повышением общеобразовательного уровня населения страны в целом в преступности наметилась тенденция повышения образовательного уровня лиц, совершивших преступления³.

Семейное положение. Семья как социальный фактор и один из важнейших социальных институтов является сильным средством антикриминогенного характера. В этой связи неудивительно, что среди лиц, совершивших преступления, значительно больше, чем среди законопослушных граждан, лиц, не состоящих в браке. Мало того, коэффициент преступности среди лиц, совершивших преступления и не состоявших в браке, в два раза выше, чем среди преступников, состоявших в браке на момент совершения ими преступления⁴.

Род занятий. Значительный удельный вес среди всех лиц, совершивших преступления, составляют рабочие – 18%. Удельный вес служащих составляет 4,1%, работников сельского хозяйства – 0,4%, учащихся и студентов – 6,5%, предпринимателей – 1,2%, безработных – 5%. Наибольшей удельный вес среди всех лиц, совершивших преступления, составляют лица без постоянного источника дохода – 65,7%⁵. Последнее обстоятельство обусловлено тем, что эта социальная группа всегда оказывается в наиболее сложных социальных условиях.

¹ См.: Криминология и профилактика преступлений. М., 1989. С. 108.

² См.: Криминология. М., 1992. С. 75.

³ См.: Криминология. СПб., 1992. С. 91.

⁴ См.: Криминология и профилактика преступлений. М., 1989. С. 107.

⁵ См.: Преступность и правонарушения (2006–2010) : статистический сборник. М., 2011. С. 20; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2016 года. М., 2017.

Место жительства. Повышенной криминальной активностью обладают лица без определенного места жительства. Их число пополняется за счет беженцев из республик бывшего СССР (в частности, из Украины), лиц без гражданства и иностранных граждан слаборазвитых государств, которые граничат с Россией. Этим лицам труднее овладеть факторами антикриминогенного характера: найти работу, вступить в брак, завести социально-полезные связи и т.п.

Высоким является также уровень преступности среди мигрантов внутри страны, которые встречают дополнительные трудности в позитивной адаптации на новом месте жительства: поиск работы и жилья, значительные материальные затраты на переезд и обустройство на новом месте и т.д.

На криминальную активность населения влияет также *качество жилья*. Наибольшую криминальную активность проявляют лица, проживающие в общежитиях, наименьшую – в своих домах. Это обстоятельство обусловлено, очевидно, тем, что различное по качеству жилье создает и различный уровень социальной напряженности, различную частоту и глубину конфликтных ситуаций между людьми.

Социально-ролевая характеристика позволяет увидеть личность преступника в реальной деятельности, которая вытекает из занятия этой личностью определенных социальных позиций. Этот подход позволяет криминологу определить наиболее объективно существующие криминогенные социальные роли и тем самым выработать конкретные меры профилактики по исключению личности из сфер негативного воздействия.

При социально-ролевом подходе к личности преступника особое внимание обращается на качество выполнения преступником своих ролей исходя из занимаемых им социальных позиций. Для «совокупного» преступника по сравнению с законопослушным гражданином характерны менее ответственное отношение к своим социальным ролям в основных общественных институтах: семье, школе, трудовом коллективе, других социальных группах, большая степень отчужденности от законопослушных граждан, входящих в различные формальные и неформальные общности, тяготение к неформальным группам антиобщественной направленности, выполнению негативных социальных ролей.

Нравственно-психологическая характеристика личности выражает отношение преступника к обществу в целом, принятым в нем ценностям и нормативно одобряемым социальным ролям. Основу нравственно-психологической характеристики личности преступника составляет ее *мотивационная сфера*. Это обусловлено тем, что главной детерминантой преступления является мотив, опредмечивающий потребности личности и стимулирующий ее криминальное поведение¹. Мотивы наиболее очевидно свидетельствуют о том, насколько глубоко личность восприняла нравственные, правовые и иные позитивные ценности общества.

Мотивационная сфера среднестатистического преступника существенно отличается от мотивационной сферы среднего законопослушного гражданина. Во-первых, *мотивы лиц, совершивших преступления, как правило, уже по кругу, беднее по содержанию, асоциальны по сущности*. В частности, по данным исследователей, у 60,0% лиц, совершивших преступления, отмечается полное отсутствие или зачаточное состояние развития нравственных, эстетических, творческих, научных и других духовных потребностей. Мотивационная сфера личности лица, совершившего преступление, значительно сдвинута от одобряемых в обществе культурных и духовных потребностей и потребностей материально-биологического (витального) характера. Асоциальность мотивов личности преступника выражается в ее стремлении к паразитизму, пьянству, половому распутству, садизму и другим видам социально-отклоняющегося поведения, в порочности самих мотивов поведения (корысть, хулиганские и сексуальные побуждения, месть и т.д.)².

Во-вторых, для личности лица, совершившего преступление, характерна низкая степень иерархизации побуждений, т.е. наличие неустойчивых ориентаций личности, их изменение под влиянием ситуации, обусловленной внешней средой. Устойчивая направленность личности обнаруживается только у незначительной части

¹ См.: Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Личность корыстного преступника. Томск, 1989. С. 52–53; Зелинский А.Ф. Криминальная мотивация хищений и иной корыстной преступной деятельности. Киев, 1990. С. 17–29; Кудрявцев С.В. Конфликт и насильственное преступление. М., 1991. С. 9–14; Филимонов В.Д. Генезис преступления. М., 2017. С. 20–21.

² См.: Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991. С. 114, 130–134.

преступников, а особенно редко – у лиц, впервые совершивших преступление¹.

В-третьих, для личности лица, совершившего преступление, характерна деформация иерархической структуры потенциальных побуждений: преобладание личных потребностей над общественными, материальных над духовными, биологических над социальными, субъективных над объективными и т.д.²

В заключение отметим, что бóльшая или меньшая выраженность различных негативных социальных свойств личности зависит от того, какую категорию преступников исследователи рассматривают (убийц, хулиганов, воров и т.д.). Кроме того, отсутствие у некоторых категорий преступников качеств, характеризующих их как социально дезадаптивный тип личности, не означает, что они представляют меньшую опасность для общества. В частности, лица, совершающие коррупционные преступления, хорошо адаптированы к современному социуму, имеют высокий уровень образования, стремятся быть социально успешными, обладают лидерскими качествами и т.д. Наличие этих качеств, напротив, повышает общественную опасность таких преступников, так как совершаемые ими преступления влекут масштабные и многоаспектные для общества последствия, а также труднее раскрываются³.

4.4. Типология и классификация лиц, совершивших преступления

В юридической литературе в зависимости от характера систематизации лиц, совершивших преступления, выделяют классификацию и типологию преступников. Классификация является наиболее низким уровнем обобщения таких лиц. При этом преступники распределяются на группы по единому основанию (например, только по возрасту). В основе классификации могут лежать любые критерии, связанные с преступным поведением, причем эта связь может и не носить существенного, закономерного характера.

¹ Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991. С. 115–116.

² Там же. С. 130–131.

³ См.: Жалинский А.Э. Избранные труды : в 4 т. М., 2014. Т. 1: Криминология. С. 121.

Классификация преступников обычно осуществляется по их социально-демографическим (пол, возраст, образование, род занятий, место жительства и т.д.) и правовым признакам (характер и степень тяжести совершенного преступления, наличие неснятой и непогашенной судимости за предыдущее преступление, форма вины, совершение преступления в соучастии и т.д.). Классификация, помогая установить связь отдельных свойств личности с преступным поведением, не дает объяснения последнему.

Цель классификации состоит в том, чтобы выявить среди лиц, совершивших преступления, распределенных по определенным группам, наиболее распространенные признаки, имеющие криминологическое значение. Например, распределение преступников по половому признаку показывает, что преступность является преимущественно мужским социальным явлением. Криминологическая значимость этой классификации состоит в том, что криминальная активность населения находится в определенной, опосредованной другими социальными факторами зависимости от его половой структуры.

Классификация активно применяется при общей криминологической характеристике преступников, которая описана нами в разд. 4.3.

Типология преступников представляет собой более высокий уровень обобщения и познания этих лиц. В основе типологии всегда лежат наиболее существенные криминологически значимые признаки преступников, закономерно связанные с преступным поведением. При этом в качестве основы выделения какого-либо типа преступника (в отличие от классификации преступников) можно взять не один, а несколько признаков, но обязательно имеющих существенное значение для криминологии.

Поскольку типология основана на распределении преступников по признакам, закономерно связанным с преступлением, ее основное назначение состоит в причинном объяснении преступного поведения и его прогнозировании¹.

¹ О понятии классификации и типологии преступников подробнее см.: Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Личность корыстного преступника. Томск, 1989. С. 68–75; Криминология. СПб., 1992. С. 93; Криминология. М., 1992. С. 75–77.

Так как наиболее значимой криминологической характеристикой личности преступника, объясняющей субъективные причины ее преступного поведения, является мотивационная сфера, в юридической литературе наибольшее распространение получили типологии преступников, основанные на характере и содержании криминальной мотивации, а также на глубине и стойкости этой мотивации¹.

В зависимости от *характера и содержания мотивации* можно выделить следующие типы преступников:

- 1) с политической мотивацией;
- 2) с корыстной мотивацией;
- 3) с насильственно-эгоистической (агрессивной) мотивацией;
- 4) с анархическо-индивидуалистической мотивацией;
- 5) с легкомысленно-безответственной мотивацией².

Преступников с *политической мотивацией* характеризует несогласие с существующим политическим режимом. Как правило, эти лица совершают преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (государственная измена, шпионаж, диверсия и др.)³.

Преступления, совершаемые с *корыстными мотивами*, посягают практически на все родовые объекты уголовно-правовой охраны, а не только на отношения собственности. В уголовном законе корыстные мотивы находят различное терминологическое выражение: «корыстные побуждения», «извлечение имущественной выгоды», «корыстная заинтересованность» и т.д. Легальное (судебное) толкование корыстного мотива дано применительно к п. «з» ст. 105 УК РФ. Верховный Суд РФ понимает под корыстным побуждением цель получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилую площадь, вознаграждения от третьих лиц и т.п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обяза-

¹ См.: Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Личность корыстного преступника. Томск, 1989. С. 81; Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 211.

² См.: Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991. С. 186–187.

³ Там же.

тельств, уплаты алиментов и др.)¹. В целом такое понимание корыстного мотива можно принять за общее уголовно-правовое и криминологическое понятие. В этой связи хотелось бы уточнить понятие «других лиц», в интересах которых могут быть совершены действия по корыстным мотивам. Очевидно, что этими лицами могут быть не любые по отношению к преступнику лица, а только те, в судьбе которых он лично заинтересован (родственники, супруг, иждивенцы, друзья, любовница и т.д.)². К числу таких лиц, на наш взгляд, могут быть отнесены и юридические лица, в существовании и нормальной деятельности которых преступник заинтересован (например, является учредителем).

Наряду с корыстными мотивами преступное поведение может быть обусловлено и другими, действующими параллельно, мотивами. Поэтому среди корыстных преступников, в свою очередь, также может быть выделено несколько типов. В частности, в криминологической литературе выделяют преступников, которые совершают корыстные преступления по следующим мотивам: по мотивам приобретения необходимого социального статуса в референтной группе или мотивам самоутверждения («жить не хуже других»); по мотивам производственного характера (например, лицо похищает сырье для предприятия, которому грозит остановка); по мотивам испытания острых ощущений (чувства тревоги, опасности); по мотивам обеспечения дезадаптированного образа жизни, связанного с употреблением спиртных напитков или наркотиков, бродяжничеством или попрошайничеством и т.д.³

Лиц с *агрессивной мотивацией* объединяет совершение преступлений, которые в качестве основного, дополнительного или факультативного объекта преступления имеют отношения, обес-

¹ См.: О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 // СПС «Консультант Плюс».

² См.: Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1971. С. 77; Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности. Новосибирск, 2014. С. 23.

³ См.: Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Личность корыстного преступника. Томск, 1989. С. 84–167; Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. С. 198–200.

печивающие безопасные условия жизни и здоровья человека: убийство, причинение умышленного вреда здоровью различной тяжести, хулиганство и т.д. Агрессивная мотивация включает в себя хулиганские побуждения, месть, ревность, сексуальную необузданность и т.д. Нередко агрессивная мотивация тесно переплетается с корыстью, что обуславливает совершение корыстно-насильственных преступлений (убийств из корыстных побуждений, разбойных нападений и т.д.).

К преступникам с *анархическо-индивидуалистической мотивацией* относят лиц, совершающих преступления против порядка управления, правосудия, общественной безопасности, преступления в сфере экономической деятельности, преступления против военной службы и другие преступления, не связанные с иными типами мотивации. Внешняя особенность этой группы преступлений – отсутствие жертвы и видимого, ощутимого вреда, что приводит к необходимости конструирования в уголовном законодательстве так называемых формальных составов преступлений. Субъективная сторона этих преступлений характеризуется стремлением виновного избежать преступного вреда, отрицанием лишь того уголовно-правового запрета, который виновный считает излишним. Особенно типичными в этом отношении являются такие преступления, как самовольное оставление части или места службы, дезертирство¹.

Преступников с *легкомысленно-безответственной мотивацией* характеризуют поверхностное отражение реальной действительности, искаженное предвосхищение будущих событий, небрежное отношение к социальным ценностям и своим обязанностям в обществе. Большинство преступников этой группы составляют неосторожные преступники².

В зависимости от *глубины и степени криминальной мотивации* одни исследователи выделяют злостных и случайных преступников³, другие – особо опасных, десоциализированных, неустойчи-

¹ См. подробнее: Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991. С. 254–257.

² См.: Криминология и профилактика преступлений. М., 1989. С. 113.

³ См.: Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 211.

вых и ситуативных преступников¹, третьи – случайных, ситуационных, неустойчивых, злостных преступников и особо опасных рецидивистов² и т.д. Такая разница в количестве выделенных типов преступников, их различном названии и криминологической характеристике свидетельствует о слабой разработанности критериев типологии преступников. В результате выделенные типы преступников не имеют четко выраженной криминологической характеристики, заметного отличия друг от друга, которое можно было бы использовать для объяснения различных вариантов преступного поведения и выработки специфических мер индивидуальной профилактики. Например, непонятно, почему случайный, ситуационный, неустойчивый и злостный преступники выделены по глубине криминальной мотивации, а особо опасный рецидивист – по формальному (правовому) критерию, содержащемуся в ст. 18 УК РФ; или при внимательном анализе выделенных типов преступников возникает вопрос о том, чем случайный преступник отличается от ситуационного.

Более приемлемой, на наш взгляд, является типология преступников, которая основана на выделении трех основных типов личности преступника:

- а) последовательно-криминального;
- б) ситуативно-криминогенного;
- в) ситуативного³.

Преимущество этой типологии состоит в том, что она предусматривает более «выпуклую» криминологическую характеристику выделенных типов преступников и в силу этого большую практическую ориентацию на профилактическую работу с различными преступниками.

Последовательно-криминальный тип преступника характеризуется:

- отсутствием чувства социальной ответственности;

¹ См.: Криминология и профилактика преступлений. М., 1989. С. 113–114.

² См.: Криминология. М., 1988. С. 100–101; Криминология. СПб., 1992. С. 94.

³ См.: Курс советской криминологии. Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. М., 1985. С. 302–303; Социальные отклонения. М., 1989. С. 253–254; Кудрявцев В.Н. Лекции по криминологии. М., 2005. С. 69–71; Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. Томск, 2007. С.106–108.

- использованием психологических механизмов самозащиты;
- активностью поведения в ситуации совершения преступления;
- совершением преступления, как правило, без внешних поводов или в ситуации, затрудняющей преступную активность¹.

Этот тип встречается обычно среди лиц, неоднократно судимых за тяжкие преступления. Криминологическая характеристика этих преступников дает основание утверждать, что они трудно поддаются мерам профилактического воздействия, индивидуальная профилактика в отношении этой категории лиц должна быть особенно длительной и интенсивной.

Ситуативно-криминогенный тип, по данным большинства исследователей, наиболее часто встречается среди несовершеннолетних преступников². Для этого типа преступников характерны:

- формирование и действие в противоречивой социальной среде (например, семья оказывает позитивное социальное воздействие, а неформальное окружение – негативное);
- систематическое нарушение норм нравственности и морали, что объективно создает определенную предрасположенность к совершению преступлений;
- наличие разнообразных положительных качеств;
- совершение преступления в значительной мере под влиянием неблагоприятной жизненной ситуации³.

Этот тип преступников, как вытекает из его криминологической характеристики, легче поддается профилактическому воздействию, осуществляемому многими органами и физическими лицами.

Ситуативный преступник характеризуется следующими наиболее типичными признаками:

- формированием и деятельностью, как правило, в законопослушной социальной среде;
- ответственным выполнением своих социальных ролей на производстве и в быту;

¹ См.: Социальные отклонения. М., 1989. С. 253.

² См.: Курс советской криминологии. Предупреждение преступности. М., 1986. С. 254.

³ См.: Социальные отклонения. М., 1989. С. 254.

– признанием действующей в обществе нормативной системы, правомерным поведением как обычным результатом жизнедеятельности;

– общей положительной направленностью личности, резким доминированием социально-полезных свойств над негативными;

– совершением преступления под сильным (резко неожиданным или чрезвычайно затяжным) влиянием конкретной криминогенной жизненной ситуации¹.

Таким образом, выделение последовательно-криминального, ситуативно-криминогенного и ситуативного типов преступников основано прежде всего на таком объективно выраженном критерии, как поведенческая активность личности под влиянием конкретной криминогенной жизненной ситуации. Практическое значение такой типологии состоит в определении интенсивности профилактического воздействия на личность с целью предупреждения совершения ею повторного преступления.

4.5. Соотношение социального и биологического в личности лица, совершившего преступление

Факторы, влияющие на постановку вопроса о соотношении социального и биологического в личности преступника, условно можно разделить на две группы. В первую группу войдут факторы, которые являются традиционными для этой криминологической проблемы. К ним прежде всего относится биосоциальная природа человека, обуславливающая, как уже отмечалось, различную основу свойств личности: социальную, психологическую, биологическую. Биосоциальная природа человека во многом определяет содержание, форму и направленность деятельности всякой

¹ Нередко исследователи такой тип преступника, в силу его общей положительной направленности и совершения преступления в значительной мере под влиянием ситуации, называют случайным (см., напр.: Филимонов В.Д. Общественная опасность личности отдельных категорий преступников и ее уголовно-правовое значение. Томск, 1973. С. 12, 72–103; Голик Ю.В. Случайный преступник. Томск, 1984; Кудрявцев В.Н. Лекции по криминологии. М., 2005. С. 70–71).

личности, в том числе и личности преступника. К традиционным факторам следует отнести также фиксируемый многими исследователями большой удельный вес среди лиц, совершивших преступления, людей с различными личностными расстройствами, прежде всего с отклонениями в психической деятельности¹.

Во вторую группу факторов входят те явления и процессы, которые приобрели актуальность для криминологии на современном этапе развития нашего общества.

Во-первых, больших успехов достигла генетика, что позволяет в определенной мере прогнозировать поведение конкретной личности, имеющей конкретный генотип². Потребность в привлечении знаний генетиков особенно очевидна в случаях совершения жесточайших преступлений против личности лицами, у которых родители (или один из них) совершали аналогичные преступления в прошлом³. Указание лишь на социальную природу этих преступлений представляется недостаточно убедительным.

Во-вторых, научно-техническая революция заметно обострила социальные последствия взаимодействия человека и техники. Это связано с тем, что современная техника постоянно повышает требования к психофизиологическим возможностям человека, которые обладают определенной консервативностью, мало изменяются в процессе эволюции. «Экспансия» техники в среду обитания человечества, увеличение удельного веса людей, занятых эксплуатацией техники, сопровождаются сужением круга лиц, которые по своим психофизиологическим возможностям объективно способны работать в экстремальных условиях в системе «человек–машина». Эти процессы неуклонно ведут к росту неосторожных преступлений, связанных с эксплуатацией техники. К большому сожалению, в криминологии данная проблема не получила достаточной разработки и обсуждается в основном в работах, посвя-

¹ См.: Старович З. Судебная сексология. М., 1991. С. 93.

² См.: Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. М., 1989. С. 10–11, 14–15.

³ См.: Ладный В. Арестованный сын Чикатило гордится своим отцом // Комсомольская правда. 1996. 26 апреля.

щенных уголовно-правовым проблемам вменяемости и невменяемости¹.

В-третьих, в современном обществе усиливается влияние социальных факторов, оказывающих психотравмирующее воздействие на человека (экономический кризис, военные конфликты, пропаганда насилия, деятельность деструктивных религиозных сект и т.д.). Возникающие в результате такого воздействия отклонения в психике человека нередко служат благоприятным фоном для формирования криминогенной мотивации.

В истории криминологической науки в России вопрос о взаимодействии биологического и социального в личности преступника рассматривался по-разному: от крайних биологических позиций до упрощенно социологических. Первый подход подразумевает признание верховенства биологической наследственности над социальными факторами и выведение всей содержательной стороны поведения человека из индивидуально-биологических предпосылок.

В России такой подход был характерен на этапе становления криминологии (20–30-е гг. XX в.), а также для некоторых исследований И.С. Ной, опубликованных им в 1960–1970-х гг. В своих работах И.С. Ной признавал за биологическими предпосылками значение причин преступного поведения. Суть его позиции, как уже отмечалось, сводилась к тому, что в СССР нет социальных причин преступного поведения, поскольку социализм по своей сути является антикриминогенным обществом. Однако, если преступность существует, то должны быть ее причины. По мнению ученого, эти причины следует искать в особых свойствах личности, ее нравственных задатках, свойствах психики, predetermined генетически. Именно эти свойства являются основой для созревания социально-патологической личности. Если личность, обладающая определенными генами, попадет в неблагоприятную социальную среду, она совершает преступление. Исходя из этого, И.С. Ной предлагал в профилактике преступного поведения опереться на генетиков, которые способны не только выявлять определенные

¹ См.: Гринберг М.С. Технические преступления. Новосибирск, 1992. С. 63–68; Михеев Р.И. Проблемы вменяемости и невменяемости. Владивосток, 1983. С. 104–118.

негативные задатки личности и прогнозировать ее поведение, но и рекомендовать благоприятную микросреду, способную нейтрализовать нежелательные поступки¹. Таким образом, И.С. Ной считал, что биологический фактор влияет как на отдельное преступное поведение, так и на преступность в целом. Причем у И.С. Ноя биологический фактор приобретает значение причины преступного поведения, а социальный – роль условия этого поведения.

В этой связи отметим ряд моментов, которые свидетельствуют об уязвимости позиции И.С. Ноя. Прежде всего следует сказать о том, что исторический опыт человечества до сих пор не показал миру ни одной общественно-экономической системы, ни одного политического режима, которые были бы свободны от социальных проблем, порождающих преступность. Убедительным свидетельством социального характера причин преступности является изменение ее «облика» за относительно короткий промежуток времени при неизменности генотипа населения. Кроме того, преступное поведение – явление уголовно-правовое, т.е. круг деяний, отнесенных к преступным, определяется уголовным законом. Это означает, что при неизменном генотипе населения преступность может претерпевать существенные изменения вслед за изменениями в законодательстве, что можно было наблюдать в России 90-х гг. XX в. Уголовный закон способен воздействовать только на социально-обусловленное поведение человека, а не на его биологическую природу.

В настоящее время в криминологической науке не подвергается сомнению положение, в соответствии с которым признаются социальная природа преступности и ее причин, определяющее значение в механизме индивидуального преступного поведения социальной среды и социальных качеств человека. Очевидно, биологические детерминанты не являются причиной преступного поведения, хотя и выполняют важную роль. Например, эмпирические исследования показали определенное влияние биологических факторов

¹ См.: Ной И.С. Личность преступника и ее значение в изучении преступности в условиях социалистического общества // Ученые записки. Саратов, 1969. Вып. XVI. С. 7–10, 18–199; Он же. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975. С. 164–165, 173, 178–180.

на преступное поведение человека. В данном случае речь идет о психических и физических аномалиях, влияющих на поведение, которые могут облегчать, а иногда и стимулировать криминальное поведение¹.

Наиболее распространенной психической аномалией среди лиц, совершивших преступления, является алкоголизм, который сопровождается формированием криминально значимых черт личности: повышенной раздражительности и агрессивности, конфликтности, подозрительности и мнительности, ревности и т.п. Об этом в определенной мере свидетельствуют данные уголовной статистики. Так, в 2000 г. в России в состоянии алкогольного опьянения совершили преступления 402 666 человек, или 23,1% от всех лиц, совершивших преступления, в 2010 г. – 201 440 человек (18,1%), в 2016 г. – 440 154 человек (37,0%)².

Однако наличие психических и физических аномалий у некоторых лиц, совершивших преступления, еще не свидетельствует о генетической природе преступности. Они могут выполнять роль «катализатора», облегчающего в конкретной жизненной ситуации действие субъективной причины преступного поведения – криминальной мотивации, затруднить выбор вариантов поведения лица в проблемной жизненной ситуации, а также способствовать совершению лицом эксцессивных действий.

¹ См.: Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М., 1987. С. 56–57; Королев В.В. Психические отклонения у подростков правонарушителей. М., 1992. С. 160–163; Шеслер А.В. Роль биологических свойств личности в детерминации преступного поведения // Финансы, экономика, безопасность. 2007. № 8. С. 33–37; Антонян Ю.М. Особо опасный преступник. М., 2011. С. 22–25.

² См.: Преступность и правонарушения (2000) : статистический сборник. М., 2001; Преступность и правонарушения (2006–2010) : статистический сборник. М., 2011; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2016 года. М., 2017.

ГЛАВА 5. ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ

5.1. Отечественные научные концепции детерминант преступности

Отдельные идеи криминологического характера начали высказываться в России практически с появлением первых источников уголовного права. Авторы этих идей в значительном числе случаев исходили при объяснении преступного поведения из православного учения о преступлении как о грехе¹. Это связано с тем, что влияние религии на общественную жизнь было огромно и многие науки об обществе длительное время ограничивались рамками религиозного сознания. Кроме того, общественные процессы развивались достаточно медленно, основные устои общества были консервативными, повторялись из поколения в поколение, поэтому религия как теория высокого уровня вполне могла удовлетворить общественные запросы в объяснении основных социальных явлений, в том числе причин преступности². Попытки осмыслить преступное поведение с позиций либеральных идей французского Просвещения³ успеха не имели, так как наталкивались на духовно-нравственный консерватизм российского общества и не были по своей сути произведениями патриотического характера.

Отмена крепостного права в России способствовала стремительному развитию промышленности, проникновению капитализма в деревню. Реформы 1861 г. не только ускорили позитивные

¹ О теологических аспектах объяснения преступного поведения см.: Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Общая часть. М., 2011. Т. 1. С. 165–166.

² Венцом таких духовно-нравственных исканий был роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», который был опубликован через несколько лет после отмены крепостного права в России.

³ См., напр., повесть А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», написанную в 1784–1789 гг.

преобразования в России, но и привели к целому ряду негативных последствий в этой преимущественно крестьянской стране. Капитализация деревни сильно ослабила крестьянскую общину, которая не только консервировала развитие производительных сил, но и защищала экономические и другие интересы крестьян, сохраняла нравственные устои, язык и культуру российского землепашца. Начавшийся процесс разложения сельской общины лишил крестьян единства и защищенности, способствовал их обезземеливанию и обнищанию, вымиранию целых деревень. Безземельные крестьяне становились вынужденными мигрантами, которые покидали свои деревни, вливаясь целыми семьями в многочисленные уголовные шайки, либо по решению сельской общины удалялись из «мира» за пьянство и «смуту» и в последующем ссылались в Сибирь в административном порядке, оставаясь без жилья и определенных занятий. Значительная часть сельских мигрантов ушла в города, образовав там целые армии бродяг, проституток и сутенеров или превратившись в маргиналов-пролетариев, неадаптированных к условиям труда на фабрике¹.

Дикая капитализация деревни уже в то время наглядно показала, какими криминальными издержками сопровождается вынужденная и неуправляемая миграция сельского населения. Разрушение сельской общины способствовало падению нравов, ослаблению родственных связей, разрушению семьи как основы биологического и социального воспроизводства населения. В результате преступность в России через несколько лет после начала реформ стала развиваться по общемировым законам, т.е. расти, причем темпами, опережающими прирост населения².

Такое состояние преступности способствовало расширению предмета классической школы уголовного права, представители которой занимались изучением исключительно юридической модели преступления. Использование ими при изучении преступно-

¹ См.: Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1960. С. 23–24, 29, 98–99, 127; Иванов Л.О., Ильина Л.Б. Пути и судьбы отечественной криминологии. М., 1991. С. 90.

² См.: Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1960. С. 86–87, 95.

сти статистики наглядно показало, что количество ежегодно регистрируемых преступлений и преступников имеет определенные закономерности. Одни исследователи, преимущественно реформаторы, обнаружили эти закономерности в социальных процессах общества, другие – преимущественно консерваторы – в особых свойствах преступников. Эти группы исследователей положили начало возникновению в России двух основных теорий причин преступности, которые принято называть социологическим и антропологическим направлениями.

Русская социологическая школа уголовного права имела две основные особенности: во-первых, многофакторный подход к объяснению причин преступности; во-вторых, меньшая, по сравнению с социологическими школами западных стран, зависимость от антропологических теорий причин преступности. Отечественные криминологи полагали, что основные постулаты теории факторов были впервые сформулированы и обоснованы в виде целостной теории именно русскими исследователями, а не итальянцем Э. Ферри, как принято считать на Западе¹. В частности, еще в 1873 г., за несколько лет до Э. Ферри, русский криминалист И.Ф. Фойницкий в своей статье «Влияние времен года на распределение преступности» отмечал, что преступление определяется совместным действием условий физических, общественных и индивидуальных². К числу общественных факторов И.Ф. Фойницкий относил уровень цен на продукты, развитие торговли, организацию труда; к числу физических – пол, возраст, природную среду обитания человека (климат, почву, температуру воздуха). Например, проанализировав французскую уголовную статистику с 1836 по 1869 г., И.Ф. Фойницкий утверждал, что «имущественные преступления тяготеют к холодным месяцам, а преступления личные – к месяцам жарким». Исходя из этого автор делал слишком прямолинейный вывод о том, что улучшение климата способствует снижению

¹ См.: Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1960. С. 243–249; Иванов Л.О., Ильина Л.В. Пути и судьбы отечественной криминологии. М., 1991. С. 61.

² Фойницкий И.Ф. Влияние времен года на распределение преступности // Судебный журнал. 1873. Январь–февраль. С. 24, 136.

числа краж¹. К личным факторам И.Ф. Фойницкий относил психическую деятельность личности (волю, разум и т.д.).

Основные положения социологической школы развивались в дальнейшем целой плеядой русских исследователей (Е.Н. Тарновский, М.Н. Гернет и др.).

Сегодня многие выводы, сделанные представителями социологической школы, выглядят поверхностными и наивными. Они не позволяют увидеть механизм порождения преступности, фиксируют лишь несущественную зависимость между преступностью и некоторыми явлениями. Однако большой заслугой представителей этой школы явилось то, что они обратили внимание на взаимосвязь социальных (в том числе и экономических) процессов и преступности, на необходимость улучшения условий жизнедеятельности людей при решении проблем борьбы с преступностью.

Антропологическое направление в России было представлено как медиками, так и юристами. За основу исследований сторонниками этого направления были взяты работы Ч. Ломброзо² и его последователей³, которые обосновывали отличие преступника от других людей наличием у него особых прирожденных атавистических качеств дикаря. Следует отметить, что русские исследователи не были ортодоксами антропологической доктрины преступности, поскольку признавали влияние на нее социальных процессов, а потому видели необходимость не только применения карательных мер, но и решения целого ряда социальных проблем⁴.

Профессор права Н.А. Неклюдов утверждал, что именно возраст человека определяет количество преступников и характер совершенных ими преступлений. Изучив данные уголовной стати-

¹ Фойницкий И.Ф. Влияние времен года на распределение преступности // Судебный журнал. 1873. Январь–февраль. С. 92, 99, 107.

² См.: Ч. Ломброзо. Преступный человек. СПб., 2005.

³ См., напр.: Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005.

⁴ См.: Отметим, что Ч. Ломброзо также признавал влияние социальной среды на преступное поведение, отводя ей роль обстоятельства, способствующего проявлению преступных наклонностей. В предупреждении преступности, прежде всего политической, автор большую роль отводил мерам государственного социализма (см. подробнее: Шеслер А.В. Чезаре Ломброзо: научный опыт тюремного служения // Правоохранительная деятельность: психология, педагогика и право. Томск, 2013. С. 12–18).

стики на примере Франции, Н.А. Неклюдов пришел к выводу о том, что преступления против собственности склонны совершать подростки, против личности – молодые люди, политические преступления – люди в возрасте 40–45 лет и т.д.¹ Подмеченная Н.А. Неклюдовым особенность структуры преступности возражений не вызывает. Однако заблуждением является то, что возраст рассматривается исключительно как физическое свойство личности, между тем это свойство, прежде всего, социальное: каждому возрасту свойственны различные виды социальной активности и различные социальные роли². Понимая, что определенный возраст сам по себе не превращает человека в преступника, Н.А. Неклюдов признавал влияние на преступность социальных факторов: порядка управления, имущественных отношений и т.д.³

Юрист Д.А. Дриль полагал, что преступление представляет собой результат взаимодействия как физических и психических особенностей личности, так и факторов внешней среды: физических и общественных. Исходя из этого Д.А. Дриль предлагал бороться с преступностью или медицинским лечением, или благоприятным изменением жизненной обстановки⁴.

Одним из наиболее известных врачей-антропологов являлась П.Н. Тарновская. На основании сравнительного изучения контрольных групп женщин с социально-отклоняющимся (преступниц и проституток) и нормативно-одобряемым поведением П.Н. Тарновская пришла к выводу, что женщины-преступницы анатомически отличаются от законопослушных женщин (по росту, размеру челюстей, асимметричности лица и т.д.)⁵. Однако выводы П.Н. Тарновской приходили в противоречие с жизненной биогра-

¹ См.: Неклюдов Н.А. Уголовно-статистические этюды. М., 2009. С. 27–45, 168–170 и др.

² См.: Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. Томск, 2007. С. 118.

³ См.: Неклюдов Н.А. Уголовно-статистические этюды. М., 2009. С. 25, 129, 138–139 и др.

⁴ См.: Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. М., 2006. С. 82, 95, 551, 588 и др.

⁵ См.: Тарновская П.Н. Воровки : антропологическое исследование // Журнал русского общества охранения народного здравия. 1891. № 5. С. 5, 21, 63–64.

фией исследованных ею женщин, преступниц и проституток, поскольку большинство из них до совершения преступлений или занятия проституцией находились в тяжелых жизненных условиях¹. Это обстоятельство определило непоследовательность антропологических взглядов П.Н. Тарновской на политику борьбы с преступностью: она предлагала использовать не только карательные меры, но и меры по улучшению условий жизни людей (трудоустройство, организацию обучения и т.д.)².

Антропологические теории причин преступности, безусловно, находили поддержку в консервативных властных кругах России, поскольку объективно были направлены против реформаторских начал в обществе. Однако нельзя отрицать того положительного, что дали эти теории для криминологии в целом. В частности, ученые-антропологи своими исследованиями обратили внимание научной общественности на необходимость изучения личности лица, совершившего преступление, на взаимосвязь биологических свойств личности и преступного поведения. Так, М.П. Чубинский в заслугу ученым-антропологам поставил то, что появился огромный новый фактический материал, который позволил описать реального преступника, поскольку до антропологических исследований были лишь абстрактные рассуждения о преступнике в тиши ученых кабинетов³. Кроме того, он отмечал гуманистичность антропологических идей, которые исходили из различного отношения к преступникам различного типа, прежде всего к случайным преступникам, являющимся еще новичками в преступном мире. Между тем классическая доктрина исходила из идеи возмездия, которое должно одинаково постичь как упорного злодея, так и новичка, она нивелировала различных преступников⁴.

Социологическое и антропологическое направления в теории причин преступности были основными в изучении данной про-

¹ См.: Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1960. С. 306–307.

² См.: Тарновская П.Н. Воровки : антропологическое исследование // Журнал русского общества охранения народного здоровья. 1891. № 5. С. 21.

³ См.: Чубинский М.П. Очерки уголовной политики. М., 2010. С. 381–382.

⁴ Там же. С. 388–389.

блемы русскими исследователями вплоть до начала первой мировой войны.

Участие России в Первой мировой войне, долгие годы Гражданской войны обострили криминогенную обстановку в стране, остро поставили перед победившим режимом проблемы борьбы с преступностью и необходимости ее изучения. Центрами научных исследований в начале 1920-х гг. стали созданные в ряде крупных городов кабинеты по изучению преступника и преступности. Практически с самого начала исследовательская деятельность этих кабинетов носила ярко выраженный антропологический характер. Доминирующие позиции во многих кабинетах заняли представители психиатрии и естественных наук, которые в качестве основных детерминант преступного поведения выделяли психофизические аномалии личности. Так, С.В. Познышев описал эндогенный тип преступника, обладающий сильной предрасположенностью к преступной деятельности¹.

В результате криминологические исследования стали развиваться в тупиковом направлении, поскольку произошла полная подмена предмета и метода социальной науки. Вместо изучения преступности и преступника исследовалось поведение лиц, страдающих психическими отклонениями; вместо применения методов, используемых в психологической и социальных науках, активно использовались методы судебно-психиатрические. Вывод о биологической неполноценности преступников, смешение преступников и душевнобольных привели исследователей, претендовавших на первенство в изучении проблем криминологической науки, к заявлениям о необходимости вести борьбу с преступностью по правилам социально-клинической диагностики, заменить суд терапией².

Такое увлечение криминологических учреждений биологическими факторами преступности в какой-то мере было обусловлено

¹ См.; Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности. М., 2007. С. 35, 117 и др.

² Подробную критику исследований, проведенных кабинетами по изучению личности преступника и преступности см. в работе: Иванов Л.О., Ильина Л.В. Пути и судьбы отечественной криминологии. М., 1991. С. 127–177.

влиянием дореволюционных доктрин причин преступности, т.е. антропологического направления и социологической школы уголовного права, представители которой, как уже отмечалось, также признавали большое значение психофизических свойств личности в преступном поведении. Однако основная причина распространения антропологических теорий состояла в догматическом восприятии их последователями идеологических постулатов марксизма об антикриминогенном характере социализма. Исследователи изначально исходили из того, что после Октябрьской революции в стране подорваны социальные корни преступности. Такая посылка означала, что причины преступности должны вытекать из каких-либо особых свойств личности преступника. Однако откровенно антропологические выводы психиатров скоро пришли в очевидное противоречие с марксистской доктриной, исходящей из социальной природы преступности.

Теоретические заблуждения сторонников биологического изучения преступников в совокупности с господствовавшей государственной идеологией и реальными успехами в борьбе с преступностью привели к негативным последствиям: в 1930-е гг. криминологические исследования были практически свернуты, а проводившие их учреждения либо закрыты, либо перепрофилированы на разработку проблем так называемой исправительно-трудовой политики¹. В последующие десятилетия проблемы преступности изучались в основном в рамках судебной статистики, которая до конца 1980-х гг. оставалась закрытой², и правоохранительной деятельности³. Вплоть до 1960-х гг. отдельные положения о преступности находили отражение в учебниках уголовного права. Однако исследователи ограничивались главным образом рассуждениями общего характера о ликвидации в СССР основной причины преступности – эксплуатации, о преступности как пережитке прошлого (капитализма), который сохраняется во многом благодаря подрывной деятельности враждебного империалистиче-

¹ См.: Криминология. Исправительно-трудовое право. История юридической науки. М., 1977. С. 18–21.

² См.: Шестаков Д.А. Криминология. СПб., 2006. С. 90–93.

³ См.: Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 2010. С. 8, 33–35.

ского окружения, о поставленной Коммунистической партией задаче полного искоренения преступности¹.

С середины 1960-х гг. ситуация стала постепенно изменяться. Криминологические воззрения стали склоняться от одной крайности к другой:

а) в области идеологической – от признания социализма антикриминогенной системой до признания преступности вечным явлением;

б) в области собственно научного познания – от попытки найти одну-единственную причину преступности до признания невозможности вообще установить причины преступности.

В частности, в 1966 г. И.И. Карпец опубликовал статью «О природе и причинах преступности в СССР», в которой указал: «...коль скоро существуют причины, порождающие преступность, то и наличие правонарушений и преступности относится к закономерным явлениям»². В этой же статье И.И. Карпец подверг критике бытовавшее среди советских юристов мнение об отсутствии при социализме социальных причин преступности. По мнению автора, если преступность как социальное явление реально существует, то оно должно иметь причины, которые носят социальный характер. И.И. Карпец отмечал, что в СССР нет коренных причин преступности (эксплуатации человека человеком, безработицы, нищеты и т.д.), поэтому необходимо искать эти причины в пережитках прошлого, а также в негативном влиянии на социалистический лагерь империалистического окружения. Пережитки прошлого (главным образом капитализма) воплощаются в общественном и индивидуальном сознании граждан, а также в их поведении. Объективные трудности общества, строящего коммунизм, отдельные недостатки и упущения советского общества не выступают в качестве причин преступности, они могут лишь способствовать совершению конкретных преступлений. Наличие пережитков прошлого в сознании людей, живущих при социализме, И.И. Кар-

¹ См.: Меньшагин В.Д., Вышинская З.А. Советское уголовное право. М., 1950. С. 3–9, 76–77.

² Карпец И.И. О природе и причинах преступности в СССР // Советское государство и право. 1966. № 4. С. 86.

пец объяснял относительной самостоятельностью сознания от породившего его базиса, в частности отставанием сознания от позитивных изменений в обществе¹.

Позиция, высказанная И.И. Карпечом в части закономерного существования преступности и ее причин при социализме, носила в свое время радикальный характер, однако была поддержана целым рядом исследователей².

Динамичное развитие общества уже через несколько лет заставило криминологов вновь обратиться к разработке концепции причин преступности, поскольку чрезмерное «долгожительство» «пережитков прошлого» в сознании людей явилось очевидным мифом. В этот период позиции исследователей сходились в одном: они единодушно признавали антикриминогенный характер социализма. Однако единая идеологическая платформа не помешала криминологам разделиться на три основные группы: одни исследователи объясняли существование преступности субъективными причинами, вторые – объективными социальными процессами, третьи – биологическими свойствами личности.

Наиболее рельефно *теория субъективных причин преступности* нашла отражение в работах Н.Ф. Кузнецовой, которая исходила из того, что детерминанты преступности при социализме связаны с противоречиями, унаследованными от прошлых частнособственнических формаций. Причинами преступности являются рудименты мелкобуржуазной психологии – индивидуалистические традиции, привычки, интересы и мотивация³. Эти пережитки прошлого воплощаются в дефектах общественного, группового и индивидуального сознания⁴. Противоречия, которые встречаются в реальной практике социализма, иногда приводят к отдельным

¹ Карпец И.И. О природе и причинах преступности в СССР // Советское государство и право. 1966. № 4. С. 86–90.

² См., напр.: Пионтковский А.А. Введение в советскую криминологию // Советское государство и право. 1966. № 4. С. 149–150; Гельфер М.А., Гришаев П.И., Здравомыслов Б.В. Советская криминология. М., 1967. С. 29–36; Сахаров А.Б. Учение о личности преступника // Советское государство и право. 1968. № 9. С. 68.

³ См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. С. 43, 56.

⁴ Там же. С. 50, 52, 54.

негативным явлениям (ошибкам, упущениям, просчетам в управленческой деятельности и т.д.), которые способствуют сохранению преступности. При капитализме общественные противоречия непримиримы, поэтому они неизбежно порождают преступность, являются ее причинами. При социализме они утрачивают свой антагонистический характер, поэтому выступают в качестве условий, а не причин преступности. Кроме того, условием преступности при социализме является криминогенное влияние империалистического окружения¹.

Недостатки этой теории достаточно явно проявились еще до распада СССР. Это связано, во-первых, с тем, что автором не допускалась даже возможность постановки вопроса об ответственности социалистической системы за состояние преступности, поскольку изначально данная система объявлялась антикриминогенной. Н.Ф. Кузнецова применила двойной стандарт в объяснении причин преступности при капитализме и социализме, полагая, что в одной системе они коренятся в самой природе общества, вытекают из его глобальных противоречий, в другой – лежат в субъективной сфере. Практика реального социализма не подтвердила правильность этой доктрины, а политика борьбы с преступностью наглядно показала, что действительных успехов можно достичь прежде всего при решении социальных проблем объективного характера.

Во-вторых, недостатком этой теории являлось неправильное определение приоритетов политики борьбы с преступностью, поскольку чрезмерно большое значение придавалось не улучшению условий жизнедеятельности людей, а уголовно-правовой политике, связанной с реализацией уголовного наказания. В частности, Н.Ф. Кузнецова отмечала: «Как ни мал страх преступников перед наказанием, не следует преуменьшать значение общей и специальной уголовно-правовой превенции. В истории борьбы с преступностью были убедительные подтверждения значимой роли блокирования криминогенной мотивации страхом наказания»².

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. С. 39, 150–151, 175–183.

² Там же. С. 101.

Это суждение является справедливым лишь отчасти. Закономерно, что в условиях сильной криминализации общества, падения его атикриминогенного потенциала карательная политика играет весомую роль в борьбе с преступностью, поскольку потенциал иных мер исчерпан или очень мал. В такие периоды жизни общества появляются многочисленные доктрины, научно обосновывающие высокий уровень карательных притязаний населения и приписывающие наказанию гораздо больший профилактический эффект, чем это есть на самом деле¹. Реальная практика борьбы с преступностью показывает, что приоритет в этой области принадлежит решению основных социальных проблем, а не усилению уголовных репрессий, профилактический эффект от которых не столь уж велик².

Вместе с тем отметим, что в позиции Н.Ф. Кузнецовой есть целый ряд моментов, заслуживающих внимания, в том числе и сегодня. Во-первых, автору удалось показать тесную взаимосвязь между нравственным состоянием общества, морально-психологическим климатом в стране и состоянием преступности. Во-вторых, Н.Ф. Кузнецова совершенно верно указала на необходимость выделения причин преступности на трех уровнях: общества, социальных групп и личности, что позволяет установить, как глобальные социальные процессы преломляются в конкретном преступлении. В-третьих, Н.Ф. Кузнецова удачно выделила внешние детерминанты преступности, связанные с криминогенным воздействием Запада на состояние преступности в нашем обществе. К их числу она отнесла:

- военную интервенцию;
- экономическую экспансию и блокаду;
- втягивание в гонку вооружений;
- прямую криминальную деятельность против нашего государства (шпионаж, террористические акты и т.д.);

¹ См. Маннс Г.Ю. Общее и специальное предупреждение в уголовном праве. Иркутск, 1926. С. 20, 45.

² См.: Никонов В.А. Преступность и репрессии. Тюмень, 1993. С. 6, 9, 10, 13, 18, 22.

– преступления международного характера, совершаемые на территории нашего государства и служащие передачей криминального опыта (угон самолетов, контрабанда, захват заложников, терроризм и т.д.);

– идеологическую и психологическую войну через массовую культуру: радио, кино, газеты, книги¹.

Все эти формы криминогенного влияния Запада были направлены на ослабление экономического, оборонного, политического потенциала бывшего СССР, истощение его материальных, экологических и людских ресурсов, духовную и нравственную деградацию населения. К сожалению, противостояние между Западом и СССР объяснялось пропагандистской машиной КПСС как противостояние между двумя системами – капитализмом и социализмом. Кризис господствовавшей в СССР долгие годы единственной идеологической доктрины привел к дезориентации общественного сознания, непониманию того, что в основе такого противостояния могли лежать и иные процессы. Например, геополитическое положение России всегда приводило к тому, что она была окружена государствами, имевшими к ней территориальные претензии и стремящимися втянуть ее в локальные войны и войны мирового масштаба, а также использовать ресурсы России, ее население для остановки «крестовых походов», угрожающих человеческой цивилизации (борьба с татаро-монгольским нашествием, территориальная экспансия фашизма и т.д.)².

И, наконец, Н.Ф. Кузнецова вполне справедливо подметила присущие преступности атавистические начала, хотя и преувеличила их значение³.

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. С. 150–152.

² См., напр.: Ильин И.А. Что сулит миру расчленение России // Знания мира. 1992. № 4; Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2006; Шалыганов Ю.В. Проект «Россия». М., 2010. Кн. 4: Большая идея; Стариков Н.В. Кто финансирует развал России? От декабристов до моджахедов. СПб., 2011; Он же. Русская смута XX века. СПб., 2017.

³ Об атавизме в преступности см. подробнее: Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Преступность и ее основные криминологические характеристики. Томск, 1995. С. 10–11.

Представители *теории объективных причин преступности* отмечали, что существование преступности связано с негативными сторонами противоречий общественного развития. Эти противоречия, которые существуют не только в общественном сознании, но и в общественном бытии, по своей сути являются пережитками прошлых формаций.

Внешние причины преступности связаны с существованием социализма в условиях империалистического окружения.

Внутренние противоречия, порождающие преступность, сторонниками указанной позиции делятся на противоречия, связанные: а) с особенностями социализма как системы; б) с конкретно-исторической обстановкой развития социализма; в) с недостатками и ошибками, допускаемыми при управлении обществом¹.

Первая группа противоречий, по мнению исследователей, обусловлена тем, что социализм – это не полный коммунизм, поэтому в обществе сохраняются «родимые пятна» капитализма (несколько видов собственности, классы, различие между умственным и физическим трудом и т.д.).

Основными противоречиями общественного развития являются противоречия между производительными силами и производственными отношениями. При капитализме эти противоречия носят антагонистический характер, не подчинены прогрессивному развитию. Именно поэтому преступность при капитализме вытекает из «природы самого общества», она генетически связана не только с законами его функционирования, но и законами развития.

При социализме преступность также является закономерным явлением, однако ее существование связано только с законами функционирования указанных противоречий, поскольку они утрачивают антагонизм, поддаются прогрессивному воздействию, постепенно сглаживаются². Конкретно противоречия между производительными силами и производственными отношениями при социализме, по мнению исследователей, находят проявления в противоречиях между уровнем производства и покупательной

¹ См.: Сахаров А.Б. О концепциях причин преступности в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1976. № 9. С. 30–31.

² Там же. С. 29.

способностью населения, а также между чувством социального равенства и фактическим социальным неравенством¹.

Вторая группа противоречий связывалась исследователями с объективными конкретно-историческими условиями, создающими трудности и осложнения при строительстве социализма. Эти сложности могут быть государственного и локального значения (война, стихийные бедствия и т.д.), кратковременными или длительными, однако в любом случае они не связаны с природой социализма².

Третья группа противоречий связывалась исследователями с недостатками и ошибками в управлении обществом. Эти противоречия играли, по мнению авторов, роль субъективных детерминант преступности – условий, которые находятся в противоречии с сущностью социализма³. Позднее, в период кризиса тоталитарной системы, просчеты в управлении обществом стали называть деформациями социализма, т.е. отступлением от идей научного коммунизма. Эти деформации, как принято было считать, создали базу для преступности (сталинские нарушения законности, насильственная коллективизация крестьянских хозяйств и т.д.)⁴.

Кроме того, исследователи выделяли и внешние противоречия, связанные с противостоянием социализма и капитализма. Это противостояние выражалось в идеологической диверсии империализма, оказывающей криминогенное влияние на ряд неустойчивых граждан социалистического общества. Позднее исследователи стали отмечать криминогенное воздействие на СССР не только капиталистических государств, но и государств с иной, в том числе социалистической, ориентацией⁵.

В рассматриваемом подходе главным позитивным моментом являлось то, что с общества не снималась ответственность за со-

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 188–190.

² См.: Сахаров А.Б. О концепциях причин преступности в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1976. № 9. С. 32–33.

³ Там же. С. 33–34.

⁴ См.: Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М., 1990. С. 70–71.

⁵ См.: Белоглазов В.А. Причинный комплекс преступности: вопросы теории и методологии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 6.

стояние преступности, поскольку ее причины выводились из объективных социальных процессов. Опираясь на этот подход, исследователи в 1970–1980-х гг. сделали достаточно много для объяснения причин преступности на индивидуальном уровне и уровне отдельных социальных групп. Такой подход позволил достаточно четко на многие годы определить основную стратегию борьбы с преступностью – постоянное улучшение социальных условий жизнедеятельности людей. Дальнейшее углубление этого подхода позволило криминологам избавиться от основного идеологического заблуждения – представлений о социализме как антикриминогенной системе¹, а также прийти к выводу, что ни одна из известных истории общественных систем не была свободна от социальных пороков, порождающих преступность². В этой связи отметим, что вряд ли следует поддерживать точку зрения западных криминологов о вечном характере преступности, поскольку предсказание ее исторической судьбы явилось бы очередным идеологическим мифом.

Теория биологических причин преступности получила наибольшее развитие в работах И.С. Ноя. Справедливо отмечая, что биологическим детерминантам преступности в отечественной криминологии уделяется слишком мало внимания, И.С. Ной для обоснования значимости указанной проблемы обратился, однако, не к реальным исследованиям, а к идеологической демагогии. Он отмечал, что капитализм закономерно рождает преступность, а при социализме нет социальных причин преступности, причины нужно искать в особых психических свойствах личности, определенных

¹ Вряд ли можно также поддержать другое, абсолютно противоположное суждение о том, что именно социализму наше общество обязано нынешним состоянием преступности (см., напр.: Гуров А.И. Красная мафия. М., 1995. С. 47–53, 59–65, 144 и др.). Напротив, именно необдуманный переход общества к рынку обострил криминогенную обстановку в стране. Пророческими оказались слова И.И. Карпеца о том, что «рыночные отношения изначально беременны преступностью» (см.: Карпец И.И. Преступность: иллюзия и реальность. М., 1992. С. 152). На антисоветскую направленность криминологических исследований оказали влияние изданные большими тиражами в конце 1980-х гг. «Колымские рассказы» В. Шаламова и «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицина (см. подробнее: Клейменов М.П. Криминология. М., 2008. С. 41).

² См.: Карпец И.И. Преступность: иллюзия и реальность. М., 1992. С. 90–92.

генетически. Если такая личность попадает в негативную среду, то она совершает преступления. Придавая биологическому фактору свойство причины преступности, а социальному фактору – ее условия, И.С. Ной и предупреждение преступности перенес из социальной сферы в биологическую, поскольку предлагал в профилактике преступного поведения активно использовать рекомендации генетиков¹.

Отечественные криминологи обоснованно критиковали позицию И.С. Ноя, справедливо отмечая, что биологический фактор играет роль не причины, а субъективного условия преступного поведения². Таким образом, позиция И.С. Ноя не получила широкого признания, однако она нанесла ощутимый вред дальнейшим криминологическим исследованиям. Дело в том, что лишь немногие криминологи обращались в последующие годы к проблеме биологических детерминант преступности, боясь незаслуженно получить ярлык «антрополога»³. В настоящее время значимость указанной проблемы возрастает в связи с усложнением экологической и социальной среды обитания человека. Это побуждает криминологов к активизации научных исследований.

Отказ от марксизма как методологической основы криминологических исследований привел к сближению социологического, психологического и биологического подходов к изучению детерминант преступного поведения. К началу 2000-х гг. это сближение вполне оформилось при изучении свойств личности, лежащих в основе индивидуального преступного поведения. Исследователи отмечали, что недопустима ни социологизация, ни психологизация личности преступника, так как эта личность представляет собой совокупность интегрированных социально значимых негативных

¹ См.: Ной И.С. Личность преступника и ее значение в изучении преступности в условиях социалистического общества // Ученые записки. Саратов, 1969. Вып. XVI. С. 7–10, 18–19. 23; Он же. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975. С. 164–165, 173, 178–180.

² См.: Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968. С. 63; Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 41–45 и др.

³ Ю.М. Антонян полагает, что, несмотря на компилятивный и примитивный характер работ И.С. Ноя, они способствовали изучению биологических причин преступности (см.: Антонян Ю.М. Криминология. М., 2012. С. 53–61).

свойств и психологических особенностей, в которых представлено взаимодействие социальных и биологических факторов¹. Такой конструктивный подход к личности преступника позволил изучить детерминанты отдельных видов преступлений на индивидуальном уровне².

В области собственно научного познания, как уже отмечалось, криминологи с середины 1960-х гг. прошли путь от попытки найти одну-единственную причину преступности (например, пережитки прошлого в сознании людей) до признания невозможности определить причины преступности вообще. Это обусловлено тем, что выявить одну причину преступности не удалось, поскольку этот многогранный феномен не может быть порожден каким-либо одним явлением. В результате в криминологии был разработан подход, согласно которому в процессе детерминации преступности участвует множество взаимосвязанных факторов. Поэтому причину преступности нужно понимать как результат процесса функционирования и развития этих явлений³.

Безусловно, указанный подход имеет право на существование. Однако он не может заменить собой причинного объяснения преступности, поскольку не позволяет ответить на вполне прозаические вопросы: в какой мере влияют те или иные явления на преступность и какие из них оказываются доминирующими? Кроме того, использование только этого подхода не позволяет выявить особенности детерминации преступности в государствах с различными социально-экономическими и политическими системами, так как в любом обществе на определенной ступени человеческой цивилизации есть сходные явления, влияющие на преступность

¹ См.: Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.С. Личность преступника. СПб., 2004. С. 14–16, 34–35, 67–68; Антонян Ю.М., Эминов В.С. Личность преступника : криминологическое исследование. М., 2010. С. 9–11, 33.

² См., напр.: Шеслер А.В., Курьндина А.Н., Брусницын В.И. Личность лица, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств. Тюмень, 2010. С. 19–21, 29–70.

³ См.: Панкратов В.В. Методология и методика криминологических исследований. М., 1972. С. 27, 29; Миллер А.И. Противоправное поведение несовершеннолетних (генезис и ранняя профилактика). Киев, 1985. С. 21–24; Белоглазов В.А. Причинный комплекс преступности: вопросы теории и методологии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 2, 4–5.

(миграция, урбанизация и т.д.). В результате становится невозможным связать преступность с глубинными процессами, происходящими в конкретном обществе.

Отметим, что наиболее конструктивной представляется компромиссная *позиция, объединяющая детерминистский и казуальный (причинный) подходы к преступности*. Это позволяет, с одной стороны, раскрыть механизм взаимосвязи различных явлений, воздействующих на преступность. С другой стороны, такой подход дает возможность обнаружить основные «пружины» механизма, порождающего преступность, обратить внимание на решающие звенья в системе взаимодействующих элементов, влияющих на преступность¹.

Вместе с тем отдельные исследователи утверждают, что в период, последовавший за распадом СССР, детерминистская концепция причин преступности в отечественной криминологии стала утрачивать свое значение и на первый план вышел казуальный подход к объяснению причин преступности². По этому поводу укажем следующее. Детерминистский подход лишь начал формироваться за несколько десятилетий до распада СССР, а в постсоветский период он получил дальнейшее развитие потому, что в связи с усложнением процессов социально-экономического развития в условиях глобализации казуальный подход вообще утратил свой объяснительный потенциал. Данное обстоятельство обусловлено тем, что процессы глобализации изменили многоуровневый механизм действия детерминант преступности: на уровне всего общества, социальных групп и отдельной личности. Глобальные социальные процессы оказывают детерминирующее воздействие на индивидуальное преступное поведение, минуя основные институты социализации личности (семью, школу и т.д.). Например, непосредственное криминогенное воздействие оказывает глобальная система социальных сетей. В такой ситуации невозможно объ-

¹ См.: Социальные отклонения. М., 1989. С. 134–135; Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. С. 72; Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. Томск, 2007. С. 128–129.

² См.: Бахарев Д.В. Пространственный анализ причинного комплекса преступности: история, теория, методы, практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 11–12.

яснить существование преступности только определением ее причин и условий, выделяются иные взаимосвязи между социальными процессами в обществе и состоянием преступности, которые получили в криминологической науке наименование факторов преступности и вместе с причинами и условиями детерминируют последнюю.

Таким образом, краткий экскурс в историю отечественной криминологии наглядно показывает наличие в ней не только идеологических заблуждений и псевдотеорий, но и конструктивных подходов, ярких и глубоких идей, которые нуждаются в тщательном осмыслении и дальнейшем развитии¹.

5.2. Понятие и классификация детерминант преступности

Исследователи, объясняя существование преступности, используют различные термины. Одни выделяют причины и условия преступности², вторые – полную причину преступности, состоящую из собственно причины преступности и ее условий³, третьи – причины, условия и факторы преступности⁴ и т.д. Очевидно, указанные различия не являются чисто терминологическими, поскольку отражают различные подходы к изучению преступности: детерминистский и казуальный. В разд. 5.1 уже отмечалось, что в объяснении преступности необходимо объединить оба подхода, поскольку казуальная связь не отражает всех взаимоотношений материального мира.

Основываясь на таком подходе, правильнее вести речь о детерминантах преступности, под которыми мы будем понимать собственно причины, условия действия этих причин и факторы, влияющие на преступность.

¹ См.: Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Отечественные научные концепции причин преступности // Криминологический журнал. 2014. № 1 (27). С. 49–58.

² См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. С. 44–47.

³ См.: Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 17.

⁴ См.: Аванесов Г.А. Криминология. Прогностика. Управление. Горький, 1975. С. 63–68.

Причины выражают такой вид детерминации, как причинение, продуцирование преступности. Связь между причиной и преступностью носит генетический характер, поскольку причина порождает преступность как свое закономерное следствие¹.

Условия создают благоприятные возможности либо для формирования причин преступности, либо для их реализации. Тем самым условие выражает другой вид детерминации – обусловливание².

Факторы не порождают и не обусловливают преступность. Однако выделение их необходимо, поскольку они отражают определенную зависимость между преступностью и целым рядом социально-значимых явлений (половозрастной структурой населения, алкоголизмом, миграцией, урбанизацией и т.д.). Эта зависимость носит функциональный характер, т.е. определенному значению фактора соответствует определенное значение преступности³. Причем изменение значения фактора не всегда может привести к адекватным изменениям показателей преступности, поскольку связь между этими явлениями многократно опосредована другими социальными явлениями, в частности антикриминогенными факторами, способными либо смягчить действие криминогенных факторов, либо нейтрализовать их. Так, общеизвестно, что интенсивная миграция сельского населения в города нередко сопровождается ростом в них преступности. Однако это происходит в тех случаях, когда миграция принимает стихийный, неконтролируемый характер, а государство не принимает необходимых правовых и организационных мер, направленных на смягчение адаптации сельских мигрантов в городах или закрепление потенциальных мигрантов на селе (строительство жилья, развитие социальной инфраструктуры и т.д.).

Таким образом, полный набор детерминант преступности образуют собственно причины, условия и факторы преступности. Выделение указанных детерминант носит условный характер, поскольку в реальной действительности они существуют в тесной

¹ См.: Криминология и профилактика преступлений. М., 1989. С. 64.

² См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. С. 47.

³ См. подробнее: Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Введение в криминологию. Томск, 1996. С. 11–12, 24–25.

взаимосвязи, воплощаются в единую криминогенную социальную ситуацию.

Криминогенная социальная ситуация – это многоуровневый и многозвенный комплекс негативных процессов, происходящих в обществе и выражающих quintessence общественных отношений. Криминогенная социальная ситуация способствует формированию в обществе социальных конфликтов и моделей их разрешения преступным путем, которые через конкретные проблемные жизненные ситуации групп или отдельных индивидов реализуются в конкретных преступлениях.

Классификаций детерминант преступности в отечественной криминологии разработано немало; мы остановимся на тех из них, которые имеют наибольшее практическое значение.

Прежде всего, *исходя из масштаба действия* детерминанты преступности рассматриваются применительно к обществу в целом, отдельным социальным группам, индивидам. Соответственно этому объяснение преступного поведения дается на трех уровнях:

- философском, на котором формируется общая концепция детерминант преступности в обществе, рассматриваются глобальные общественные процессы;
- социологическом, который предполагает изучение образа жизни различных социальных, профессиональных, возрастных групп населения;
- психологическом, на котором изучается процесс рассогласования личности со средой¹.

На наш взгляд, такой подход нуждается в некотором уточнении по следующим причинам. Во-первых, рассмотрение детерминант преступности на философском и социологическом уровнях фактически означает их рассмотрение на одном уровне – общесоциальном. Это объясняется тем, что исследование макросоциальных процессов невозможно без отрыва от социальной активности макросоциальных групп, которые представляют предмет социологического изучения. Во-вторых, при таком подходе из поля зрения криминолога выпадает важнейшее звено трансформации общесоциальных детерминант преступности в детерминанты конкретного

¹ См.: Социальные отклонения. М., 1989. С. 137–145.

преступления, а именно малые социальные группы. Дело в том, что деформации образа жизни макрогрупп сами по себе не могут привести к формированию субъективной причины индивидуального преступного поведения, т.е. к негативным нравственно-психологическим свойствам личности. Формирование этих свойств происходит на уровне малых социальных групп – семьи, учебного или производственного коллектива, ближайшего неформального окружения.

Исходя из этого детерминанты преступности следует рассматривать на следующих уровнях: общесоциальном, социально-психологическом и личностном.

Общесоциальные детерминанты преступности связаны с социальными процессами, происходящими в обществе в целом (прежде всего с макроэкономическими процессами) и отражающимися на образе жизни целых макрогрупп (возрастных, национальных, профессиональных и т.д.). Деформации, возникшие в образе жизни этих групп, способны оказывать криминогенное воздействие на личность в следующих направлениях:

- являться источником конфликтов;
- вызывать отклонения от одобряемых обществом ценностей;
- ослаблять позитивный социальный контроль;
- затруднять реализацию законных возможностей личности¹.

В ряде случаев детерминантами преступности объективно могут служить не деформации образа жизни макрогрупп, а деформации социальных ролей, вызванные предъявлением несовместимых нормативных требований к личности, занимающей определенную социальную позицию в макрогруппе². Например, на работниках органов внутренних дел лежит ответственность одновременно и за полную регистрацию преступлений, и за качественное их раскрытие и расследование, и за состояние преступности на определенной территории.

Социально-психологический уровень детерминант преступности предполагает изучение малых социальных групп, в которых протекала деятельность преступника. Малые социальные группы

¹ См.: Социальные отклонения. М., 1989. С. 142.

² См.: Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М., 1988, С. 78–86.

могут быть, во-первых, той средой, в которой формируется личность преступника, во-вторых, источником конфликтов, лежащих в основе многих преступлений, в-третьих, формой социального контроля за поведением правонарушителя. Особое внимание в данном случае обращается на социальные роли и позиции личности в малых группах, содержание и направленность (позитивную, социально-нейтральную или негативную) совместной деятельности участников малых групп, характер ценностных ориентаций и эмоциональные связи их участников.

В последние десятилетия в сфере исследования криминологов попал феномен психологического отчуждения личности от общества, которое лежит в основе индивидуального преступного поведения. По мнению исследователей, такое отчуждение является результатом отсутствия у индивидов эмоциональных контактов в основных сферах человеческого общения. Стремясь обрести такие контакты, личность нередко вступает в группы антиобщественной направленности, пребывание в которых формирует у нее негативные нравственно-психологические свойства, лежащие в основе преступного поведения¹. В отдельных случаях отчуждение личности выражается в состоянии тревожности индивида за свой биологический или социальный статус. Если человек ощущает угрозу смерти, он субъективно защищает свою жизнь и находит эмоциональный комфорт в совершении насильственных преступлений². Если человек ощущает угрозу своему социальному статусу, он совершает корыстные и корыстно-насильственные преступления³.

Эта позиция является конструктивной, однако она нуждается в уточнении. Дело в том, что отчуждение личности от основных сфер человеческого общения является результатом отсутствия у индивида не просто эмоциональных контактов с другими людьми

¹ См.: Антонян Ю.М. Криминогенная роль психологического отчуждения личности // Советское государство и право. 1988. № 8. С. 53–57; Он же. Психологическое отчуждение личности и преступное поведение. Ереван, 1987. С. 41–52.

² См.: Антонян Ю.М., Ткаченко А.А. Сексуальные преступления. М., 1993. С. 17–20; Антонян Ю.М., Бойко И.Б., Верещагин В.А. Насилие среди осужденных. М., 1994. С. 10, 24–25, 31–35.

³ См.: Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследование преступлений. М., 1996. С. 4.

в этих сферах, а именно положительных эмоциональных связей. Напротив, наличие у индивида положительных эмоциональных контактов в малых социальных группах способствует полноценному общению личности, психологическому комфорту и самоопределению индивида¹.

При рассмотрении детерминант преступности на *личностном уровне* особое внимание обращается на весь спектр нравственно-психологических качеств личности (прежде всего на мотивацию), которые при взаимодействии с проблемной ситуацией обуславливают преступное поведение².

По уровню субординации криминологи различают детерминанты преступности в целом, детерминанты отдельных групп преступлений и детерминанты отдельных преступлений³. На уровне преступности в целом необходимо прежде всего рассматривать детерминанты, которые характерны для массива преступлений, определяющих общий «облик» преступности. На втором уровне рассматриваются детерминанты тех преступлений, которые имеют сходную криминологическую характеристику. В частности, в одном блоке проблем криминологи нередко рассматривают детерминанты насильственных преступлений и хулиганства, поскольку последнее в значительном числе случаев сопряжено с насилием над личностью⁴. На третьем уровне криминологи выявляют именно те специфические детерминанты, которые характерны только для отдельных преступлений (только хулиганств, краж, грабежей и т.д.).

По содержанию выделяют детерминанты преступности, действующие в сфере экономики, социальной и политической жизни, в духовно-нравственной сфере общества. *Экономическая сфера* предполагает установление связи между экономическими отношениями и преступностью, *социальная* – между отношениями, определяющими условия жизнедеятельности человека (условия труда, быта, отдыха и т.д.), и преступностью, *политическая* – между

¹ См.: Каган М.С. Мир общения. М., 1988. С. 128–133, 156, 160–163.

² См.: Кудрявцев В.Н. Право и поведение: норма и патология. М., 1982. С. 180; Филимонов В.Д. Генезис преступления. М., 2017. С. 6, 36.

³ См.: Криминология. М., 1988. С. 119.

⁴ См.: Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С. 376–378; Криминология. М., 1992. С. 218.

политическими процессами в обществе (прежде всего борьбой за государственную власть) и преступностью, *духовно-нравственная сфера* – между нравственным состоянием общества и преступностью¹. Следует отметить, что указанные сферы выделяются в известной мере условно, поскольку в реальности все социальные процессы, происходящие в этих сферах, неразрывно связаны друг с другом. Например, начавшийся в 2008 г. общемировой экономический кризис сопровождался негативными последствиями и в сфере экономики, и в сфере политики, и в социальной, и в духовной сферах жизни общества.

По природе происхождения различают объективные, субъективные и объективно-субъективные детерминанты преступности. Объективными являются детерминанты, существующие независимо от сознания макро- и микрогрупп, отдельных личностей, в частности сложившаяся в обществе социальная структура. Субъективные детерминанты преступности связаны с дефектами общественного, группового и индивидуального сознания. Объективно-субъективные детерминанты носят смешанный характер, представляют собой взаимосвязь идеальных и объективных общественных процессов. В частности, негативные аспекты экономической жизни представляют собой одновременно результат как ошибочной экономической политики, так и объективно существующих экономических отношений.

С точки зрения исторического подхода необходимо различать всеобщие, общие и специфические детерминанты преступности. Всеобщие детерминанты характерны для всех типов общества независимо от степени их развития, господствующей идеологии, формы государства. Например, существование профессиональной преступности в любом обществе прежде всего обусловлено наличием устойчивой криминогенной среды, способной к саморазвитию и самовоспроизводству². Общие детерминанты преступности характерны для всех государств на определенном этапе развития человеческого общества. Например, научно-техническая револю-

¹ См.: Криминология. М., 1995. С. 61–76.

² См.: Шеслер А.В. Криминологическая характеристика и профилактика профессиональной преступности. Тюмень, 2004. С. 37–40, 43–44.

ция во всех государствах повлияла на рост и изменение структуры неосторожной преступности, связанной с проблемой «человек–машина». Специфические причины преступности связаны с особенностями определенного типа общества. Например, в государствах с тоталитарными или авторитарными режимами, если эти режимы не на грани краха, уровень преступности ниже, чем в демократических странах. Это является в какой-то мере платой общества за большую социальную активность его членов при развитых институтах демократии¹.

В литературе выделяются и другие детерминанты преступности: с точки зрения детерминирующего воздействия – главные и второстепенные, по источнику происхождения – внутренние, обусловленные внутренними противоречиями общества, и внешние, обусловленные влиянием на общество других государств, и т.д.²

5.3. Общесоциальные детерминанты преступности

Большинство исследователей считают, что в основе детерминант преступности на общесоциальном уровне лежат экономические явления, поскольку именно экономика в главном и основном обуславливает социальные, политические и духовные процессы в обществе. Такой подход к анализу детерминант, обуславливающих преступность, был заложен в начале становления отечественной криминологии. Так, в 1920-е гг. многие исследователи преступности среди различных явлений, ее обуславливающих, указывали прежде всего на социально-экономические: упадок производительных сил, снижение уровня производительности труда и т.п.³

¹ См.: Криминология и профилактика преступлений. М., 1989. С. 67; Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М., 1990. С. 71.

² См.: Лунеев В.В. Тенденции преступности: мировые, региональные, российские // Государство и право. 1993. № 5. С. 7; Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Преступность и ее основные криминологические характеристики. Томск, 1995. С. 36.

³ См.: Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР. М., 1924; Родин Д.П. Городская и сельская преступность // Право и жизнь. 1926. Кн. 2–3. С. 95; Куфаев В.И. Юные правонарушители. М., 1929. С. 3.

В последующие годы об экономических детерминантах преступности почти ничего не говорилось, поскольку в течение многих лет преступность в СССР рассматривалась в основном как форма сопротивления делу социализма со стороны классово враждебных элементов (Н.В. Крыленко, Г.И. Волков, В.С. Маньковский и др.), а затем и с позиций сохранения пережитков прошлого в сознании и поведении людей (П.И. Гришаев, Н.И. Загородников, А.И. Чернышов и др.). Только во второй половине 1970-х гг., в 1980-е гг. стали появляться исследования, раскрывающие механизм обусловленности преступности экономическими процессами.

Совокупность явлений общественной жизни, которые исследователи относили к экономическим, достаточно широка. Так, ученые указывали на экономическое неравенство между людьми, обусловленное определенным уровнем развития производительных сил в стране, что ставит одну группу людей в худшее положение по сравнению с другой; слабую социальную направленность экономической политики, при которой целые регионы, создававшие стране огромный сырьевой и производственный потенциал, в социальном плане остались неразвитыми. Эти явления, по мнению исследователей, сдерживали позитивное развитие микро- и макрогрупп, а также отдельных индивидов¹.

Переход страны к рыночной модели жизнедеятельности уже в начале 1990-х гг. наглядно показал доминирование экономических детерминант преступности среди всех остальных. В числе негативных мер проводившейся экономической политики следует указать на неконтролируемую либерализацию цен на внутреннем рынке (по сути, их монопольное повышение), неограниченную либерализацию внешнеэкономической деятельности, грабительскую приватизацию объектов государственной и муниципальной собственности, а также собственности общественных и кооперативных организаций, неподготовленный и необоснованный тотальный уход государства от регулирования экономических

¹ См.: Бабаев М.М., Шляпочников А.С. Экономические факторы в механизме преступного поведения // Советское государство и право. 1979. № 2. С. 60–67.

отношений¹. Результаты этого сказались в системном и масштабном экономическом кризисе 1998 г.² В этот период вандализма страна потеряла половину своего производственного потенциала, втрое сократился оборонный потенциал, научно-техническая деятельность составила одну десятую часть от той, которая была в бывшем СССР³.

Особенно тяжелым в этот период оказалось состояние агропромышленного комплекса. Из аналитической записки Счетной палаты РФ «Состояние агропромышленного комплекса и анализ использования средств федерального бюджета, выделенных на его поддержку» следует, что в начале 1990-х гг. в агропромышленном комплексе стали развиваться негативные процессы, приведшие к неравным экономическим отношениям между промышленными и сельскохозяйственными отраслями производства, резкому ухудшению финансового состояния сельскохозяйственных товаропроизводителей и обвальному падению производства практически всех видов сельскохозяйственной продукции. Удельный вес сельского хозяйства в ВВП сократился с 16,4% в 1990 г. до 5,6% в 2003 г., или почти в три раза. Производство зерна в 2003 г. по сравнению с 1990 г. сократилось в 1,7 раза, скота и птицы в убойном весе – в 2,1 раза, молока – в 1,7 раза, яиц – в 1,3 раза. Произведенная даже в наиболее благоприятном по погодным условиям 2002 г. сельскохозяйственная продукция не обеспечила потребность населения в продуктах питания не только на рациональном, но и на минимальном уровне (за исключением зерна и яиц), установленном федеральным законом РФ от 20 ноября 1999 г. № 201-ФЗ «О потребительской корзине в Российской Федерации».

Состояние основных производственных фондов сельских товаропроизводителей, объектов социальной сферы, перерабатывающих предприятий находилось в критическом состоянии. Износ основных фондов во многих сельскохозяйственных районах превы-

¹ См., подробнее: Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. Красноярск, 1997. С. 154–165.

² См.: Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности. Новосибирск, 2014. С. 98–99.

³ См.: Глазьев С.Ю. Как победить бедность в богатой стране. М., 2003. С. 4.

сил допустимые пределы, что привело к дальнейшему спаду производства отечественного продовольствия. Доля импорта в потреблении продуктов питания составила в 2003 г. 31,0%, что находится за гранью продовольственной безопасности страны (25,0%)¹. Экономический кризис оказал столь разрушительное воздействие на агропромышленный комплекс, поскольку рост цен на товары, им потребляемые (ГСМ, техника, удобрения и т.п.), невозможно адекватно отразить в увеличении цен на сельскохозяйственную продукцию из-за ограниченного платежеспособного спроса населения.

В конце 1990-х гг. на первый план выдвинулись другие явления экономической жизни, оказывающие мощное криминогенное воздействие на общество. Прежде всего следует отметить концентрацию капитала, которая проходила не путем экономического соревнования предпринимательских структур между собой, а путем грубого передела ранее грабительски отнятой у народа собственности². Причем методы такого передела носили более откровенный криминальный характер, чем в период приватизации, нередко напоминали локальные военные действия. В качестве примера можно привести прошедшие в Красноярском крае «алюминиевые войны», в результате которых предприятия, производящие алюминий, и связанные с ними иные предприятия перешли из-под управления местной элиты под управление московских олигархов³. Далее следует отметить поэтапное уничтожение естественных государственных монополий, составлявших основу экономической безопасности страны. Акционирована с потерей единого государственного управления большая часть ресурсодобывающих предприятий, предприятий энергетического комплекса, системы заготовки и переработки зерна, авиапредприятий, предприятий связи. В значительной степени эти процессы затронули железнодорожное хозяйство страны⁴.

¹ Российская газета. 2005. 17 июня.

² См.: Шеслер А.В. Криминологическая характеристика и профилактика профессиональной преступности. Тюмень, 2004. С. 36–37.

³ См.: Ахметова Д. Захват! Красноярск, 2001; Саськов И. Лебединая стая // Компромат. 2001. № 1.

⁴ См.: Сулакшин С.С. Измена. М., 1999. С. 86.

Реализация этих мероприятий привела к такой социальной обстановке в стране, которая характеризуется «сплавом» следующих детерминант преступности в экономической, социальной, политической и духовно-нравственных сферах:

- ухудшения экономической ситуации, повлекшего резкое и постоянно прогрессирующее снижение уровня жизни основной части населения;

- свертывания государством социальных программ, сокращения финансирования социальной сферы;

- роста и углубления масштабных социальных конфликтов в результате резкого и необоснованного расслоения населения по имущественному признаку;

- укрепления позиций теневой экономики;

- активного внедрения в социальную практику криминальных методов регулирования общественных, прежде всего хозяйственных отношений;

- значительного коррумпирования государственного аппарата;

- глубоких деформаций правового и нравственного сознания населения¹.

Потеря государством механизмов стабилизации социальных процессов привела к разрушению основы успешного предупреждения преступности за счет улучшения условий жизнедеятельности людей. Сегодня можно констатировать, что политика «экономического романтизма» способствовала трансформации удерживаемой в определенных рамках преступности, существовавшей в советском обществе, в преступность рыночного типа, гораздо менее подверженную контролю и позитивной коррекции со стороны общества.

В результате была создана социальная база для существования и роста преступности с начала 90-х гг. XX в. до середины 2000-х гг. Эта социальная база оказалась представлена миллионами россиян и мигрантов из республик бывшего СССР, которые из-за социально-экономического кризиса оказались невостребованными в позитивных сферах жизнедеятельности общества. Они были вынуж-

¹ См. подробнее: Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. Томск, 2007. С. 154–165.

денны адаптироваться к усложнившимся условиям через девиантное, в том числе преступное поведение.

Проводимая с начала 2000-х гг. экономическая политика, которая начала отвечать интересам России в целом, дала свои положительные результаты в виде повышения жизненного уровня населения и его социальной защищенности. Это привело к тому, что преступность с 2007 по 2017 г., как уже отмечалось, обнаружила тенденцию к снижению. Однако общемировой экономической кризис, начавшийся в 2008 г., обозначил доминирующее действие с середины 2000-х гг. другой детерминанты преступности: общемирового процесса глобализации, который характеризуется прежде всего как экономическое явление, состоящее в максимальной интеграции мирового рынка капитала¹.

Глобализация представляет собой перераспределение экологических ресурсов планеты через экономические, политические, идеологические и информационные механизмы в пользу стран «золотого миллиарда» (США, Англии, Канады, Японии и др.)². Остальным странам отводится роль сырьевого придатка и помойной ямы отходов мирового хозяйства. Социальной основой этих процессов являются олигархи, собственники-космополиты³, которые не ориентированы на сущностные интересы населения определенных стран.

В научной литературе, посвященной проблемам борьбы с преступностью, глобализация почему-то считается в целом положительным явлением, хотя и отмечается, что некоторые аспекты глобализации обладают криминогенностью и затрудняют борьбу с преступностью⁴. Вместе с тем указанная сущность глобализации поз-

¹ См.: Панарин А.С. Политология. М., 2004. С. 284–289; Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М., 2005. С. 208; Голик Ю.В., Карасев В.И. Коррупция как механизм социальной деградации. СПб., 2005. С. 108.

² См.: Валянский С.И. За какие идеи мы умираем. М., 2005. С. 230, 232, 237–243; Глазьев С.Ю. Выбор будущего. М., 2005. С. 15–17; Калашников М. Геноцид русского народа. Что может нас спасти? М., 2005. С. 7–8, 52–53; Попов В.Д. «Углеводородный» Третий Рим?.. Взгляд великоросса. М., 2005. С. 292–294; Русская доктрина. М., 2005. С. 8–9.

³ Термин введен в научный и публицистический оборот С.Г. Кара-Мурзой (см.: Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... М., 2005. С. 410).

⁴ См. напр.: Лунев В.В. Эпоха глобализации и преступность. М., 2007. С. 20–47.

воляет утверждать, что в целом это процесс негативный, у него есть лишь незначительные побочные положительные моменты, в частности некоторые евростандарты в обслуживании населения¹. Безусловно, глобализация сопровождается серьезными криминогенными последствиями, связанными в том числе с усилением влияния организованной преступности на общемировые процессы и ослаблением возможностей национальных государств в борьбе с ней.

Влияние глобализации на развитие негативных тенденций преступности хорошо показано в работе В.С. Овчинского «XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности». Автор проанализировал шесть основных тенденций глобализации, выделенных ООН: распространение либеральной демократии; преобладание рыночных сил в экономике; интеграцию мировой экономики; трансформацию системы производства и рынка рабочей силы; быстроту технологического обновления; революцию средств массовой информации и диктат идеологии потребительства².

По мнению В.С. Овчинского, результатом либеральной демократии стали вспышки экстремизма, насилия и актов вандализма, вооруженные столкновения, акты террора³. Отметим, что реальное воплощение ценностей либеральной демократии (прав человека, гражданского общества, правового государства) «разморозило» социальные противоречия, лежащие в основе преступности (экономические, национальные, политические и др.). Это повлекло, в свою очередь, создание политических, религиозных, экстремистских и других структур негосударственного контроля и насилия, тесно связанных с организованной преступностью. Особо следует сказать о правах человека, воплощение которых в реальности

¹ Несколько иначе оценивает глобализацию русская православная церковь, считая этот процесс противоречивым, а именно: с одной стороны, не считает глобализацию приходом антихриста, с другой стороны, обращает внимание на опасности, связанные с глобализацией (см.: Сибирская православная газета. 2008. № 8 (127). С. 5).

² См.: Тревоги Мира. Социальные последствия глобализации мировых процессов : Доклад ЮНРИСД / НИИ социального развития при ООН. М., 1997.

³ См.: Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. М., 2001. С. 8–9.

показало, что это права агрессивного маргинального меньшинства (гомосексуалистов, наркоманов, алкоголиков, феминисток, сторонников эвтаназии и т.п.) на утверждение своего образа жизни как социальной нормы. Эта маргинальная часть населения составила социальную базу одновременно преступности и потребления социально-порочных услуг, оказываемых преступностью¹.

Преобладание рыночных сил в экономике, как отмечает В.С. Овчинский, привело к резкому и значительному расслоению населения по имущественному признаку². Иными словами, рыночная модель жизнедеятельности создала сильную социальную напряженность в обществе, поляризовала население по уровню доходов, а затем и по отношению к социальной политике государства. Представители олигархического капитала, транснациональные компании заинтересованы в экономической политике, свободной от социальных обязательств (медицинского обслуживания населения, оплаты полноценных отпусков, поддержании социально незащищенных слоев населения и т.д.), остальная часть населения – в экономической политике, дающей, помимо средств для воспроизводства к труду, определенные социальные гарантии³. Стремление к сверхприбыли и нежелание нести груз социальных обязательств за последствия своей деятельности создают мировоззренческую основу для сотрудничества преступности и транснационального капитала⁴. Не случайно ко второй половине 1900-х гг. в России появилась реальная угроза возникновения криминального государства, в котором организованная преступность становилась реальным механизмом социальной организации жизни общества⁵.

¹ См.: Шеслер А.В. Влияние западной цивилизации на развитие организованной преступности в России. Проблемы предупреждения и борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Новосибирск, 2012. С. 28.

² См.: Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. М., 2001. С. 13.

³ См.: Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М., 2009. С. 187, 194–198.

⁴ См.: Шеслер А.В. Криминологические аспекты организованной преступности. Тюмень, 2009. С. 57–59.

⁵ См.: Гейро Ж.-Ф., Тюаль Ф. Геостратегия преступности. Киев, 2014; Водько Н.П. Рецензия на книгу Гейро Ж.-Ф., Тюаль Ф. Геостратегия преступности // Оперативник (сыщик). 2015. № 4 (45).

Интеграция мировой экономики повлекла прозрачность государственных границ, «бегство» капиталов, «утечку умов», «перетекание» квалифицированной рабочей силы за границу, масштабный уход от налогов через оффшорные зоны, более благоприятные условия для легализации криминального капитала, гипертрофированный рост виртуальной экономики, в которой финансовые потоки оказались оторванными от реальной экономики¹.

Преступность сумела поставить под свой контроль эти процессы. Прозрачность границ при сохранении препятствий для деятельности полиции и спецслужб одного государства на территории государства облегчила перемещение участников преступных сообществ; усиление миграции населения привело к перераспределению квалифицированных специалистов в криминальные структуры, в частности к образованию во многих государствах многочисленных преступных формирований на национальной или этнической основе, обладающих большой сплоченностью и закрытостью от контроля со стороны правоохранительных органов.

Разработка и реализация различных схем уклонения от уплаты налогов и легализации криминального капитала стали особым видом профессиональной преступной деятельности, на основе которого формировались и развивались преступные сообщества. Оторванность финансовых потоков от реального рынка товаров и услуг, а также рынка труда дала возможность извлекать сверхприбыли, которые составляют основной мотив деятельности организованной преступности там, где нет производства. Сложившаяся ситуация влекла за собой «экономическую пустыню» в тех странах, которые несли на себе производственные и экологические издержки современной глобальной экономики (Россия, безусловно, до сих пор входит в их число), так как перемещение производства и рынка труда не поспевало за перемещением финансовых потоков².

¹ См.: Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. М., 2001. С. 17–20.

² См.: Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М., 2005. С. 207–208; Стариков Н.В. Геополитика. СПб., 2014.

Оторванность транснациональных компаний от национальной почвы приводила к их незаинтересованности в тратах на социальную политику. Это, как уже отмечалось, создает мировоззренческую основу для сотрудничества организованной преступности и транснационального капитала. Безусловно, неблагоприятные экономические последствия усложняют социальную ситуацию, создавая непростые условия жизни населения и общий фон для роста преступности.

Любопытным является тот факт, что экономическим разрушениям подвергся и центр экономического «вампиризма» – США. В результате разразившегося финансового кризиса и деиндустриализации виртуальная экономика и в этой стране привела к существенному падению жизненного уровня населения¹. Очевидно, интересы американских транснациональных компаний и правительства США совпадали до тех пор, пока была высокой норма прибыли при экономическом ограблении других государств. С падением нормы прибыли этим компаниям не стало нужным население и собственных государств. Пророческим оказалось высказывание авторов коллективной монографии «Русская доктрина»: «Крах англосаксонского либерального глобального проекта, который проводит в жизнь мировая финансовая олигархия, неминуем и очень близок»². Справедливости ради отметим, что здравомыслящие мыслители США давали аналогичные негативные прогнозы развития своей страны, идущей по пути глобализации³.

Трансформация систем производства и рынка рабочей силы приводит к тому, что сужается контроль со стороны государства за деятельностью транснациональных компаний в социальной сфере (нормирование труда, сбор налогов, финансирование социальных программ и т.д.)⁴.

¹ См.: Шестаков Е. Нашли «стрелочника». Ответственным за финансовый кризис конгресс назвал родственника президента США // Российская газета. 2008. 9 октября. С. 12; Сайкин Ю. «Мандраж» по-американски // Российская газета. 2008. 9 октября. С. 13.

² Русская доктрина. М., 2005. С. 9.

³ См., напр.: Бьюкенен П. Дж. Правые и не-правые. М., 2006. С. 221–238.

⁴ См.: Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. М., 2001. С. 20–21; Стариков Н. Власть. СПб., 2016. С. 314–317.

Быстрота технологического обновления, как отмечает В.С. Овчинский, позволяет использовать компьютерную технику в преступных целях¹. Преступности это помогает модернизировать механизмы совершения экономических преступлений и в виртуальной реальности меньше подвергаться контролю и воздействию со стороны правоохранительных органов.

Характеризуя революцию средств массовой информации, В.С. Овчинский обращает внимание на следующие деструктивные аспекты их влияние на общество, определенным образом детерминирующие преступность: диктат идеологии потребительства, осуществляемый нередко через криминогенное воздействие; рекламирование как естественности таких форм социально отклоняющегося поведения, которые считались неприемлемыми с позиций традиционной нравственности; способствование легализации преступности через описание нетрадиционных разновидностей преступной деятельности, которые являются высокодоходными и якобы ненаказуемыми с позиций уголовного закона².

Отметим, что диктат идеологии потребительства сам по себе создает духовную предпосылку для организованной преступности, поскольку деформирует систему ценностей в структуре личности, выдвигая на первый план потребности материального характера и установку на возможность их удовлетворения преступным способом. Культивирование маргинального поведения (наркомании, азартных игр, сексуального распутства и т.д.), как уже отмечалось, увеличивает круг людей, пользующихся услугами порочного свойства, на которых экономически паразитирует преступность, прежде всего организованная и профессиональная.

Вклад СМИ в легализацию криминальной деятельности осуществляется через криминализацию творческой деятельности, размывающей в сознании населения устойчивые стереотипы правомерного поведения и создающей социальный образ преуспевающей личности, принадлежащей к криминальной среде.

¹ См.: Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. М., 2001. С. 22–23.

² Там же. С. 23–24.

Идеологически благоприятным фоном для глобализации преступности является либерализм, который в конце 1980-х гг. стал популярен среди номенклатурной элиты бывшего СССР, а с начала 1990-х гг. стал официальной государственной идеологией. Воплощение в социальную практику идей либерализма привело к трагическому распаду СССР, утрате Россией статуса мировой державы, превращению ее в сырьевой придаток транснациональных компаний.

Главная система ценностей современного либерализма – это теории демократии, гражданского общества, прав человека¹. Демократия в ее реальном воплощении – это система, в которой на место общества как самостоятельной целостной ценности, имеющей коллективный интерес, находящийся выше интересов отдельных лиц, ставится совокупность индивидов, обладающих интересом, отличным от коллективного. Причем предполагается, что частный интерес выше общественного. Вместо иерархии интересов «интересы общества → интересы общественных групп → частные интересы» выстраивается иерархия интересов в обратном порядке².

Помимо этого, демократия в либеральном понимании означает технологический процесс в политике, прежде всего в избирательной системе, при котором результаты выборов не должны отражать интересы большинства населения. Такое возможно, если избирательными технологиями сделать из народа электорат, состоящий из индивидов, голосующих не в соответствии с интересами своих социальных групп и нации в целом, а исходя из личных сиюминутных интересов, личной симпатии³. В правовой сфере создаются необходимые условия для усложнения процедуры выборов, увеличения числа политических партий, участвующих в них, раздробления социальных групп на электорат и манипулирования их голосами⁴. Это создает благоприятные предпосылки для вхождения криминалитета во власть.

¹ См.: Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2006. С. 214.

² Там же. С. 215.

³ Там же. С. 215–219.

⁴ См.: Шеслер А. В. Идеологическая основа Уголовного кодекса России // Уголовное право на рубеже тысячелетий. Тюмень, 2006. С. 5–6; Проект «Россия». М., 2007. С. 125–129.

Гражданское общество – это общество, в котором социальные связи, основанные на глубинном исторически традиционном коллективном интересе народа, предполагающем иррационально-жертвенное начало индивида во имя народа, заменяются на социальные связи, основанные на конвенции интересов индивидов и отдельных групп, в основе которых лежит конъюнктурное, часто сиоминаутное эгоистическое начало¹. Религиозной основой такого общества является протестантизм, представляющий собой еретическое направление в христианстве. Протестантизм проповедует веру в спасительную силу денег, превращает их в смысл человеческой деятельности. В этом состоит сам дух общества, основанного на рыночной экономике².

Права человека в реальности, как уже отмечалось, – это права агрессивного маргинального меньшинства на утверждение своего образа жизни как социальной нормы. «Слабость института прав человека, – отмечается в определении Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви «Об основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», – в том, что он, защищая свободу выбора, все менее и менее учитывает нравственное измерение жизни и свободу от греха». Далее в этом документе отмечается: «Права человека не могут быть выше ценностей духовного мира»³. Лишение советского человека реальных социально-экономических прав (на труд, образование и т.д., в целом на достойную жизнь) произошло в обмен на чувственность, право иметь собственную индивидуалистическую мораль взамен традиционной⁴.

В частности, нельзя считать положительной либерализацию общественной морали по отношению к гомосексуализму, так как в основе крайне отрицательного отношения общества к этому явлению первоначально лежало не табу (запрет как самоцель, нарушение которого влечет кару сверх естественных сил), а стремление к такому укладу отношений между полами, которое будет способ-

¹ См.: Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2006. С. 218, 224, 227.

² См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990. С. 70–73.

³ См.: Сибирская православная газета. 2008. № 8 (127). С. 3.

⁴ См.: Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2006. С. 236–238.

ствовать нормальному биологическому и социальному воспроизводству человека. Гомосексуализм – это смертный грех, поскольку общество, поверженное этому греху, не имеет будущего, обречено на вымирание¹. В Ветхом Завете прямо сказано: «Не ложись с мужчиною, как с женщиною: это мерзость» (Левит, 18: 21), – далее уточняется: «Если кто ляжет с мужчиною, как с женщиною, то оба они сделали мерзость: да будут преданы смерти, кровь их на них» (Левит, 20: 13). Еще раз подчеркнем, что маргиналы составляют одновременно социальную базу преступности и потребления социально-порочных услуг, оказываемых преступностью.

В воспитательном аспекте продуктом либерализма является внушаемая личность, готовая к подчинению. Американский философ Э. Фромм, критикуя либеральные системы воспитания, отмечает: «Явный авторитет был заменен анонимным, явное приказание – “научно” обоснованными формулами; вместо “не делай этого” теперь говорят “тебе не понравится делать это”. Фактически анонимный авторитет во многих отношениях может быть даже более подавляющим, чем авторитет явный»². Таким образом, либерализм, заменив систему традиционных запретов скрытым, но всеподавляющим насилием, создал благоприятные психологические предпосылки для подчинения насилию, оказываемому на общество со стороны преступности.

Более негативную оценку либерализма в целом дал лидер американских консерваторов П.Дж. Бьюкенен, сравнив либерализм с вирусом ВИЧ, разрушающим иммунную систему организма и оставляющим человека беззащитным перед инфекциями, самая пустяковая из которых способна его убить³.

В заключение отметим, что наши выводы носят предварительный характер, нуждаются в более развернутой аргументации. В целом предстоящая жесткая полемика со сторонниками либерализма во всех общественных науках не только будет носить характер сугубо научного спора, но и, несомненно, перейдет в плос-

¹ См.: Майоров Д.Н. Смертный грех гомосексуализма // Сибирская православная газета. 2006. Январь–февраль.

² См.: Фромм Э. Человек для себя. Революция надежды. Иметь или быть. М., 2007. С. 137.

³ См.: Бьюкенен П.Дж. На краю гибели. – М., 2008. – С. 114.

кость идеологической борьбы за будущий выбор России. От исхода этого спора во многом будет зависеть успех противодействия общества организованной преступности.

Итак, детерминация преступности на общесоциальном уровне – это результат двух взаимосвязанных явлений: процессов, происходящих внутри самого общества, и внешнего криминогенного влияния общемировых негативных процессов.

5.4. Социально-психологические детерминанты преступности

Социальная среда входит в содержание социально-психологических детерминант преступности и предполагает криминогенное воздействие на личность со стороны малых социальных групп. Под влиянием неблагоприятного ближайшего окружения личность подвергается очень серьезным изменениям, которые чаще всего проявляются в деформациях мотивационной сферы, что предопределяет высокую степень вероятности совершения такой личностью преступления.

Человек может являться одновременно членом различных малых групп (семья, учебный или производственный коллектив, группа по интересам в сфере досуга и т.п.) и выполнять в них различные социальные роли. Каждая из этих малых групп оказывает на него определенное воздействие.

Среди наиболее распространенных малых групп, в которых происходит неблагоприятное нравственное формирование личности, важнейшей является *семья*. Огромное влияние семьи на формирование личности обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, процесс первичной социализации большинства людей начинается в семье. Во-вторых, жизнедеятельность личности в семье занимает продолжительный период. В-третьих, институт семьи выполняет в обществе важнейшие функции, связанные с воспроизводством человеческого рода, участием человека в общественном производстве, осуществлением бытовой деятельности и воспитанием детей¹.

¹ См.: Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1979. С. 74–75; Игошев К.Е., Миньковский Г.М. Семья. Дети. Школа. М., 1989. С. 19–28; Кон И.С. Психология ранней юности. М., 1989; Семья как чудо. М., 2012. С. 89–122.

Влияние семьи на личность может носить как позитивный, так и негативный характер. Негативное влияние семьи на личность, процесс формирования негативной социализации в семье исследователи называют семейной десоциализацией¹. Такое явление может быть непосредственно или опосредованно связано с формированием личности преступника. Непосредственное влияние семейной десоциализации на формирование личности преступника проявляется в нескольких формах.

Во-первых, в семье у ребенка могут целенаправленно формироваться антиобщественные свойства, являющиеся субъективной причиной преступного поведения. Такая модель формирования личности преступника является крайне редкой, поскольку непосредственно связана с воспроизводством криминальной средой своей социальной базы. Типичным примером в этом плане являются цыганские общины, которые через семью воспроизводят свой примитивный родоплеменной уклад жизни, занимаясь незаконным сбытом наркотических средств как основным видом деятельности².

Во-вторых, непосредственное отрицательное влияние семьи может происходить в форме предоставления ребенку негативных стандартов поведения как образа жизни (алкоголизм, наркомания, проституция, преступная деятельность и т.д.). Эта модель семейной десоциализации является более распространенной, чем первая. Она связана с деградацией некоторой части населения, вынужденной адаптироваться к сложным и постоянно изменяющимся социально-экономическим условиям через девиантный или преступный образ жизни либо болезненно реагирующей на эти условия.

В-третьих, такое влияние может иметь форму бесконтрольности со стороны семьи за формированием личности ребенка, которая сопровождается невмешательством в процессе отклонения от нормальной социализации личности и отсутствием позитивных препятствий на пути негативного влияния на развивающуюся личность других малых групп (прежде всего неформального окруже-

¹ См.: Шестаков Д.А. Семейная криминология. СПб., 1996. С. 85–90.

² См. подробнее: Шеслер А.В., Смолина Т.А. Женская преступность, связанная с незаконным оборотом наркотических средств (по материалам Тюменской области). Тюмень, 2007. С. 78–79.

ния сверстников) и отдельных личностей. Такая модель семейной десоциализации стала распространяться в 1990-е гг. в связи с широкомасштабной социальной апатией большей части российского населения, ощущающей безысходность, равнодушие к своему будущему и будущему своей семьи.

Наконец, непосредственное отрицательное влияние семьи может быть в форме создания внутрисемейных конфликтов, ускоряющих формирование или облегчающих проявление криминогенной мотивации личности при совершении конкретных преступлений. Современная семья – та социальная сфера, где наиболее очевидно через межличностные отношения проявляются уродливые деформации образа жизни большей части социальных групп, их агрессия и не всегда ясно осознанный социальный протест против экстремальных условий жизнедеятельности.

Однако преступления совершаются и теми лицами, семьи которых являются вполне благополучными с точки зрения отсутствия в них указанных негативных форм влияния на формирование личности. В этом случае имеет место опосредованная связь семейной десоциализации с формированием личности преступника, выражающаяся в психологическом отчуждении ребенка от семьи, прежде всего от родителей. Психологическое отчуждение представляет собой уход личности от глубокого общения с другими людьми в сферах ее позитивной социализации. В силу большой занятости родителей, их педагогической беспомощности, нежелания или неумения воспитывать детей ребенок оказывается не втянутым в совместную деятельность с другими членами семьи, на основе которой и возникают положительные эмоциональные связи, способствующие полноценному общению, психологическому комфорту и самоопределению индивида.

Криминогенные последствия психологического отчуждения личности от семьи многообразны. В одних случаях оно влечет состояние тревожности личности за свой биологический или социальный статус¹. Если личность ощущает угрозу смерти, вреда здоровью, она субъективно защищает свою жизнь и находит эмоциональный комфорт в совершении насильственных преступлений.

¹ См.: Антонян Ю.М. Психология преступления и наказания. М., 2000. С. 23.

Если личность ощущает угрозу своему социальному статусу, она совершает корыстные и корыстно-насильственные преступления¹. В других случаях психологически отчужденная личность, стремясь обрести эмоциональный комфорт вне семьи, уходит от внутрисемейного общения, включается в преступные или антиобщественные группы (прежде всего сверстников), пребывание в которых формирует у нее негативные нравственно-психологические свойства, лежащие в основе преступного поведения, в том числе и группового. Данное обстоятельство обусловлено наличием в группе негативных стандартов поведения, которым вынуждена следовать личность, дорожа членством в группе, или влиянием группы на личность непосредственно в ситуации совершения преступления².

Семейная десоциализация обусловлена в основном отмиранием института традиционной семьи³. Современная семья весьма существенно отличается от семьи прошлых времен не только иной экономической функцией, но и коренным изменением своих эмоционально-психологических функций. В литературе отмечается, что до конца 1950-х гг. в нашей стране воспитание детей в семье осуществлялось самим укладом семейной жизни⁴. Этому способствовали следующие обстоятельства. Во-первых, женщины не были вовлечены в общественное производство и занимались воспитанием детей, ведением домашнего хозяйства, что объективно обеспе-

¹ См.: Антонян Ю.М. Криминогенная роль психологического отчуждения личности // Советское государство и право. 1988. № 8. С. 53–57; Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.С. Психология преступника и расследование преступлений. М., 1996. С. 4.

² См.: Антонян Ю.М. Психологическое отчуждение личности и преступное поведение. Ереван, 1987. С. 41–52; Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 164.

³ См.: Карлин А.С., Бернацкий Г.Г. Философия. СПб., 2001. С. 231–232; Черняк М.И. Кризис современной семьи и пути преодоления данной проблемы // Православная молодежь и современность. Тюмень, 2002. С. 63; Анисина С.С. Социокультурные архетипы семьи и брака : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2002. С. 169; Сорокин О.Ю. Кризис семейных отношений и его влияние на депопуляцию российского населения на современном этапе // Правовые, экономические, социокультурные проблемы: общероссийские закономерности и региональная специфика. Тюмень, 2004. С. 169.

⁴ См.: Игошев К.Е., Миньковский Г.М. Семья. Дети. Школа. М., 1989. С. 30–32.

чивало лучший уход и контроль за детьми, бóльшую продолжительность их общения с матерью. Во-вторых, в значительном числе случаев единственным источником семейного дохода был заработок отца, что порождало относительную экономическую зависимость других членов семьи, во многом способствовало упрочнению семейных связей, так как браки не расторгались без достаточно серьезных оснований. В-третьих, труд отца-кормильца семьи часто был элементом семейного быта, поскольку производственная деятельность осуществлялась дома (например, труд плотника или сапожника).

Такой уклад семейных отношений позволял обеспечить главную задачу семейного воспитания – приобщить детей к общественно-полезному труду через их вовлечение в совместную с родителями деятельность по обеспечению потребностей семьи, т.е. дети с ранних лет становились соучастниками повседневных семейных забот. Совместная деятельность родителей и детей служила основанием для установления между ними положительных эмоциональных контактов, препятствовала отчуждению детей от семьи. Следует также отметить, что воспитанию детей семейным укладом жизни способствовали многодетность семей (в силу чего дети с ранних лет воспитывались в детском коллективе, приобретая необходимые навыки межличностного общения), совместное или близкое проживание родственников нескольких поколений, наличие соседской «общины», оказывавшей необходимую помощь родителям в контроле за поведением детей¹.

Отсутствие в современной семье факторов, обеспечивавших в прошлом воспитание детей семейным укладом жизни, приводит к заметному снижению защитной, антикриминогенной функции семьи. Участие обоих родителей в общественном производстве, которое часто сопряжено с длительным отсутствием родителей в связи с командировками, сезонными работами и т.д., уменьшает продолжительность общения детей и родителей, затрудняет создание многодетных семей, ослабляет родительский контроль за поведением детей, в значительной степени ориентирует родителей и детей на проблемы производственной и учебной деятельности,

¹ См.: Игошев К.Е., Миньковский Г.М. Семья. Дети. Школа. М., 1989. С. 30–32.

протекающей вне рамок семьи¹. Эти обстоятельства в совокупности снижают значимость семьи для детей, не позволяют обеспечить совместную деятельность, направленную на удовлетворение экономических потребностей семьи, а следовательно, затрудняют обеспечение полноценного общения членов семьи и установление между ними положительных эмоциональных связей.

В большей степени разрушение традиционной системы семейного воспитания характерно для городских семей, проживающих в крупных или молодых индустриально развитых городах. В сельской местности некоторое время еще сохранялись элементы традиционной системы семейного воспитания². Данное обстоятельство сказывалось и на особенностях преступности несовершеннолетних, которая в основном была характерна для городов³. Однако в последние десятилетия перестройка внутрисемейных отношений затронула и сельские семьи. В связи с чем преступность несовершеннолетних перестала носить преимущественно городской характер⁴.

Еще меньшим антикриминогенным потенциалом обладают семьи мигрантов, переехавших из сельской местности в город. В городах в значительном числе случаев мигранты длительное время находятся в еще более худших материальных и социальных условиях, чем до переезда из села⁵. Тяжелое положение мигрантов усу-

¹ См.: Шестаков Д.А. Введение в криминологию семейных отношений. Л., 1980. С. 43; Долгова А.И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М., 2011. С. 52–58; Ермаков В.Д. Все начинается с родительской семьи, ее проблем и болезней // Трудные судьбы подростков – кто виноват. М., 1991. С. 217–231.

² См.: Алексанян Г.Б. Преступность молодежи в сельской местности и ее предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. С. 9.

³ См.: Чернышев А.И. Особенности преступности несовершеннолетних и способствующих ей обстоятельств в бурно развивающихся районах Западной Сибири // Предупреждение рецидивной преступности. Томск, 1978. С. 143–154; Долгова А.И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М., 2011. С. 139–143.

⁴ См.: Сапронова Н.А. Преступность несовершеннолетних в сельской местности и ее предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2011. С. 7–8.

⁵ См.: Сомин В.Н. Изучение и предупреждение преступности в городах: проблемы теории и практики. Иркутск, 1989. С. 75–79; Шайхисламов Р.С. Миграционные процессы и их взаимосвязь с социально-экономическим развитием // Социологические аспекты политико-воспитательной работы в условиях перестройки. Казань, 1989. С. 108–109; Нафиков И.С. Теневая экономика и организованная преступность в условиях крупного города. Казань, 2012. С. 105–107.

губляется отсутствием в городе «общинного» уклада жизни, к которому они привыкли на селе.

Ломка традиционной системы семейных отношений в течение нескольких десятилетий привела к тому, что семья все больше заменялась сначала семейными отношениями, отклоняющимися от нормы (семья с одним ребенком, неполная семья), а затем суррогатными отношениями между людьми (фактическое сожительство или гостевой брак, гомосексуальное сожительство).

В семье с одним ребенком у формирующейся личности изначально отсутствуют первоначальные навыки социализации в среде сверстников, которые очень необходимы уже в период посещения детских дошкольных учреждений. Неполная семья объективно обладает меньшими возможностями полноценного воспитания детей: такая семья, как правило, испытывает большие материальные трудности, родители вынуждены прибегать к дополнительным заработкам, что увеличивает дефицит их общения с детьми, затрудняет контроль за поведением детей, дети в таких семьях хуже усваивают социальные роли взрослых противоположного пола и т.д.¹ Не случайно среди несовершеннолетних правонарушителей удельный вес лиц, воспитывавшихся в неполных семьях, значительно превышает удельный вес этой же категории подростков из числа законопослушных сверстников².

При наличии фактического сожительства или при гостевом браке все члены такого союза, включая детей, отчуждены друг от друга, так как не связаны между собой ни юридическими, ни моральными обязательствами, не могут в полной мере рассчитывать на взаимную материальную и душевную поддержку, внутренне готовы к разрыву отношений³. Проще говоря, у каждого из участников такого союза своя жизнь, в которой другие участники этого

¹ См.: Целуйко В.М. Психология неблагополучной семьи. М., 2004. С. 115–129, 166–171.

² См.: Прокументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и основные направления ее предупреждения. Томск, 2001. С. 111–113; Шипицына Л.М. Психология детского воровства. СПб., 2007. С. 90; Прокументов Л.М., Ольховик Н.В. Рецидивная преступность несовершеннолетних осужденных и ее предупреждение. Томск, 2011. С. 90.

³ См.: Шеслер А.В., Смолина Т.А. Криминологическая характеристика и профилактика женской преступности. Тюмень, 2008. С. 48–49.

союза не занимают долгосрочного и большого места. Гомосексуальное сожительство вообще к семье не имеет никакого отношения, поскольку в принципе не направлено на биологическое и социальное воспроизводство человека. Принятие в такие «семьи» детей на воспитание – это глумление над человеческой сущностью и путь к вымиранию человеческого рода, так как воспитанные в таких сообществах дети повторяют бесплодную и греховную судьбу своих воспитателей («родителя № 1» и «родителя № 2»).

Итак, исчезновение традиционной семьи приводит к семейной десоциализации личности в различных формах, в том числе служит объективной предпосылкой отчуждения личности от семьи.

Снижение воспитательного потенциала семьи должно хотя бы частично компенсироваться другими сферами социализации личности в обществе, которые могли бы помочь ей преодолеть отчуждение от общества и предупредить совершение ею преступлений. Однако эти сферы не справляются с данной задачей в полной мере.

Прежде всего с воспитательными задачами сегодня не справляется *школа*, хотя она занимает важное место в социализации личности, так как дети проводят в ней значительную часть своей жизни и она продолжает процесс социализации ребенка, начатый в семье. Все имеющиеся недостатки общеобразовательной школы можно условно разделить на три группы: недостатки организационного характера; недостатки, связанные с неправильным педагогическим подходом к учащимся, склонным нарушать установленные правила и нормы поведения; недостатки, обусловленные невысоким профессиональным уровнем некоторых педагогов, их психологической неподготовленностью к работе с детьми.

К числу обстоятельств организационного характера, препятствующих успешному воспитанию и обучению детей в школе, следует отнести несовершенство учебных программ, слабую материальную базу школ, большую наполняемость классов, нехватку педагогических кадров, отсутствие в школьных классах коллективов учащихся и др.¹

¹ См.: Прокументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и основные направления ее предупреждения. Томск, 2001. С. 176–181; Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. Томск, 2007. С. 150–154.

Большой объем учебной программы ведет к перегрузкам школьников, ориентации на запоминание даваемой педагогами информации, а не на ее творческую и самостоятельную переработку. С учебной программой справляется незначительная часть учащихся, остальные теряют интерес к учебе, подходят к выполнению учебных заданий формально, их интерес переключается на другие виды деятельности, связанные с проведением досуга.

Высокая наполняемость классов и нехватка педагогических кадров не позволяют педагогам работать с каждым учеником индивидуально. Педагоги ориентируются в своей деятельности на лучших учеников, которые выполняют предъявляемые к ним требования и с которыми интересно работать, и на худших, с низким уровнем дисциплины и знаний. Последняя группа ребят вызывает у педагогов неприязненное отношение, выражающееся в грубых, пренебрежительных формах, так как на худших учеников нужно тратить больше времени и внимания, добиваясь от них усвоения учебного материала. Практически полностью из поля зрения учителей выпадает большая часть школьников со средней успеваемостью, что, безусловно, не способствует установлению положительных эмоциональных контактов между этой категорией учащихся и педагогами. Переполненность учебных классов, недостаток учебных аудиторий вынуждают администрацию школ организовать обучение детей в две-три смены, что не лучшим образом сказывается на усвоении детьми учебного материала, состоянии их здоровья, а также сокращает продолжительность общения родителей с детьми, занимающимися в вечернее время.

Отчуждению подростков от школы способствует также отсутствие во многих школьных классах ученических коллективов, являющихся важнейшим фактором социализации личности. Данное обстоятельство обусловлено не сложившимися между учениками в классе положительными эмоциональными связями, которые являются результатом такой человеческой деятельности, как общение. Если общение в классе не сложилось, если в нем нет свободного взаимодействия учеников, то коллектив в таком классе не возникнет, несмотря на высокую степень опосредования межличностных отношений школьников учебной деятельностью.

Отсутствие в школах ученических коллективов во многом обусловлено имущественной дифференциацией родителей. Уже со школьной скамьи у детей во многом под влиянием родителей идет формирование выборочного отношения к своим одноклассникам, причем в основе такого отношения редко лежат личностные качества детей. Как правило, дружеские отношения возникают между детьми и подростками, родители которых близки по своему социальному статусу и материальному положению. Такому общению во многом способствует то обстоятельство, что значительная часть образовательных услуг в школе является платной, поэтому доступной не всем.

Отсутствие полноценного общения со сверстниками в классе отчуждает некоторых подростков от школы. При этом отчуждение учащихся от сверстников происходит нередко через личность учителя, его отношение к детям, которое зачастую дифференцируется исходя из социального статуса родителей.

Различная оценка учебной деятельности учащихся сильно сказывается на дифференциации школьного класса, так как социальная роль школьника является очень важной для ребенка, оценку успеваемости в школе он воспринимает как оценку своей личности в целом¹. Дети в классе соотносят свою оценку других учащихся с оценкой учителя, ориентируются на эту оценку. Поэтому наиболее интенсивные межличностные отношения складываются между учениками с одинаковым уровнем успеваемости, которая во многом зависит от материальных возможностей родителей оплачивать дополнительные образовательные услуги или услуги репетиторов.

Представители различных микрогрупп отчуждены от глубокого общения между собой. Некоторые ученики, прежде всего из малоимущих семей и семей с низким социальным статусом, вообще оказываются в школьном классе в условиях психологической изоляции. При таком характере межличностных отношений учащихся школа для значительной части детей и подростков является малопривлекательной.

Наиболее остро процесс отчуждения подростков от школы происходит в результате разрушительного действия конфликтов, воз-

¹ См.: Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. М., 1980. Т. 2. С. 249–251.

никающих между подростками и учителями или одноклассниками. Однако, несмотря на реальное существование конфликтных отношений в классах, многие педагоги практически не занимаются анализом конфликтов, не говоря уже о деятельности, направленной на управление их ходом с целью позитивного использования, например, в качестве педагогического приема. Это демонстрирует их педагогическое бессилие в постоянно возникающих в классах конфликтных ситуациях, которые педагоги либо игнорируют вообще, либо ограничиваются внешним поверхностным изучением, стремятся подавить конфликт авторитарными методами (вызов родителей к директору или классному руководителю, приглашение в школу работников полиции для «внушительных» бесед с подростками и т.д.).

Неудавшаяся учебная деятельность может спровоцировать или усилить отчуждение подростка от родительской семьи, так как семья в ряде случаев не предоставляет ему необходимых условий для учебы (в связи с аморальным поведением родителей, отсутствием необходимых материальных или жилищных условий и т.д.), или сама низкая успеваемость подростка в школе может послужить причиной негативного отношения к нему со стороны родителей, принимающего нередко грубые формы (оскорбление, физические наказания и т.д.).

Администрация школы зачастую пытается разрешить конфликт наиболее легким для себя способом: путем удаления подростка из школьного коллектива. Такой подход не является конструктивным. Если подросток остается на второй год или переводится в другую школу, его отношения с учителями и одноклассниками осложняются в связи с попаданием в незнакомый коллектив. Особенно порочной является сохранившаяся до сих пор практика «отсева» трудных подростков из школы. Раньше такие подростки продолжали обучение в ПТУ, шли на производство, сейчас они, как правило, нигде не учатся и не работают¹.

¹ См.: Прозументов Л.М. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних (региональный аспект). Томск, 2004. С. 57–58; Михайлова С.Н. Роль городских общеобразовательных школ в раннем предупреждении преступности несовершеннолетних. Томск, 2010. С. 112.

Во многом сходные процессы в сфере организации воспитательной работы с учащимися можно наблюдать сегодня и в *системе профессионально-технического образования* (учебных центрах, колледжах, техникумах и т.д.). В то же время в этой системе имеются свои особенности и недостатки процесса социализации несовершеннолетних. Так, учащиеся в этой системе уже не школьники, но еще и не рабочие, что во многом определяет специфику их сознания и поведения по сравнению, например, со сверстниками, продолжающими обучение в общеобразовательных школах, или работающими подростками. В отличие от подростков, продолжающих обучение в школе, у несовершеннолетних, получающих профессионально-техническое образование, существенно меняются круг и характер социальных связей, структура и содержание учебной деятельности, некоторые из них осваивают определенную специальность потому, что не сложились нормальные отношения в школе. Сосредоточение в одном учебном заведении большого числа подростков, относившихся в школе к категориям «трудных» или педагогически запущенных, многие из которых были просто «выставлены» за порог школы, создает дополнительные трудности при организации процесса воспитания в системе профессионально-технического образования. При этом администрация учебных заведений этой системы указанные трудности часто не учитывает. Поэтому не случайно студенты техникумов и профессиональных училищ занимают лидирующее положение среди других социальных слоев подростков, совершающих различные правонарушения¹.

С переходом общества с начала 1990-х гг. к рынку и с изменением его политического устройства действие криминогенных факторов в системе образования не было устранено, а, наоборот, усилилось. Это обусловлено следующими обстоятельствами:

– делением учебных заведений на престижные и непрестижные, что ведет к чрезмерной концентрации трудных подростков в непрестижных учебных заведениях, а также к уходу квалифицированных педагогов в элитарные школы, гимназии и колледжи;

¹ См.: Прокументов Л.М. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних (региональный аспект). Томск, 2004. С. 57–58.

– недостаточным финансированием образования, что порождает отток педагогических кадров в другие сферы деятельности, приводит к утрате образованием бесплатного характера (значительную часть образовательных услуг, как уже отмечалось, оплачивают родители обучающихся), сокращению числа учебных заведений, особенно в сельской местности и поселках городского типа;

– не всегда обоснованным вытеснением традиционных методов обучения детей и подростков, основанных на их непосредственном общении с педагогами, инновационными методами преподавания (тестовыми, дистанционными и т.д.), которые предполагают опосредованное общение между ними, способствующее отчуждению обучаемых от учебного заведения и ослаблению педагогического контроля за ними;

– занятием значительного объема рабочего времени педагогов деятельностью, непосредственно не связанной с учебно-воспитательным процессом (административной отчетностью, подготовкой к различным внешним проверкам учебного заведения, составлением различных методических материалов, реально не востребованных учебно-воспитательным процессом и т.д.);

– переориентацией школ с выполнения такой социальной миссии, как воспитание подрастающего поколения, на оказание населению образовательных услуг, которые в большей мере ориентированы на формирование способностей личности, востребованных на рынке труда, и в меньшей степени – на раскрытие и развитие ее творческих, созидательных способностей.

Не способствует преодолению отчуждения подростков от общества и *производственная деятельность*. Большие сложности у подростков, оставивших учебу в школе, возникают уже при официальном устройстве на работу. Работодателям такие работники не нужны в силу отсутствия у них необходимой квалификации, практических навыков и умений, а также необходимости создать им условия, которые определяет трудовое законодательство для несовершеннолетних. Та сфера, где подросткам предоставляется работа без официального трудоустройства, в значительной мере маргинализована, относится к теневому или даже криминальному сектору экономики. Кроме того, трудовая занятость подростков в этой сфере чаще всего не является постоянной, например носит се-

зонный характер, подросткам предоставляется тяжелая и низко квалифицированная работа (уборка мусора, переноска тяжестей и т.д.). Очевидно, такая работа не формирует у подростков рабочую квалификацию и навыки интеграции в законопослушное общество. Начиная свою трудовую деятельность в таких неблагоприятных условиях, многие подростки бросают работу и длительное время вообще не занимаются никакой общественно-полезной деятельностью, ведут праздный образ жизни, что способствует их вступлению в преступные и криминогенные группы сверстников.

Фактически последним барьером на пути полного отчуждения несовершеннолетних от общества и вступления их в группы сверстников с антиобщественной направленностью является такой институт системы общественного воспитания, как *досуговые учреждения*. Эти учреждения имеют большую привлекательность для подростков, чем другие институты системы общественного воспитания, так как членство в досуговых учреждениях является добровольным и основывается на учете интересов и склонностей личности.

Между тем досуговые учреждения не всегда способны преодолеть отчуждение подростков от общества. Это обусловлено, во-первых, тем, что организация деятельности досуговых учреждений не избавлена от недостатков, характерных для всей системы общественного воспитания. Во-вторых, таких досуговых учреждений не хватает из-за недостатка финансирования досуговой сферы со стороны государства, а также из-за градостроительной политики местных властей, которые стремятся сделать рыночное жилье доступным, уплотняя жилые микрорайоны и не обеспечивая их в достаточной мере детскими садами, школами, детскими площадками, досуговыми учреждениями. В-третьих, досуговые учреждения технически слабо оснащены, многие из них не имеют необходимого инвентаря и оборудования для проведения занятий с детьми; часто подростковые клубы и кружки расположены в непригодных для этого помещениях. В-четвертых, в досуговых учреждениях постоянно не хватает педагогических кадров, прежде всего молодых специалистов, т.е. лиц, близких к подросткам по возрасту и интересам, которых в досуговых учреждениях практически нет. Причины дефицита педагогических кадров общеизвестны: низкая

зарплата, отсутствие жилья и т.д. В-пятых, большинство досуговых учреждений стали платными. Это означает, что досуговые услуги в меньшей степени, чем раньше, ориентированы на задачи воспитания личности, раскрытие ее таланта, творческих способностей. Следовательно, дети и подростки, за которых родители платить не в состоянии, не имеют возможности себя творчески реализовать в позитивной сфере; те же, за кого платят, нацелены преимущественно не на раскрытие своих способностей, а на их адаптацию к рынку труда. В-шестых, деятельность подростковых кружков, секций, клубов является преимущественно досуговой, а основой возникновения положительных эмоциональных связей или отчуждения подростков от общества является прежде всего деятельность производственная или учебная. Кроме того, значительная часть досуговых учреждений ориентирована на предоставление населению, в том числе детям и подросткам, возможности развлечься, а не поддержать свое здоровье и развить духовный мир. И, наконец, многие подростки настолько отчуждены от общества через семью и учебно-воспитательные учреждения, что любая, даже досуговая деятельность не является для них привлекательной.

Неудовлетворенная потребность в общении, отсутствие положительных связей в малых социальных группах, где в основном протекает позитивная жизнедеятельность подростков, глубокая их отчужденность от общества через семью и систему общественного воспитания способствуют их вхождению в *уличные компании*, где они обретают определенный комфорт, равное партнерство в общении, в значительном числе случаев – социальную защищенность своих интересов.

Безусловно, «уход» несовершеннолетнего в уличную компанию сверстников еще не означает, что он обязательно совершит правонарушение. В целом эти общности следует оценивать позитивно, так как они выполняют очень важную социальную функцию: через них в значительной мере осуществляется процесс социализации подростков. Через такие уличные объединения прошло подавляющее число подростков, которые не совершали преступлений. Ситуация становится иной тогда, когда возникает влияние преступного мира на уличные компании несовершеннолетних. Такое влияние может быть эпизодическим и связанным с тем, что в совершение пре-

ступлений втягиваются отдельные подростки через конкретных людей под влиянием неблагоприятных жизненных обстоятельств. Влияние преступного мира на неформальную подростковую среду может носить массивное воздействие. В результате такого воздействия уличные компании могут трансформироваться в формы организации несовершеннолетних и молодежи, которые характерны для преступных групп¹.

Рассмотренные нами малые группы, безусловно, являются важными компонентами социальной среды, определяющими направленность формирующейся личности. Именно в несовершеннолетнем возрасте закладываются основы будущего ее поведения.

Однако и для взрослых социальная среда, например семейно-бытовая сфера, является крайне важной. В частности, источником большинства насильственных преступлений являются конфликты именно в семейно-бытовой сфере. Личность, отчужденная от общества в производственной сфере и иных малых группах, может компенсировать недостаток положительных эмоциональных связей в семье. При этом в современный период, как уже отмечалось, семья утрачивает свои компенсационные возможности. Данное обстоятельство обусловлено той же причиной, что и разрушение традиционной системы воспитания детей семейным укладом жизни: на этот процесс в значительной мере влияет женская эмансипация. Женщина в условиях современного общества уже не занимается преимущественно ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей, а становится в равные экономические условия с мужчиной. Это, в свою очередь, перестраивает внутрисемейные отношения уже не по половому, а по экономическому принципу: основную часть домашней работы часто выполняет тот из супругов,

¹ См. подробнее: Прокументов Л.М. Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних. Томск, 1999. С. 77–78; Булатов Р.М., Шеслер А.В. Криминогенные городские территориальные подростково-молодежные группировки. Казань, 1994. С. 35–49; Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. М., 2006. С. 238–247; Подольный Н.А. Молодежная организованная преступность. М., 2006. С. 54–56; Ханипов Р.А. Подростково-молодежная деликвентность в современной России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. С. 17–23; Сафаров А.А. Закат казанского феномена. История ликвидации организованных преступных формирований Татарстана. Казань, 2011. С. 7–18.

кто меньше задействован в общественно-полезном труде и меньше зарабатывает. В результате мужчины не находят в семье психологического комфорта, поскольку женщины стремятся лишить мужчин их привилегий и сохранить за ними их обязанности (например, обеспечить семью), женщины не всегда могут через семью обрести устойчивое материальное положение, престарелые родители не получают необходимой материальной и иной помощи¹.

Отчуждение личности от семьи неизбежно сопровождается конфликтами, разрушающими семейные отношения. В одних случаях конфликты напрямую ведут к преступному поведению, в других конфликт и преступление опосредованы дезадаптивным поведением личности. В ситуации, когда личность остается в семье и ведет дезадаптивный образ жизни (пьянствует, не работает и т.д.), конфликт обостряется и преступление совершается непосредственно под влиянием семьи. Нередко возникают ситуации, когда личность ведет дезадаптивный образ жизни, прерывая отношения с семьей (например, занимается бродяжничеством). В этом случае преступление совершается из-за необходимости материально обеспечить дезадаптивный образ жизни².

Большое влияние на криминальную активность населения в семейно-бытовой сфере оказывает разрушение соседской общины по месту жительства. Этот процесс ведет, во-первых, к ослаблению позитивного контроля за поведением личности со стороны соседей, во-вторых, к латентному зарождению и протеканию конфликтов, что препятствует их снятию на ранней стадии, в-третьих, к невозможности разрешения соседями конфликтов «мягкими» способами, т.е. на межличностной основе, в-четвертых, к отсутствию по месту жительства личности позитивных социальных образований, которые способны были бы противостоять неформальным общностям, негативно влияющим на поведение личности своей антиобщественной деятельностью (праздное проведение свободного времени, употребление спиртного и т.д.).

¹ См.: Шестаков Д.А. Семейная криминология. СПб., 1996. С. 77; Шеслер А.В., Смолина Т.А. Криминологическая характеристика и профилактика женской преступности. Тюмень, 2008. С. 44–46.

² О различных вариантах влияния распада семьи на преступное поведение см. подробнее: Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992. С. 57–59, 158–163.

Сфера трудовой деятельности в значительной мере утратила свое антикриминогенное воздействие, во-первых, в силу открытой или скрытой безработицы. Определенная часть населения, находясь в социально активном возрасте, вообще не занята никаким трудом и предпочитает ему иные источники дохода, связанные с существованием криминогенной среды (попрошайничество, оказание сексуальных услуг, совершение правонарушений и т.д.). Трудовая занятость другой части населения носит случайный, разовый или сезонный характер (ремонт квартир, уборка снега зимой, овощей в конце лета и т.д.). Такая временная занятость, как правило, не оформляется трудовым договором, поэтому происходит в сфере теневой экономики, которая не дает работнику социальных гарантий и не формирует его правопослушное поведение.

Во-вторых, в предпринимательских структурах отсутствуют трудовые коллективы, которые в советский период объединяли работников не только на основе трудовой деятельности, но и на основе деятельности, направленной на воспитание личности (спортивно-массовой, досугово-культурной, политико-просветительской и т.д.). Такие коллективы оказывали на своих членов сильное антикриминогенное воздействие, так как их целью было не получение прибыли, а обеспечение трудовой занятости населения, формирование гармонично развитой личности. В современный период в предпринимательские структуры люди объединяются на основе доминирующего стимула рыночной экономики – получения прибыли, от которой зависит и доход собственника, и заработок наемных работников. В этих условиях предпринимательская среда способна раскрывать и формировать только те качества, которые востребованы на рынке труда, независимо от того, носят они позитивный или негативный характер.

Досуговая сфера современного человека также не способствует формированию законопослушной личности, поскольку в большинстве случаев связана с праздным и малосодержательным с точки зрения укрепления здоровья и повышения интеллекта проведением времени (употребление спиртного, физическое безделье, потребление продуктов примитивной массовой культуры и т.д.).

Помимо указанных наиболее значимых малых групп, на негативное формирование личности оказывают влияние и другие со-

циальные группы (например, микросреда осужденных). Кроме того, малые группы оказывают влияние на преступное поведение не только на социально-психологическом, но и на индивидуальном уровне, при совершении конкретных преступлений.

5.5. Детерминанты конкретного преступления

Конкретное преступное поведение является результатом взаимодействия антиобщественных свойств личности и ситуации совершения преступления¹. *Антиобщественные свойства личности*, прежде всего криминогенная мотивация, являются причиной преступного поведения, так как именно мотивация является основным источником криминальной активности личности. *Ситуация совершения преступления* играет роль условия индивидуального преступного поведения и состоит из двух групп обстоятельств. В первую группу входят жизненные обстоятельства, которые играют роль условий, формирующих причину преступного поведения, – антиобщественные свойства личности. К ним относятся причины преступности в целом, которые, трансформируясь через образ жизни макро- и микрогрупп, негативно влияют на социализацию личности. Вторую группу составляют те обстоятельства, которые облегчают проявление причины индивидуального преступного поведения. Это объективные жизненные обстоятельства, непосредственно влияющие на поведение личности в данный момент и сливающиеся в конкретную ситуацию².

Влияние конкретной жизненной ситуации на преступное поведение состоит в том, что она:

- а) объективно ставит личность перед необходимостью выбора определенного варианта поведения (правомерного или преступного);
- б) обуславливает содержание и форму избранного варианта поведения, раскрывает степень (уровень) готовности человека действовать определенным образом.

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 180–182; Филимонов В.Д. Генезис преступления. М., 2017. С. 36–37.

² См.: Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968. С. 38.

Вполне очевидно, что такое воздействие на личность может оказывать не просто жизненная ситуация, а ситуация, предполагающая проявление личностной активности в поисках выбора возможных вариантов поведения, т.е. *проблемная жизненная ситуация*¹.

Особо острой проблемной ситуацией является *конфликтная ситуация*, при которой между отдельными людьми или группами людей существуют серьезные разногласия. Конфликтная ситуация может перерасти в конфликт, при котором происходит инцидент, т.е. столкновение участников конфликта. Однако не всегда конфликт приводит к совершению преступления, поскольку он может выполнять как конструктивную, так и деструктивную функцию². В первом случае конфликтная ситуация исчезает (например, супруги из-за личных неприязненных отношений разводятся и разменивают жилье), во втором случае конфликтная ситуация обостряется (например, муж избивает жену) или разрешается разрушающим, общественно опасным способом (например, муж убивает жену).

Разновидностью проблемной ситуации является *фронтальная ситуация*, при которой существенное влияние на поведение личности в конкретный момент оказывает малая группа. Принадлежность субъекта к определенной социальной группе или желание принадлежать к такой группе (в данном случае группа именуется референтной) требуют от него определенных стандартов поведения, принятых этой группой, следования одобряемым в данном сообществе групповым нормам, особенно в нестандартных ситуациях³.

Многочисленные исследования показывают, что наиболее часто фронтальная ситуация имеет место при совершении преступлений несовершеннолетними, лицами, страдающими психическими отклонениями, а также лицами, отбывающими уголовное наказание в местах лишения свободы.

Применительно к несовершеннолетним данное обстоятельство связано с общими условиями социализации, в частности повышенной потребностью подростков в неформальной среде сверст-

¹ См.: Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности. М., 2006. С. 34.

² См.: Бородкин Ф.М., Коряк Н.М. Внимание – конфликт. Новосибирск, 1983. С. 122, 125.

³ См.: Антонян Ю.М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности. М., 2006. С. 138–139, 149.

ников, мнение которых для каждого подростка чрезвычайно важно. Не случайно большую часть преступлений подростки совершают либо в составе групп, либо под сильным воздействием неформального окружения сверстников¹.

Применительно к лицам с психическими отклонениями это обусловлено, во-первых, их повышенной внушаемостью, во-вторых, тем, что они дорожат своим членством в любой малой группе, в том числе в криминогенной или преступной².

Применительно к лицам, находящимся в местах лишения свободы, можно говорить о часто встречающейся фронтальной ситуации, обусловленной существованием в микросреде осужденных жесткой стратификации, системы неформальных норм и криминальной субкультуры, сутью наказания в виде лишения свободы, существенно ограничивающего жизненно важные человеческие потребности³. В частности, существующие в местах лишения свободы неформальные нормы не поощряют обращение осужденных за помощью к администрации исправительного учреждения для разрешения возникших между осужденными конфликтов, которые они предпочитают разрешать, совершая преступления. Так, осужденные, которым грозит расправа за неуплату карточного долга, не обращаются за помощью к администрации, а иногда прибегают к захвату заложников с единственным требованием к власти – перевести их в другое исправительное учреждение⁴.

¹ См.: Прокументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение. Томск, 1993. С. 83–84; Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты. Саратов, 2006. С. 52.

² См.: Антонян Ю.М., Горинов В.В., Саблина Л.С. Преступники с умственной отсталостью. М., 1992. С. 40–41.

³ См.: Усс А.В. Конфликты между осужденными, сопровождающиеся насильственными посягательствами. Красноярск, 1984. С. 42–52; Антонян Ю.М., Колышницына Е.Н. Мотивация поведения осужденных. М., 2009. С. 3; Пенитенциарная криминология. Рязань, 2009. С. 138–179; Шеслер А.В., Шеслер С.С. Криминологические особенности пенитенциарной преступности // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях : материалы междунауч.-практ. конф. (1–2 ноября 2013 г.). Тюмень, 2013. Вып. 10 : в 2 ч., ч. 1. С. 211–213.

⁴ См.: Антонян Ю.М., Бойко И.Б., Верещагин В.А. Насилие среди осужденных. М., 1994. С. 55.

По времени существования различают следующие конкретные жизненные ситуации:

- 1) быстротечные (например, неожиданная ссора);
- 2) продолжительные, которые характеризуются определенной растянутостью во времени (например, конфликт на почве супружеской измены)¹.
- 3) длящиеся, которые не просто растянуты во времени, а переходят в элемент образа жизни личности (например, длительные семейные ссоры)².

С точки зрения объективного наличия или отсутствия криминогенных жизненных обстоятельств выделяют криминогенные и некриминогенные проблемные ситуации. Криминогенные ситуации объективно способствуют совершению преступления, включают в себя провоцирующие моменты (например, конфликтное поведение потерпевшего). Некриминогенные ситуации включают обстоятельства, которые либо нейтральны к совершенному преступлению, либо препятствуют, либо исключают его совершение. Проблемная ситуация существует лишь в сознании личности преступника³.

По источнику формирования выделяют криминогенные ситуации:

- 1) связанные с личностью субъекта и его деятельностью (например, преступления совершаются на почве конфликта, порожденного систематическим пьянством преступника);
- 2) складывающиеся независимо от субъекта (например, провоцирующее поведение потерпевшего);
- 3) смешанного характера, которые возникают в результате как действий лица, совершившего преступление, так и других обстоятельств, от виновного не зависящих (например, быстрая езда в гололед)⁴.

Каждая ситуация характеризуется различной интенсивностью воздействия на личность, следовательно, нейтрализация этих ситуаций должна осуществляться различными способами.

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Конфликт и насильственное преступление. М., 1991. С. 93–96.

² См.: Социальные отклонения. М., 1989. С. 177–179; Юридическая конфликтология. М., 1995. С. 157–159.

³ См.: Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1973. С. 24–26.

⁴ См.: Механизм преступного поведения. М., 1981. С. 88.

5.6. Механизм индивидуального преступного поведения

Взаимосвязь свойств личности и конкретной жизненной ситуации, детерминирующая преступление, представляет собой *механизм преступного поведения*¹. Основные элементы этого механизма – психические процессы и состояния, а также факторы внешней среды, т.е. причины и условия конкретного преступления – рассматриваются уже не в статике, а в динамике². Изучение механизма преступного поведения позволяет увидеть «пружины» детерминации преступления, установить способы взаимодействия причин и условий конкретного преступления.

Основными звеньями механизма преступного поведения являются:

- а) мотивация;
- б) планирование;
- в) исполнение³.

Первое звено характеризуется рождением мотивов преступного поведения, т.е. внутренних побуждений, вызывающих решимость совершить преступление, руководящих его совершением под воздействием конкретной жизненной ситуации.

Мотивы на этом этапе выполняют две функции:

- отражательную, т.е. актуализируют потребности личности, возбуждают ее физическую или психическую энергию;
- побудительно-регулятивную, т.е. формируют решение совершить преступление, порождают волю преступника, определяют содержание сформировавшихся воли и решения⁴.

Второе звено характеризуется принятием решения (т.е. выбором варианта поведения) и планированием поведения (т.е. выбором варианта совершения преступления).

Это звено может быть деформировано следующими обстоятельствами, способствующими совершению преступления:

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Лекции по криминологии. М., 2005. С. 74.

² См.: Механизм преступного поведения. М., 1981. С. 30–31; Социальные отклонения. М., 1989. С. 171.

³ См.: Механизм преступного поведения. М., 1981. С. 32.

⁴ См.: Там же. С. 40, 47, 59, 63.

– неверной оценкой виновным фактических обстоятельств (в частности, по данным В.Н. Кудрявцева, 18% убийц оценивали ситуацию как безвыходную, хотя для этого не было достаточных оснований);

– недостаточным учетом нормативных требований (недостаточным знанием правовых требований, негативным или небрежным отношением к правовым нормам, разрешением противоречий между правовыми нормами и нормами микросреды, между правовыми нормами и реалиями жизни в пользу соответственно норм микросреды и конкретных жизненных обстоятельств);

– искаженными ценностными ориентациями личности, противоречащими требованиям правовых норм;

– дефектами самоконтроля.

Высокий уровень самоконтроля может удержать лицо от совершения преступления даже при существенных деформациях в предшествующих звеньях механизма преступного поведения. Система внутреннего самоконтроля связана прежде всего с эмоционально-волевой сферой личности, на которую могут повлиять:

– острое эмоциональное состояние (например, физиологический аффект);

– состояние опьянения;

– сильная усталость;

– болезнь;

– плохое настроение;

– психические отклонения, не исключаяющие вменяемость¹.

Третье звено характеризуется непосредственным совершением преступления, которое охватывает как преступное деяние, так и его последствия. Криминолога на этом этапе интересуют прежде всего изменения, происходящие в конкретной ситуации, в которой действует преступник. Эти изменения могут следующим образом сказаться на поведении лица, совершившего преступление:

– лицо может прервать преступную деятельность окончательно или применительно к конкретному преступлению;

– виновный может изменить способ совершения преступления; (например, хищение, начатое как кража, может под влиянием из-

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 160–176.

менившейся жизненной ситуации перерасти в грабеж или даже разбой);

- лицо может совершить новое преступление;
- виновный может укрепиться в своих антиобщественных установках, углубить их, перейти от плана совершить одно преступление к плану совершать преступления периодически¹.

Итак, антиобщественные свойства личности являются причиной преступления, конкретная жизненная ситуация – его условием. Динамичное взаимодействие этих причин и условий создает механизм индивидуального преступного поведения.

Общая характеристика механизма индивидуального преступного поведения не исключает его особенностей применительно к видам отдельных преступлений. Так, *преступления, которые совершаются в состоянии сильного душевного волнения*, не содержат стадии планирования преступления. Это обусловлено тем, что в таких обстоятельствах совершение преступления является непосредственной и быстро протекающей реакцией на конкретную жизненную ситуацию, вызвавшую такое состояние. Поэтому при возникновении мотива преступления он сразу реализуется.

Особенность *механизма неосторожного индивидуального преступного поведения* состоит в том, что в преступлениях, совершаемых по неосторожности, нет не только стадии планирования, но и стадии мотивации преступления. Планирование преступления отсутствует потому, что источник неосторожного причинения вреда в значительном числе случаев находится вне личности, характеризующейся более положительно, чем лицо, совершившее умышленное преступление². Как уже отмечалось, в механизме умышленного преступления участвуют два элемента – личность и ситуация совершения преступления. В механизме неосторожного индивидуального преступного поведения участвует, помимо этого, третий элемент, в качестве которого выступает источник повышенной

¹ См.: Механизм преступного поведения. М., 1981. С. 32, 217.

² См.: Дагель П.С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977. С. 7; Шеслер А.В., Шеслер С.С. Криминологическая характеристика лиц, совершающих неосторожные преступления // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях. Тюмень, 2012. С. 220–223.

опасности (например, транспортное средство), который выходит из-под контроля обращающегося с ним лица и под действием физических сил приобретает способность самостоятельного причиняющего воздействия¹. Мотив как звено в механизме неосторожного преступления отсутствует потому, что преступные последствия не включаются в мотивирование и целеполагание того деяния, которое связано с нарушением общих или специальных правил предосторожности. Мотивы и цели такого деяния направлены на достижение социально-полезного или социально-нейтрального результата.

5.7. Роль потерпевшего в возникновении криминогенной ситуации

Потерпевший является объектом исследования многих правовых наук, прежде всего уголовного права, уголовного процесса, криминологии. Уголовное право изучает потерпевшего, во-первых, как элемент объекта преступного посягательства: основной (например, при убийстве), дополнительный (например, при разбое), факультативный (например, при грабеже). Во-вторых, уголовно-правовую науку потерпевший в ряде случаев интересует как элемент объективной стороны состава преступления, в частности такого состава преступления, как убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ). Уголовно-процессуальная наука изучает потерпевшего как участника уголовного процесса, наделенного определенными правами и обязанностями.

Криминологию потерпевший интересует, во-первых, как жертва преступления, т.е. как субъект, которому преступлением причинен реальный вред, независимо от признания его потерпевшим в уголовно-процессуальном порядке. Во-вторых, криминология изучает потерпевшего как элемент механизма преступного поведения, элемент конкретной жизненной ситуации, влияющей на поведение лица, совершающего преступление.

¹ См.: Зыков Д.А., Шеслер А.В. Причины и условия неосторожной преступности // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 2 (23). С. 88–92.

Роль потерпевшего в механизме преступного поведения может быть антикриминогенной (препятствующей совершению преступления), нейтральной (не способствующей совершению преступления), криминогенной (способствующей совершению преступления).

Криминогенная роль потерпевшего проявляется в следующем.

1. Потерпевший может породить у виновного идею совершить преступление. Дело в том, что в значительном числе случаев преступник ищет не просто жертву, а жертву определенного рода, обладающую значимыми для виновного физическими, психическими или социальными свойствами. В частности, свойства потерпевшего играют важную роль при совершении сексуальных преступлений¹. Так, жертвами жестоких убийств, совершенных Чикатило, стали женщины, девушки и мальчики, которые произвели на преступника впечатление одиноких, неудачливых, испытывающих дефицит внимания со стороны окружающих. Среди женщин, ставших жертвами, Чикатило избрал прежде всего тех, которые злоупотребляли спиртным, были умственно отсталыми, вели бродячий образ жизни². Хорошо описан психологический портрет сексуального маньяка в романе русско-американского писателя В.В. Набокова «Лолита», в частности представления деликвентной личности о физических данных тех девочек, которые становились объектом реализации похоти:

«В возрастных пределах между девятью и четырнадцатью годами встречаются девочки, которые для некоторых очарованных странников, вдвое или во много раз старше их, обнаруживают истинную сущность – сущность не человеческую, а нимфическую (т.е. демоническую); и этих маленьких избранниц я предлагаю именовать так: нимфетки.

Надобно быть художником и сумасшедшим, игрищем бесконечных скорбей, с пузырьком горячего яда в корне тела и сверхсладокрастным пламенем, вечно пылающим в чутком хребте (о, как приходится нам ежиться и хорониться!), дабы узнать сразу

¹ См.: Потапов С.А., Ткаченко А.А. Жертвы сексуальных преступлений // Сексуальные преступники. М., 1992. С. 123.

² См.: Антонян Ю.М., Ткаченко А.А. Сексуальные преступления. М., 1993. С. 257–259.

по неизъяснимым приметам – по слегка кошачьему очерку скул, по тонкости и шелковистости членов, и еще по другим признакам, перечислить которые мне запрещают отчаяние, стыд, следы нежности – маленького смертоносного демона в толпе обыкновенных детей: она-то, нимфетка, стоит среди них неузнанная, и сама не чующая своей баснословной власти».

2. Потерпевший может породить у конкретного лица решимость совершить преступление, т.е. вызвать необходимый волевой акт¹.

3. Потерпевший в ряде случаев изменяет мотивацию совершаемого другим лицом преступления. За изменением мотиваций может следовать изменение целей, способов и других обстоятельств преступления². Например, активное сопротивление потерпевшего преступнику при совершении последним грабежа может привести к тому, что виновный в целях изъятия имущества, применит насилие, опасное для жизни и здоровья, или совершит убийство.

4. Потерпевший облегчает наступление преступного результата³. Например, потерпевший облегчает совершение кражи из своей квартиры тем, что оставляет на некоторое время незапертой дверь.

5. Потерпевший сам создает криминогенную обстановку, провоцирующую виновного на совершение преступления⁴. Например, потерпевший первым вступает с убийцей в драку или вызывает у последнего вспышку гнева⁵.

Значительная часть потерпевших еще до преступного посягательства на них являются потенциальными жертвами преступления в силу наличия у них определенных свойств. Подверженность риску стать жертвой преступления получила наименование *виктимности*⁶.

¹ См.: Механизм преступного поведения. М., 1981. С. 115.

² Там же. С. 116.

³ См.: Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1973. С. 63.

⁴ Там же. С. 66.

⁵ См.: Рогачевский Л. Виктимологический аспект преступлений, совершенных в состоянии аффекта // Советская юстиция. 1983. № 17. С. 13.

⁶ См.: Остроумов С.С., Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977. С. 8.

Способность индивида стать жертвой преступления может быть обусловлена, во-первых, состоянием преступности на определенной территории: чем выше состояние преступности, тем больше шансов у определенного члена общества оказаться жертвой преступления. В этом смысле в литературе вполне правомерно употребляется термин «*массовая виктимность*». В прошлые годы большая часть исследователей в содержание этого термина вкладывала в основном способность определенной части населения стать жертвой преступления¹. Однако рост преступности в нашей стране, сопровождающийся одновременным снижением уровня социально-правовой защищенности личности со стороны государства, привел к тому, что повысилась виктимность населения в целом². Поскольку виктимность населения стала глобальной общесоциальной проблемой, правильнее говорить о массовой виктимности как о способности каждого члена общества стать жертвой преступления³.

Во-вторых, способность стать жертвой преступления может быть обусловлена определенными личностными особенностями потерпевшего:

а) состоянием здоровья: в частности, чаще других жертвами изнасилований становятся женщины-олигофрены, у которых снижены прогностические способности в криминогенной обстановке;

б) возрастом: жертвами насильственных преступлений довольно часто становятся дети, у которых нет необходимого жизненного опыта и физической возможности оказать преступнику сопротивление⁴, а также престарелые люди из-за состояния психического или физического здоровья, замкнутого образа жизни, плохой адаптации к новым экстремальным условиям;

¹ См. напр.: Франк Л.В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972. С. 22; Полубинский В.И. Виктимология и профилактика правонарушений органами внутренних дел. Омск, 1990. С. 29.

² См.: Федеральная программа РФ по усилению борьбы с преступностью на 1994–1995 годы // Собрание законодательства РФ. 1994. № 5. Ст. 403.

³ См.: Ривман Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Л., 1975. С. 13; Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. СПб., 2000. С. 46–53.

⁴ См.: Сафиуллин Н.Х. Криминологический анализ виктимного поведения несовершеннолетних. Казань, 2007. С. 21.

в) родом занятий: например, повышенной виктимностью традиционно обладали проститутки, работники правоохранительных органов, таксисты и т.д.; в настоящее время круг потенциальных жертв значительно расширился за счет предпринимателей, журналистов, депутатов и других групп населения;

г) полом: жертвами карманных краж чаще оказываются женщины;

д) характером поведения потерпевшего до и во время совершения преступления, которое может способствовать преступному посягательству.

С виктимологических позиций поведение потерпевшего может носить провоцирующий, неосторожный, положительный или нейтральный характер¹.

Поведение потерпевшего, носящее провоцирующий характер, содержит в себе повод совершения преступления и обычно выражается в совершении противоправных или аморальных действий. Таким, например, было поведение потерпевших в 35% случаев совершения хулиганства (совместное распитие с преступником спиртного, оскорбление его и т.д.)², в 13% случаев изнасилований (употребление потерпевшими вместе с преступниками спиртного, уединение в укромных местах, вступление потерпевших с насильником в сексуальную игру и т.д.)³.

Поведение потерпевшего носит неосторожный характер, когда он не принимает необходимых мер предосторожности для избежания преступления, легкомысленно относится к возможности создания криминогенной ситуации, например, не принимает обычных мер предосторожности для сохранности своих вещей в местах, где возможно хищение⁴.

¹ См.: Ривман Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Л., 1975. С. 58–68; Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1973. С. 66.

² См.: Кузнецова Н.Ф., Портнов И.П. Предупреждение хулиганства. М., 1983. С. 40.

³ См.: Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Изнасилования: причины и предупреждение. М., 1990, С. 17.

⁴ См.: Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1973. С. 66.

При третьем варианте поведение потерпевшего либо противодействует совершению преступления, либо не препятствует и не способствует его совершению.

Исходя из двух групп факторов, обуславливающих виктимность населения, виктимологические аспекты предупреждения преступности предполагают, во-первых, повышение социально-правовой защищенности населения со стороны государства, во-вторых, уменьшение предрасположенности отдельных групп населения стать жертвами преступлений. Большую роль в снижении виктимности населения играет популяризация и широкое распространение основных правил предосторожности, следование которым в конкретной ситуации может помочь избежать преступного посягательства¹.

В заключение отметим, что назрела острая необходимость исследовать виктимность не только физических лиц, но и коллективных образований, в частности юридических лиц, которые, являясь участниками многих отношений, нередко оказываются потерпевшими от преступных посягательств.

¹ См.: Лихачева О.В. Латентная жертва насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. С. 17–18.

ГЛАВА 6. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

6.1. Понятие предупреждения преступности.

Классификация мер предупреждения преступности

Несмотря на то, что преступность является одним из неотъемлемых элементов современной организации общества, государство и общество располагают возможностями для сдерживания неблагоприятных тенденций преступности, обеспечения постепенного снижения ее уровня и смягчения ее негативных последствий.

Предупреждение преступности представляет собой деятельность, имеющую цель не допустить совершения преступлений как путем устранения их причин и условий, так и путем прерывания предварительной преступной деятельности.

В юридической литературе наряду с термином «предупреждение преступности» нередко можно встретить термин «профилактика преступности». По мнению одних исследователей, эти термины означают различные виды деятельности по недопущению преступлений¹, другие рассматривают их как синонимы².

В этой связи отметим, что термин «профилактика» произошел от греческого слова «prophylaktikos», т.е. предохранительный³. В русском языке «профилактика» – это совокупность предупредительных мероприятий⁴; предупредить – значит заранее принятыми мерами отвлечь, сделать что-нибудь ранее, чем произошло некоторое событие⁵.

¹ См.: Лекарь А.Г. Профилактика преступлений. М., 1972. С. 45; Аванесов Г.А. Криминология к социальная профилактика. М., 1980. С. 105–108.

² См.: Филимонов О.В. Индивидуальная профилактика преступлений. Томск, 1985. С. 5–8.

³ См.: Большой энциклопедический словарь. М., 1991. Т. 2. С. 215.

⁴ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1994. С. 543.

⁵ Там же. С. 503.

Из этих определений вытекает, что предупреждение и профилактика преступлений – идентичные понятия, поскольку оба они означают деятельность по предотвращению преступлений.

Нередко в научной и публицистической литературе можно встретить термин «борьба с преступностью». Одни авторы используют его в контексте предупреждения преступности, другие придают ему более широкий, чем предупреждение, смысл. В частности, А.Л. Репецкая считает, что «борьба с преступностью представляет собой одну из сфер социального управления, имеющих два взаимосвязанных направления: собственно профилактику преступности и обеспечение неотвратимости наказания, исправление лиц, совершивших преступление»¹. Представляется, что использование термина «борьба с преступностью» в научной литературе нецелесообразно. Очевидно, что термин «борьба» не является синонимом термину «предупреждение», в то время как «обеспечение неотвратимости наказания, исправление лиц, совершивших преступление» входит в содержание понятия «предупреждение» (в данном случае можно говорить о предупреждении рецидива преступлений).

На практике предупреждение преступности представляет собой сложный комплекс разнообразных мер предупредительного воздействия. Предупреждение преступности – сложный процесс, обладающий признаками целостности. Поэтому его необходимо рассматривать комплексно, выделяя составляющие элементы, используя многое из того, что присуще системному подходу.

Понятие предупреждения преступности – одна из важнейших категорий криминологической науки, которая рассматривается как многоуровневая система государственных и общественных мер, направленных на устранение, ослабление или нейтрализацию детерминант преступности (причин, условий, факторов).

Деятельность по предупреждению преступности осуществляется на основе соблюдения определенных принципов, многие из которых закреплены в законах, определяющих правовой статус субъектов этой деятельности (например, органов внутренних дел, прокуратуры, ФСБ и т.д.). Эти принципы принято делить на общеправовые и специальные. К общим принципам предупреждения

¹ Репецкая А.Л., Рыбальская В.Я. Криминология. Общая часть. Иркутск, 1999. С. 186.

преступности относятся принцип законности, принцип гуманизма, принцип социальной справедливости, принцип социальной и экономической обоснованности и др. К специальным принципам предупреждения преступности можно отнести обеспечение комплексности предупреждения преступности, принцип сочетания индивидуального и группового подходов в предупреждении преступности, принцип дифференциации и др.

Деятельность по предупреждению преступности представляет собой определенную систему, состоящую из мер предупреждения преступности, объектов предупредительного воздействия, субъектов предупреждения преступности.

Меры предупреждения преступности характеризуют механизм профилактического воздействия. Объекты предупреждения преступности включают негативные социальные явления и процессы, а также лиц и социальные группы, которые в своей деятельности эти явления реализуют и воспроизводят. Круг субъектов предупреждения преступности представлен носителями этой деятельности.

В криминологической литературе предлагаются различные классификации мер предупреждения преступности¹. Отличие различных мер предупреждения преступности заключается в выборе основания, которое кладется в основу классификации.

В зависимости от целевого назначения следует различать общие и специальные меры предупреждения преступности. *Общие меры предупреждения преступности* направлены прежде всего на реализацию задач общесоциального характера и выступают выражением повседневной деятельности многих социальных институтов, главной функцией которых является решение политических, управленческих и других задач, не связанных с обеспечением и поддержанием правопорядка в обществе. Предупредительное воздействие общесоциальных мер состоит в улучшении условий жизнедеятельности людей, снятии (или снижении) социальной напряженности в обществе, локализации и нейтрализации «фоновых»

¹ См.: Долгова А.И. Криминология : учебник для вузов. М., 1999. С. 220–232; Криминология / под ред. В.Н. Буракова, Н.М. Кропачева. СПб., 2002. С. 179–385; Криминология : учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М., 2004. С. 191–200 и др.

явлений (алкоголизма, наркомании, проституции и т.д.), создании необходимых предпосылок для успешной реализации мер, непосредственно воздействующих на преступность. Таким образом, профилактические задачи при реализации этих мер решаются наряду с решением других основных общесоциальных задач. Эти меры составляют содержание *общесоциальной политики предупреждения преступности*, которой принадлежит доминирующая роль среди иных видов деятельности по предотвращению преступности, так как именно от улучшения условий жизнедеятельности людей зависит успех борьбы с преступностью.

Поскольку общесоциальные меры предупреждения воздействуют на преступность не прямо, а опосредовано, реализация этих мер и профилактический эффект от них наступают через длительное время.

Общесоциальные меры обладают низкой эффективностью при воздействии на некоторые виды преступности (например, профессиональную), их необходимо дополнить *специальными мерами предупреждения преступности*. Эти меры хотя и не решают стратегических задач в предупреждении преступности, однако являются более оперативными, непосредственно воздействуют на преступность и ее причины, быстрее дают видимый профилактический эффект.

Среди специальных мер предупреждения преступности следует различать *специальные, реализация которых основана на нормах уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права, и меры специально-криминологические*. Эти два вида мер объединяет целенаправленное воздействие на преступность. Однако между ними есть существенные различия:

1) первая группа мер воздействует прежде всего на преступность, специально-криминологические меры, кроме того, – на ее причины и условия;

2) первая группа мер применяется в основном органами уголовной юстиции (в широком смысле), вторая – более широким кругом субъектов;

3) первая группа мер сопряжена с реализацией уголовной ответственности, вторая – с реализацией иных (помимо уголовной ответственности) мер правового принуждения (например, контроля);

4) специально-криминологические меры выражаются не только в принуждении, но и в оказании правонарушителю необходимой помощи, а также в осуществлении воспитательного воздействия на него¹.

Исходя из этого, первая группа мер составляет содержание деятельности по предупреждению преступности, основанной на нормах уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права, именуемой *уголовной политикой*². Вторая группа мер составляет содержание деятельности, которая не во всех случаях регулируется нормами права (например, частная инициатива отдельных лиц) и именуется *криминологической политикой*³.

По объему и направленности применения меры делятся на общие, специальные и индивидуальные.

Общие меры направлены на выявление, ослабление, нейтрализацию и устранение детерминант преступности (причин, условий, факторов), воздействующих на все население или на отдельные большие социальные группы (макрогруппы), выделяемые по экономическим, социальным и иным критериям. Например, в рамках общего предупреждения преступности принимаются меры по предупреждению преступности несовершеннолетних, молодежи и других категорий населения, выделяемых на основе общих социально-демографических, нравственно-психологических и иных критериев, не связанных непосредственно с преступным поведением.

Меры общего предупреждения направлены на решение проблем нормального физического, нравственного развития несовершеннолетних и молодежи, их эффективной социализации.

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 274; Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977. С. 46, 136, 204–206; Бышевский Ю.В. О понятии и содержании советской уголовной политики // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. Омск, 1980. С. 56; Уголовное право. Общая часть / под ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. Томск, 2016. С. 42–44.

² См.: Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. С. 15–23.

³ Бабаев М.М. О соотношении уголовной и криминологической политики // Проблемы социологии уголовного права. М., 1982. С. 53; Прокументов Л.М. Уголовная политика в отношении несовершеннолетних // Образование и наука в третьем тысячелетии : сб. науч. трудов. Барнаул, 2010. Вып. 6. С. 119–129.

Общее предупреждение преступности включает меры по оздоровлению экономической, политической, социальной, духовной сфер жизни общества. Можно утверждать, что основой общих мер предупреждения преступности является создание надлежащих условий формирования и развития населения страны, улучшения его жизнедеятельности.

Меры общего предупреждения преступности разрабатываются экономистами, социологами, психологами, управленцами, политологами и другими специалистами. Вместе с тем не следует принижать и роль криминологов, которые, во-первых, анализируют и предоставляют информацию о детерминантах преступности, во-вторых, участвуют в непосредственной разработке программ, направленных на оздоровление и развитие общества, в-третьих, осуществляют по поручениям заинтересованных органов, организаций, учреждений криминологическую экспертизу проектов программ социально-экономического развития и других законопроектов.

Специальные меры предупреждения преступности направлены на выявление, ослабление, нейтрализацию и устранение детерминант преступности (причин, условий, факторов), касающихся отдельных сфер деятельности, отдельных групп ситуаций и лиц, выделенных по определенным признакам. Например, в отношении ситуаций, способствующих совершению корыстных или насильственных преступлений, или лиц, совершающих преступления в группе.

При специальном предупреждении преступности криминологи выделяют сферы деятельности, объекты, отдельные социальные группы, *обладающие повышенной криминогенностью*. В частности, к таким группам относятся лица без определенного источника дохода, лица, находящиеся за чертой бедности, т.е. те, чьи доходы не обеспечивают их существование, несовершеннолетние, проживающие в неблагополучных семьях и др.

При выделении групп с повышенной криминогенностью необходимо учитывать криминологически значимые характеристики, относящиеся к поведению людей, а также условия социальной среды обитания этих людей. Это важно для учета ситуаций, при которых люди находятся *непосредственно* в конкретной среде, *испытывают или не испытывают влияние* этой среды, в своей

деятельности ориентируются (не ориентируются) на нормы поведения, сложившиеся в среде.

Индивидуальные меры предупреждения преступности представляют собой конкретизацию общих и специальных мер предупреждения в отношении отдельных лиц. Меры индивидуального предупреждения направлены не только на нейтрализацию или устранение уже имеющихся у конкретной личности отклонений от правовых, социальных норм, но и на формирование качеств, имеющих антикриминогенный характер. Следовательно, индивидуальное предупреждение должно быть направлено не только на личность и ее отрицательные свойства и качества, но и на социальную среду, в которой проходит жизнедеятельность личности, обстоятельства, способствующие или облегчающие совершение противоправного (в том числе и уголовного) деяния. В данном случае мы имеем в виду непосредственные условия жизнедеятельности личности: бытовое окружение, сферы труда, учебы, досуга, ближайшее окружение, а также отдельные элементы неблагоприятной жизненной ситуации, имеющие криминогенный характер, и т.п.

В зависимости от стадий (времени) проявления криминогенных детерминант, развития на их основе искаженных ориентаций личности, которые проявляются в ее поведении, индивидуальное предупреждение делится на раннее, непосредственное и предупреждение рецидива.

Раннее предупреждение направлено на выявление источников негативного (антиобщественного) влияния на личность с целью пресечения такого влияния, определение конкретных жизненных обстоятельств, оказывающих негативное воздействие на личность, и их устранение. Раннее предупреждение предполагает специальное воздействие на личность (организацию взаимодействия с личностью), которая находится на начальном этапе криминализации, т.е. до совершения правонарушения.

Непосредственное предупреждение направлено на личность правонарушителя, т.е. когда поведение лица свидетельствует о развитии у него негативных свойств, качеств, обусловивших совершение лицом правонарушения.

Предупреждение рецидива осуществляется в отношении лиц, которые совершили преступление. Специфика этого вида преду-

преждения обусловлена объектом воздействия (лица, осужденные к лишению свободы; лица, осужденные к наказаниям, не связанным с лишением свободы; лица, освобожденные из мест лишения свободы по нереабилитирующим основаниям). Задачи предупредительного воздействия на этой стадии идентичны предыдущим стадиям в зависимости от характера поведения лица, в отношении которого осуществляется такое воздействие.

На любой стадии осуществления индивидуального предупреждения необходимо достоверное установление оснований (фактических и правовых) для предупредительного воздействия, которые свидетельствуют о наличии конкретных условий жизни и среды, оказывающих криминогенное влияние на личность, а также антиобщественное, правонарушающее или преступное поведение лица.

По масштабу меры предупреждения преступности можно разделить на общегосударственные, региональные, муниципальные, местные. Общегосударственные меры охватывают всю территорию страны (например, федеральные комплексы или федеральные целевые программы, направленные на предупреждение преступности). Региональные меры распространяются на территорию субъекта РФ, муниципальные – на отдельные муниципальные образования (Новосибирск, Томск, Якутск и т.п.), местные – на конкретный населенный пункт или иной территориальный объект.

По своему содержанию меры предупреждения преступности могут быть экономического, социального, правового, демографического, организационного, технического характера.

В криминологической литературе приводятся и иные классификации мер предупреждения преступности.

6.2. Объект предупреждения преступности

Криминологи, исследующие различные аспекты предупреждения преступности, показывают широкий круг явлений, относимых ими к объекту предупреждения преступности. Вместе с тем практически все исследователи отмечают главное свойство этих явлений, позволяющее отнести их к объекту предупреждения преступности, – их *криминогенность*. В криминологической науке под криминогенностью понимается способность явлений находиться

в прямой или опосредованной причинно-следственной связи с преступностью¹.

Представляется, что исследователи в целом правильно подходят к определению данного негативного явления. Вместе с тем отметим, что свойством криминогенности явление обладает не только в том случае, когда является причиной или условием преступности, но и тогда, когда оно выступает в качестве фактора преступности, поскольку, как мы отмечали ранее, факторы рассматриваются нами в качестве элемента, образующего детерминанты преступности наряду с причинами и условиями².

Исходя из свойства криминогенности под объектом предупреждения преступности следует понимать, во-первых, негативные социальные явления и процессы в материальной или духовной жизни общества, которые выступают в качестве причин, условий или факторов преступности. Во-вторых, объектами предупреждения преступности являются негативные, с точки зрения общественной безопасности, места концентрации лиц с преступным или социально-отклоняющимся поведением. Такими местами могут быть отдельные участки местности (скверы, парки, кладбища и т.д.), помещения (квартиры, гаражи, заброшенные постройки и т.д.), которые способствуют воспроизводству и формированию социально-негативных связей между людьми. Стремление современного общества освободиться от негативных аспектов цивилизации, локализовать их территориально приводит к тому, что такими местами становятся целые территории (например, окраины крупных городов)³ или даже государственные образования⁴.

¹ См.: Игошев К.Е., Шмаров Н.В. Социальные аспекты предупреждения правонарушений. М., 1980. С. 26; Алексеев А.И., Сахаров А.Б. Причины преступности и их устранение органами внутренних дел. М., 1982, С. 20; Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М., 1987. С. 61.

² См.: Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Причины преступности. Томск, 1996. С. 19–20.

³ См.: Прокументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение. Томск, 1993. С. 60–64.

⁴ См.: Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Преступность и ее основные криминологические характеристики. Томск, 1995. С. 26.

В-третьих, в качестве объекта предупреждения преступности выступают преступные, криминогенные, антиобщественные и другие социальные группы, которые в процессе своей жизнедеятельности воспроизводят детерминанты преступности.

В-четвертых, объектом предупреждения преступности являются лица, совершившие преступления, и лица с допреступными формами социально-отклоняющегося поведения, поскольку такое поведение при определенных условиях может перерасти в преступное.

6.3. Субъекты предупреждения преступности

Субъект любого вида деятельности представляет собой носителя функциональных прав и обязанностей, реализующего определенный круг задач по достижению конечной цели и обладающего определенной компетенцией по участию в конкретной деятельности. На субъект распространяются нормы, регламентирующие данную деятельность.

Исходя из этого, субъектами предупреждения преступности следует считать государственные органы, негосударственные организации, коллективы, социальные группы и отдельных граждан, которые на различных уровнях и в различных масштабах осуществляют деятельность по реализации мер предупреждения преступности и наделены в этой связи определенными правами и обязанностями. Особенностью деятельности указанных субъектов является их способность воздействовать на то, что составляет объект предупреждения преступности: детерминанты преступности, места концентрации лиц с социально-отклоняющимся правонарушающим и преступным поведением, социальные группы и личности, воспроизводящие преступность.

Дифференциация задач и функций субъектов предупреждения преступности определяется положением и ролью конкретного субъекта в социально-политическом механизме общества, характером детерминант преступности (причин, условий, факторов) в целом и отдельных ее видов применительно к различным регионам, сферам общественной жизни, разным социальным группам населения.

Констатируя, что субъекты предупредительной деятельности отличаются друг от друга по характеру выполняемых ими функций, можно утверждать, что содержание этих функций во многом определяется спецификой объекта предупреждения.

В криминологической литературе приводятся различные классификации субъектов предупредительной деятельности¹.

Так, по месту в государственной и общественной системе субъекты предупреждения могут быть классифицированы следующим образом:

– государственные (федеральные и субъектов федерации), муниципальные;

– неправительственные (негосударственные и немунципальные), в том числе коммерческие и некоммерческие, общественные объединения и специализированные формирования;

– граждане².

Исследователи выделяют специализированные субъекты, для которых предупреждение является основной задачей, и неспециализированные, для которых задачи предупреждения преступности производны от основных³.

В.С. Овчинский выделяет три группы субъектов предупреждения преступности: субъекты, ведущие непосредственно индивидуальную профилактику; субъекты, осуществляющие профилактику в ходе выполнения своих контрольных и правоохранительных функций; субъекты, занятые преимущественно руководством или координацией деятельности по предупреждению преступлений⁴.

Отметим, что, независимо от существующих в криминологической литературе классификаций, практически все исследователи признают субъектами предупредительной деятельности по сути одни и те же органы (организации). При этом очевидно, что субъектами общесоциального предупреждения преступности являются все институты гражданского общества, государство

¹ См.: Алексеев А.И. Криминология : курс лекций. М., 1998. С. 133–149; Криминология : учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М., 2004. С. 201–208 и др.

² Криминология : учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М., 2004. С. 202.

³ См.: Алексеев А.И. Криминология : курс лекций. М., 1998. С. 133.

⁴ См.: Криминология / под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Кудрявцева. М., 1995. С. 109.

в целом. Что же касается специально-криминологического предупреждения, то исследователи выделяют ряд конкретных субъектов, как государственных, так и негосударственных, специализированных и неспециализированных, которые различаются и по другим признакам.

К специализированным субъектам предупреждения преступности, для которых функция предупреждения является основной либо профилирующей, относятся как государственные, так и негосударственные субъекты. Среди государственных ведущее место принадлежит органам уголовной юстиции.

К неспециализированным государственным субъектам относятся органы законодательной и исполнительной власти, органы государственного контроля (например, Федеральная налоговая служба, Федеральная антимонопольная служба и др.), органы местного самоуправления, особенно в масштабе района, города. Среди других неспециализированных субъектов можно выделить общественные объединения и формирования. Кроме того, субъектами индивидуального предупреждения могут выступать семья, трудовые и учебные коллективы.

6.4. Система государственных субъектов предупреждения преступности и основные направления их деятельности

Система государственного предупреждения преступности в Российской Федерации строится в соответствии с положением Конституции РФ о разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную, которые являются самостоятельными (ст. 10 Конституции РФ).

Суть принципа разделения власти проявляется в двух аспектах. Первый – функциональный. Каждая ветвь власти специализируется на выполнении полномочий в сфере правотворчества, правореализации или правосудия, становясь специалистом в своей сфере, осуществляя функции квалифицированно, качественно. Разделение властей позволяет сделать работу государственных органов квалифицированно, качественно. Однако смысл разделения властей не сводится просто к разделению труда по осуществлению всех prerogatives государственной власти.

Второй аспект – ограничительный. Разделение власти призвано создать такую систему государственных органов, в рамках которой не допускается узурпация власти, но представляется возможность обезопасить тех, кем осуществляется руководство. Любое средство, которое оказывает содействие такому состоянию, является элементом разделения власти.

Говоря о разграничении властных полномочий, отметим, что каждый орган государственной власти должен иметь свой собственный, уникальный набор полномочий. Дублирование функций приводит к возникновению правовых и социальных коллизий, что негативно отражается на качестве права и жизнедеятельности людей.

Разделение власти должно сопровождаться системой сдержек и противовесов, набор элементов которых закрепляется в Конституции.

Законодательная власть – Федеральное Собрание Российской Федерации – создает, изменяет, совершенствует законодательную основу предупреждения преступности. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации назначает на должность судей Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, назначает на должность и освобождает от должности Генерального прокурора Российской Федерации и заместителей Генерального прокурора Российской Федерации, назначает выборы Президента Российской Федерации, решает вопрос о возможности использования Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами ее территории и др. (ст. 102 Конституции РФ).

К ведению Государственной Думы относятся: дача согласия Президенту Российской Федерации на назначение Председателя Правительства Российской Федерации; назначение на должность и освобождение от должности Председателя Счетной палаты и половины состава ее аудиторов; назначение на должность и освобождение от должности Уполномоченного по правам человека, действующего в соответствии с федеральным конституционным законом; объявление амнистии (ст. 103 Конституции РФ).

В соответствии со ст. 105 Конституции РФ федеральные законы принимаются Государственной Думой, а в статье 104 Конституции РФ закреплено положение, в соответствии с которым право законодательной инициативы принадлежит Президенту Российской Федерации.

Федерации, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду Российской Федерации и Верховному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения.

Огромное значение для решения проблем предупреждения преступности имеет деятельность региональных органов законодательной власти, которые принимают соответствующие региональные законы, иные нормативно-правовые акты с учетом специфики местных условий жизнедеятельности населения, проживающего в конкретном регионе страны.

Исполнительная власть Российской Федерации осуществляется Правительством Российской Федерации, которое состоит из Председателя Правительства Российской Федерации, назначаемого Президентом Российской Федерации с согласия Государственной Думы, заместителей Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров. В соответствии с п. «е» ст. 114 Конституции РФ Правительство Российской Федерации осуществляет меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью. В состав правительства входят федеральные министерства, возглавляющие соответствующие министерства, службы, принимающие непосредственное участие в предупреждении преступности: Министерство внутренних дел, Министерство юстиции, Федеральная служба безопасности, Федеральная служба охраны, Министерство обороны, Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков и др.

Применительно к предупреждению преступности роль и значение исполнительной власти трудно переоценить. Объективное превосходство данной ветви власти над другими обуславливается ее мобильностью, динамичностью, гибкостью, оперативностью. Кроме того, исполнительная власть носит универсальный характер. В определенных пределах она осуществляет правотворческую и правоприменительную деятельность, поскольку располагает большими возможностями воздействия на все другие государственные

структуры, прежде всего на парламент, активно участвуя в законодательном процессе.

Судебная власть в Российской Федерации осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом (ст. 118 Конституции РФ). В соответствии со ст. 120 Конституции РФ судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону. Судьи несменяемы и неприкосновенны (ст.ст. 121, 122 Конституции РФ).

Особая роль отводится *Президенту Российской Федерации*, который является главой государства и в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами определяет основные направления его внутренней и внешней политики (ст. 80 Конституции РФ). Президент Российской Федерации представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения судей Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, назначает судей других федеральных судов, представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность Генерального прокурора Российской Федерации и его заместителей, вносит предложения в Совет Федерации об освобождении от должности Генерального прокурора Российской Федерации, а также иных прокуроров, кроме прокуроров городов, районов и приравненных к ним прокуроров. В соответствии со ст. 84 Конституции РФ Президент Российской Федерации назначает референдум в порядке, установленном федеральным конституционным законом, вносит законопроекты в Государственную Думу, обращается к Федеральному Собранию с ежегодными посланиями о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства. В соответствии с федеральным законом от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» Президент Российской Федерации может выносить предупреждение законодательному органу субъекта Российской Федерации или высшему должностному лицу субъекта РФ. В случае игнорирования вынесенного предупреждения Президент РФ отрешает высшее

должностное лицо от должности или вносит в Государственную Думу РФ проект закона о роспуске законодательного органа власти субъекта РФ. В соответствии со ст. 89 Конституции РФ Президент Российской Федерации осуществляет помилование.

Среди органов уголовной юстиции, осуществляющих деятельность по предупреждению преступности, особое место занимает *прокуратура*. Большое значение в предупреждении преступности имеют следующие направления деятельности прокуратуры:

- осуществление прокурорского надзора;
- участие в судебном рассмотрении уголовных дел;
- рассмотрение и разрешение поступивших в прокуратуру заявлений, жалоб, обращений;
- координация деятельности субъектов предупреждения преступности;
- участие в правотворческой деятельности;
- участие в правовой пропаганде.

Прокуратура выполняет предупредительные функции, прежде всего, в процессе решения своих основных задач. Осуществляя общий надзор за исполнением законов органами местной власти и управления, юридическими лицами, общественными организациями, должностными лицами и гражданами, прокуратура обязана восстанавливать нарушенную законность, используя для этого предусмотренные в законе формы: опротестовывать незаконные решения; выдавать предложения по устранению нарушений закона; возбуждать в отношении нарушителей законности дисциплинарное, административное или уголовное производство; выносить предостережение о недопустимости нарушения закона.

В порядке надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, прокурор в необходимых случаях побуждает конкретных должностных лиц к установлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и принятию мер по их устранению.

Особо важное значение имеет прокурорский надзор в сфере ранней профилактики преступлений и правонарушений, поскольку именно эта профилактика дает наиболее высокий результат. В этой

связи отметим, что прокурорский надзор должен быть направлен на активизацию профилактики в деятельности образовательных учреждений разных видов (школ, лицеев, гимназий, ПТУ и т.д.) и других органов системы образования. Такой надзор должен распространяться как на органы и должностных лиц образовательных учреждений, осуществляющих воспитательные и образовательные функции, так и на лиц, подлежащих воспитанию и обучению. Безусловно, в сфере ранней профилактики большое значение имеет прокурорский надзор за соблюдением законодательных актов о воспитании несовершеннолетних, борьбе с безнадзорностью и правонарушениями несовершеннолетних.

С учетом существования в России разных форм собственности прокуроры должны осуществлять надзор за соблюдением конституционных положений об охране детства, запрещении детского труда, не связанного с обучением и трудовым воспитанием, за соблюдением законодательства о труде и охране прав несовершеннолетних, а также противодействовать незаконному отвлечению учащихся от учебы.

Осуществление надзора в сфере ранней профилактики направлено прежде всего на предупреждение преступности несовершеннолетних, что является сегодня для России очень актуальной проблемой.

Предупреждение рецидивной преступности достигается в процессе осуществления надзора за исполнением законов органами, исполняющими наказание и меры, их заменяющие (меры уголовно-правового воздействия), в том числе в местах лишения свободы, а также осуществляющими контроль и социальную адаптацию лиц, отбывших наказание.

На органы прокуратуры возложена *обязанность по координации деятельности правоохранительных органов в предупреждении преступности*. Решая эту задачу, прокуратура должна опираться на научный анализ криминогенной обстановки в регионе и на основе прогноза преступности организовать разработку программы предупреждения преступности на местном уровне.

Важным направлением в предупреждении преступлений органами прокуратуры является их участие в *правотворческой деятельности*.

В соответствии с действующим законодательством прокурор при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования действующих нормативных правовых актов вправе вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, соответствующего и нижестоящего уровней предложения об отмене или принятии законов и иных нормативных правовых актов.

Наконец, работники прокуратуры способствуют предупреждению преступности путем осуществления правовой пропаганды среди населения, которая основывается на анализе результатов деятельности прокуратуры и других правоохранительных органов.

Большая роль в предупреждении преступности принадлежит суду. Основными направлениями этой деятельности являются:

- 1) правовое и нравственное воздействие на участников судебного процесса, иных граждан, присутствующих при судебном разбирательстве;
- 2) выявление судом причин и условий совершения преступлений в процессе судебного следствия;
- 3) координация судом своей профилактической деятельности с деятельностью других субъектов профилактики;
- 4) участие в правовой пропаганде среди населения.

Очевидно, первое направление деятельности суда можно рассматривать в качестве основного, поскольку само рассмотрение гражданских и уголовных дел играет большую предупредительную роль.

Основной формой предупреждения, в которой реализуется первое направление, является собственно *судебный процесс*. Суд может так организовать подготовку и проведение судебного заседания, чтобы одновременно с решением своей основной задачи – правильного применения закона при рассмотрении конкретного дела – максимально способствовать и решению задачи предупреждения преступлений.

При осуществлении судебного процесса необходима достаточная его убедительность, которая формирует отношение окружающих к судебному решению как к обоснованному и справедливому. Достигнуть этого суд может в результате полного и всестороннего рассмотрения уголовного дела. Не последнюю роль в этом играют

выступления в суде общественного обвинителя и общественного защитника.

Сам ход судебного разбирательства (процесса) воздействует на правосознание подсудимого и других граждан. В этом отношении в научной литературе выделяются две стороны профилактической деятельности суда: частная и общая превенция. Возможности суда по частному предупреждению объективно ограничены потому, что непосредственное воздействие на подсудимого чаще всего осуществляется в течение непродолжительного времени. Однако исследователи отмечают, что эффективность частного предупреждения зависит от уровня культуры судебного процесса, точного соответствия наказания вине подсудимого, справедливости судебного решения¹.

Второе направление деятельности суда по предупреждению преступлений состоит в *выявлении причин и условий совершения преступлений и воздействия суда на них*. На практике воздействие суда на причины и условия чаще всего осуществляется в форме вынесения частных определений. По своему значению частные определения считаются одним из наиболее эффективных способов предупреждения преступлений. Однако, говоря так, нужно иметь в виду только те частные определения, которые в своей основе имеют вскрытые судом причины и условия, способствовавшие совершению преступлений. К сожалению, на практике часто приходится сталкиваться с тем, что частные определения носят неконкретный формальный характер.

Важным является вопрос об установлении контроля за исполнением вынесенных судом частных определений. Это связано с двумя обстоятельствами: во-первых, с нарушением сроков ответов на вынесенные частные определения, во-вторых, с формальностью получаемых судом ответов.

Одним из важных направлений предупредительной деятельности суда следует считать его *деятельность по координации работы с другими правоохранительными органами*. В этом плане у суда должны быть устойчивые информационные связи с органами

¹ См.: Симкин Л.С. Уголовная политика и совершенствование судебной деятельности // Советское государство и право. 1986. № 5. С. 61.

следствия, органами, исполняющими уголовные наказания, общественными организациями, средствами массовой информации и другими субъектами, осуществляющими предупредительную деятельность.

Анализ практики позволяет говорить о том, что в настоящее время такие связи очень слабы и причиной тому является слабая организация деятельности самого суда. Отчасти данное положение можно объяснить перегруженностью судов делами, требующими рассмотрения. Вместе с тем данное объяснение нельзя рассматривать в качестве оправдания.

Наиболее широко применяемыми формами координации предупредительной деятельности являются межведомственные и координационные совещания, методические советы и другие организационные мероприятия, направленные на обеспечение согласованности совместных усилий многих органов, учреждений, негосударственных объединений, осуществляющих различные функции в борьбе с преступностью. Помимо работников правоохранительных органов, в работе совещаний, советов принимают участие представители органов государственного и муниципального управления, депутаты разных уровней и другие заинтересованные лица. Именно на таких совещаниях осуществляется работа по выработке согласованных мер борьбы с преступностью, обсуждаются проекты местных нормативных актов, направленных на борьбу с преступностью, обсуждаются основные положения региональных программ борьбы с преступностью и т.п.

Представляется, что очень важным для повышения предупредительной деятельности суда является *улучшение его информационных связей со средствами массовой информации*, которые играют большую роль в механизме формирования правового сознания населения и способны эффективно содействовать решению задач предупреждения преступлений. В этой связи суды должны давать информацию не столько о конкретных уголовных делах, рассмотренных ими, сколько о преступности в целом, о тех социальных явлениях негативного характера, которые уже проявили себя или только зарождаются. Безусловно, в средствах массовой информации должна также быть представлена информация о раскрытии преступлений, имеющих большой общественный резонанс.

К сожалению, приходится констатировать, что информация о преступности, ее основных характеристиках подается в основном из одного ведомства – МВД РФ, которое стало монополистом такой информации и часто представляет ее односторонне, исходя из своих интересов.

Взаимодействуя со средствами массовой информации, суды могут использовать их базу для осуществления *деятельности по правовой пропаганде среди населения*. Данная деятельность суда приобретает особо важное значение в современный период, поскольку в России происходит правовая реформа, суть которой необходимо разъяснять гражданам.

Федеральная служба безопасности наделена широкими полномочиями в осуществлении предупредительной деятельности. К ее основным задачам и функциям, определенным федеральным законом «О Федеральной службе безопасности» отнесены нейтрализация враждебной деятельности иностранных служб и отдельных лиц, защита государственной тайны и секретов, информирование руководства страны об угрозе безопасности России. ФСБ России располагает аппаратом следствия и на основе норм уголовно-процессуального закона осуществляет выявление причин и условий, способствовавших совершению преступлений. Совместно с другими органами Федеральная служба безопасности должна бороться с организованной преступностью, коррупцией и т.д.

Большая роль в предупреждении рецидивной преступности принадлежит *Федеральной службе исполнения наказаний*. Организация исполнения наказаний, контроль за исполнением наказаний имеют огромное значение в деле предупреждения преступности. Причем важность эффективной работы этой службы обуславливается еще и тем, что ее подразделения имеют дело с совершенно разными по своей общественной опасности преступниками: и с теми, кто по приговору суда находится в исправительных и воспитательных колониях, и с теми, кому суд назначил иные виды наказания, и с теми, к кому суд применил меры уголовно-правового воздействия, не являющиеся наказанием. В этой связи роль в предупреждении рецидивной преступности уголовно-исполнительных инспекций, исправительных и воспитательных колоний трудно переоценить.

Так, уголовно-исполнительные инспекции исполняют некоторые виды наказаний (например, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы), осуществляют контроль за поведением условно осужденных, а также лиц, к которым применена отсрочка отбывания наказания: беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей.

В соответствии с Положением об уголовно-исполнительных инспекциях, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 16.06.1997 г. № 729, инспекции осуществляют взаимодействие:

- а) с подразделениями органов внутренних дел;
- б) с администрациями предприятий, учреждений и организаций, в которых работают осужденные;
- в) с органами местного самоуправления;
- г) с органами прокуратуры;
- д) с судебными органами;
- е) с общественными объединениями.

Задача предупреждения преступлений и правонарушений предусмотрена абз. «в» п. 4 Положения об уголовно-исполнительных инспекциях.

Исправительные и воспитательные колонии решают те же задачи, которые стоят перед уголовно-исполнительной системой в целом. К ним относятся:

- исполнение уголовных наказаний в виде лишения свободы;
- обеспечение правопорядка и законности в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, безопасности содержащихся в них осужденных, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на территории этих учреждений;
- привлечение осужденных к труду, а также обеспечение их общего и профессионального обучения;
- обеспечение охраны здоровья осужденных;
- содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность¹.

¹ См.: Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

Выполнение этих задач направлено на достижение целей уголовно-исполнительного законодательства РФ: исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (ч. 1 ст. 1 УПК РФ).

Основными средствами исправления осужденных являются: режим, воспитательная работа, общественно-полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие (ч. 2 ст. 9 УПК РФ).

Надлежащая организация процесса отбывания наказания в местах лишения свободы, подготовка осужденных к освобождению имеют огромное значение в предупреждении рецидивной преступности и реализации мер постпенитенциарного воздействия, применяемых к осужденным после освобождения.

Огромная роль в предупреждении преступности принадлежит полиции.

Основными направлениями деятельности полиции в соответствии с Федеральным законом «О полиции» являются:

1) защита личности, общества, государства от противоправных посягательств;

2) предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений;

3) выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам;

4) розыск лиц;

5) производство по делам об административных правонарушениях, исполнение административных наказаний;

6) обеспечение правопорядка в общественных местах;

7) обеспечение безопасности дорожного движения;

8) контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия;

9) контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации в области частной детективной (сыскной) и охранной деятельности;

10) охрана имущества и объектов, в том числе на договорной основе;

11) государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, судей, прокуроров, сле-

дователей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также других защищаемых лиц;

12) осуществление экспертно-криминологической деятельности.

В соответствии со ст. 4 ФЗ «О полиции» полиция является составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнения власти в сфере внутренних дел. В состав полиции могут входить подразделения, организации и службы, создаваемые для выполнения возложенных на полицию обязанностей.

Каждое подразделение полиции занимается своим направлением предупреждения преступности и имеет свои типичные для них объекты предупреждения.

Важная роль в предупреждении преступности принадлежит подразделениям уголовного розыска.

В соответствии со ст. 2 закона РФ от 13 марта 1992 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» предупреждение преступлений является одной из основных задач *уголовного розыска*. Однако эта задача решается в процессе реализации уголовным розыском иных основных задач, являющихся доминирующими для этой службы: выявления, пресечения и раскрытия преступлений, а также лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, осуществления розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, без вести пропавших граждан.

Наибольшее профилактическое значение в деятельности уголовного розыска имеют следующие направления:

1. Оперативно-розыскные мероприятия, которые проводятся с целью привлечения виновных в совершении преступлений к уголовной ответственности, пресечения предварительной преступной деятельности, склонения к добровольному отказу лиц, осуществляющих эту деятельность.

2. Выявление причин и условий конкретных преступлений, их устранение. Источниками выявления этих причин и условий могут служить:

– результаты анализа оперативной обстановки на обслуживаемой территории;

– материалы уголовных дел;

- сведения, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности;
- данные административной практики;
- информация печати, радио телевидения;
- сообщения должностных лиц, общественности, отдельных граждан и т.д.

3. Работа с лицами, состоящими на оперативном учете. В информационной системе уголовного розыска содержатся сведения о лицах, которые состоят под административным надзором, проходят по делам оперативного учета, осуждены к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, осуждены условно, употребляют наркотики и т.д. Формы работы с этими лицами могут быть различными:

- воспитательные беседы;
- воспитательное воздействие через администрацию организаций, где они работают, общественные организации, где они состоят;
- привлечение для воспитательного воздействия родственников, знакомых, которые пользуются авторитетом у этих лиц;
- помощь в бытовом и трудовом устройстве;
- привлечение к профилактической работе сотрудников других служб, подразделений полиции;
- использование для воспитательного воздействия агентов и доверенных лиц;
- принятие мер к оздоровлению бытового и неформального окружения этих лиц.

4. Работа с группами, состоящими на оперативном учете. На учет ставятся преступные группы и группы, сформированные на антиобщественной основе. Профилактическая работа должна проводиться как с группой в целом с целью ее переориентации на правомерную деятельность или разобщения, так и с отдельными ее участниками.

5. В соответствии с указом Президента РФ № 1316 от 6 сентября 2008 г. «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» на подразделения уголовного розыска полиции возложены функции по борьбе с организованной преступностью общеуголовной направленности.

6. Работа с гражданами (агентами, доверенными лицами), оказывающими содействие уголовному розыску в осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Эти лица могут быть использованы для предупреждения конкретных преступлений, оперативного обслуживания мест сбыта добытого преступным путем имущества, мест сбора лиц с преступным и антиобщественным поведением и т.д.

7. Участие работников УР в правовой пропаганде среди граждан. Это могут быть публичные выступления непосредственно перед гражданами (по месту жительства, в трудовых коллективах, клубах и т.д.), публикации в средствах массовой информации, индивидуально-групповые беседы. Пропаганда должна быть регулярной, основываться на конкретных примерах, призывать оказывать гражданам помощь в борьбе с преступностью.

В предупреждении экономических преступлений важную роль играют *подразделения борьбы с экономическими преступлениями* (БЭП). Используя специфические средства и методы, в том числе оперативно-экономический анализ, сотрудники данных подразделений изучают развитие криминогенных процессов в ведущих хозяйственных сферах (кредитно-финансовая, внешнеэкономическая, аграрного комплекса и др.) и вырабатывают меры упреждающего характера. По фактам вскрытых хищений, хозяйственных и должностных преступлений сотрудники БЭП информируют органы государственной власти и управления, хозяйственных руководителей о необходимости устранения причин и условий, способствующих совершению экономических преступлений. Кроме того, в соответствии с указом Президента РФ № 1316 от 6 сентября 2008 г. «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» на эти подразделения возложены функции по борьбе с коррупцией и организованной преступностью экономической направленности.

Сотрудники БЭП осуществляют взаимодействие с другими подразделениями полиции, органами государственной безопасности, налоговой службой, службой по антимонопольной политике.

Аппарат БЭП активно взаимодействует со средствами массовой информации, с помощью которых влияет на формирование правового сознания населения.

Органы дознания и предварительного следствия осуществляют деятельность по предупреждению преступности, руководствуясь установленным в законе положением об обязательном рассмотрении заявлений и сообщений о преступлениях (ст. 144 УПК РФ), при строгом соблюдении установленных сроков их рассмотрения. Важность выполнения установленных в законе положений определяется тем, что отсутствие реагирования либо запоздалое реагирование правоохранительных органов на совершенное преступление может привести к новым преступлениям со стороны лиц, ранее их совершивших, формированию у них комплекса безнаказанности.

Выяснение следователем, лицом, производящим дознание, обстоятельств дела имеет большое предупредительное значение, это важно как для правильной квалификации содеянного, так и при определении наказания судом.

Немалое значение в предупреждении преступлений имеет правильный, т.е. обоснованный и целесообразный в каждом конкретном случае, выбор меры пресечения к лицу, совершившему преступление.

Важнейшими направлениями предупреждения преступлений следственными аппаратами и подразделениями дознания являются выявление ими причин и условий, способствовавших совершению преступлений, и внесение в соответствующие государственные органы, общественные объединения, должностным лицам представлений о принятии мер по их устранению. Наряду с этим они ведут предупредительную работу в непроцессуальных формах: проводят беседы, лекции, выступают в средствах массовой информации на правовые темы, тем самым способствуя формированию общественного правового сознания.

На базе *подразделений по борьбе с организованной преступностью* в соответствии с Указом Президента № 1316 от 6 сентября 2008 г. созданы: 1) подразделения по противодействию экстремизму, с возложением на них функций по противодействию экстремистской деятельности; 2) подразделения по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, с возложением на них функций по применению мер безопасности в целях защиты жизни и здоровья лиц, подлежащих государственной защите, а также по обеспечению сохранности их имущества.

Большая роль в предупреждении преступности принадлежит службе участковых инспекторов, подразделениям патрульно-постовой службы, лицензионно-разрешительной службы, государственной инспекции безопасности дорожного движения, вневедомственной охраны, подразделениям по делам несовершеннолетних.

Для службы *участковых инспекторов полиции*, которая входит в систему профилактики правонарушений, предупреждение преступлений является одним из основных видов деятельности. Профилактическая деятельность участковых инспекторов состоит в следующем:

1) выявление, в отдельных случаях постановка на учет лиц, совершивших преступления, правонарушения, антиобщественные поступки (граждан, употребляющих наркотики, злоупотребляющих спиртным, устраивающих семейные дебоши, подростков, убегающих из дома и т.д.);

2) обеспечение наблюдения за поведением этих лиц в целях принятия своевременных превентивных мер (например, доставление на медицинское обследование лиц, употребляющих наркотики, оказание содействия в госпитализации на стационарное лечение тех из них, которые страдают психическими отклонениями и т.д.), проведение с этими лицами индивидуально-воспитательной работы, по указанию начальника ОВД доставление в горрайорган лиц для регистрации и официального предостережения о необходимости прекращения антиобщественного поведения, обеспечение привлечения этих лиц к уголовной и административной ответственности;

3) выявление и учет лиц, освободившихся из мест лишения свободы, осужденных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, проведение с ними индивидуально-воспитательной работы, оказание помощи в бытовом и трудовом устройстве;

4) осуществление административного надзора за освобожденными из мест лишения свободы;

5) участие в целевых рейдах, целевых проверках мест отдыха, других объектов, в общепрофилактических мероприятиях на административном участке;

6) участие в правовой пропаганде среди населения.

В нормативных документах МВД РФ подчеркивается, что основные усилия участковых инспекторов должны быть направлены

на индивидуально-профилактическую работу с лицами, склонными к правонарушениям, на укрепление связей с населением.

Патрульно-постовая служба предупреждает преступления на постах и маршрутах патрулирования. Осуществляя патрульно-постовую службу, сотрудники полиции проверяют наиболее вероятные места совершения преступлений, укрытия и концентрации лиц с устойчивым криминогенным поведением, выявляют условия, способствующие совершению преступлений на улицах, в других общественных местах, и информируют об этом дежурного ОВД.

Сотрудники ГИБДД контролируют техническую исправность автотранспорта и состояние дорог, устанавливают и поддерживают безопасный режим дорожного движения, обеспечивают допуск к управлению автотранспортными средствами лиц, имеющих соответствующую подготовку и водительские удостоверения, принимают меры административного взыскания к нарушителям правил дорожного движения.

Подразделения ГИБДД проводят, в том числе с использованием средств массовой информации, предупредительную работу по угонам и кражам автотранспорта, взаимодействуют с другими подразделениями полиции по предупреждению угонов и краж автотранспорта, выявляют причины и условия, способствующие совершению дорожно-транспортных происшествий, нарушению правил дорожного движения, иных противоправных действий в сфере дорожного движения, принимают меры в пределах своей компетенции по их устранению.

Подразделения ГИБДД ведут большую разъяснительную работу среди населения, особенно среди несовершеннолетних, направленную на уяснение и соблюдение правил дорожного движения, на позитивное поведение на дорогах.

Подразделения лицензионно-разрешительной службы и контроля за частной детективной и охранной деятельностью в соответствии с законодательством выдают организациям, предприятиям и учреждениям разрешение на приобретение, хранение и перевозку огнестрельного оружия, боеприпасов к нему, взрывчатых материалов. Они выдают гражданам в установленном порядке разрешения на приобретение, хранение гражданского оружия, осуществляя его перерегистрацию. Обеспечивая контроль за частной

детективной и охранной деятельностью сотрудники подразделения выявляют охранно-сыскные предприятия, службы безопасности и конкретных лиц, оказывающих услуги клиентам без получения лицензии и регистрации в соответствующих органах, принимают меры по пресечению их незаконной деятельности. Они обеспечивают надлежащий контроль за использованием в частной детективной и охранной деятельности огнестрельного оружия и специальных средств, порядок их приобретения и хранения в соответствии с действующим законодательством.

Подразделения по делам несовершеннолетних реализуют свою предупредительную деятельность с учетом требований Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, специализации полиции и создания специальных подразделений по делам несовершеннолетних, и положений федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», в котором определены подходы к решению проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних с учетом международно-правовых документов.

В соответствии со ст. 21 закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» подразделения по делам несовершеннолетних проводят индивидуальную профилактическую работу с несовершеннолетними:

– употребляющими наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо употребляющими одурманивающие вещества;

– совершившими правонарушения, которые повлекли за собой применение мер административного воздействия;

– совершившими правонарушения до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность;

– освобождаемыми от уголовной ответственности по основаниям, указанным в законе;

– не подлежащими уголовной ответственности в связи с недостижением возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством;

– обвиняемыми или подозреваемыми в совершении преступлений, в отношении которых избраны меры пресечения, не связанные с заключением под стражу;

– условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания, освобожденными от наказания вследствие акта амнистии или в связи с помилованием;

– получившими отсрочку отбывания наказания или отсрочку исполнения приговора;

– освобожденными из учреждений уголовно-исполнительной системы, вернувшимися из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа, если они в период отбывания в указанных учреждениях допускали нарушения режима, совершали противоправные деяния и (или) после освобождения (выпуска) находятся в социально опасном положении и (или) нуждаются в социальной помощи и (или) реабилитации;

– осужденными за совершение преступлений небольшой или средней тяжести и освобожденными судом от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия;

– осужденными условно, осужденными к обязательным работам или иным мерам наказания, не связанным с лишением свободы;

– другими несовершеннолетними при необходимости предупреждения совершения ими правонарушений и с согласия начальника органа внутренних дел или его заместителя.

На наш взгляд, законодательное определение столь широкого круга несовершеннолетних, с которыми ПДН должны осуществлять предупредительную работу, представляется нецелесообразным. Столь широкое определение объекта предупреждения во многом предопределяет низкую результативность осуществляемой деятельности.

В современной педагогической науке не вызывает споров положение, в соответствии с которым работать сколь-нибудь результативно с большим количеством разных по возрасту и направленности поведения (в большинстве случаев «трудных», педагогически запущенных) подростков крайне сложно, и ожидать сколь-нибудь положительный результат от такой деятельности

довольно трудно, особенно с учетом многофункционального характера деятельности субъектов воспитания¹.

Все сказанное выше в полной мере относится и к ПДН, которые, помимо осуществления индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, обязаны выполнять и другие функции, закрепленные за ними в законе о профилактике. В частности, подразделения по делам несовершеннолетних:

- проводят индивидуальную профилактическую работу с родителями или законными представителями несовершеннолетних, не выполняющими своих обязанностей по воспитанию, обучению и (или) содержанию несовершеннолетних и (или) отрицательно влияющими на их поведение либо жестоко обращающимися с ними;

- выявляют лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступления и (или) антиобщественных действий, совершающих в отношении несовершеннолетних другие противоправные деяния, а также лиц, не исполняющих или ненадлежащим образом исполняющих обязанности по воспитанию, обучению и (или) содержанию несовершеннолетних, и в установленном порядке вносят предложение о применении к ним мер, предусмотренных законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации;

- осуществляют в пределах своей компетенции меры по выявлению несовершеннолетних, объявленных в розыск, несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства, и в установленном порядке направляют таких лиц в соответствующие органы или учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних либо в иные учреждения;

- рассматривают заявления и сообщения об административных правонарушениях несовершеннолетних, общественно опасных деяниях несовершеннолетних, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность, а также о неисполнении их родителями или законными представителями либо должностными

¹ См.: Управление в образовании. Проблемы и подходы : практическое руководство / под ред. П. Карстанье, К. Ушакова. М. 1995; Ушаков К.М. Ресурсы управления школьной организацией. М., 2000. С. 51–54.

лицами обязанности по воспитанию, обучению и (или) содержанию несовершеннолетних;

- участвуют в подготовке материалов в отношении подростков для рассмотрения возможности их помещения в центры временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел;

- участвуют в подготовке материалов, необходимых для внесения в суд предложений о применении к несовершеннолетним, их родителям или законным представителям мер воздействия, предусмотренных законодательством Российской Федерации и (или) законодательством субъектов Российской Федерации;

- вносят в уголовно-исполнительные инспекции органов юстиции предложения о применении к несовершеннолетним, контроль за поведением которых осуществляют указанные учреждения, мер воздействия, предусмотренных законодательством Российской Федерации и (или) законодательством субъектов Российской Федерации;

- информируют заинтересованные органы и учреждения о безнадзорности, правонарушениях и антиобщественных действиях несовершеннолетних, причинах и условиях, этому способствующих;

- принимают участие в установленном порядке в уведомлении родителей или законных представителей несовершеннолетних об их доставлении в ПДН в связи с безнадзорностью, беспризорностью, совершением ими правонарушений или антиобщественных действий.

Анализ определенных в законе функций ПДН показывает, что большая их часть направлена на реализацию различных форм контроля за поведением несовершеннолетних, состоящих на учете. Однако использование преимущественно контрольных форм предупреждения преступлений может в определенных случаях выступать в качестве «катализатора» как антиобщественного, так и преступного поведения несовершеннолетних. Поскольку только контроль без идущего параллельно (рядом) воспитания, основанного на использовании форм совместной деятельности, может усилить процесс отторжения несовершеннолетнего от лиц, проводящих с ним индивидуальную профилактическую работу, и способствовать поиску несовершеннолетним новых отношений с людьми, с кото-

рыми он будет чувствовать себя более комфортно и свободно. Практика показывает, что нередко такой поиск заканчивается попаданием несовершеннолетнего в среду себе подобных и совершением преступления.

Слишком широкое определение предмета предупредительной деятельности ПДН, расширение функциональных обязанностей работников этой службы ведомственными нормативными актами, их систематическое отвлечение руководством полиции от выполнения их непосредственных функций обуславливает *формирование у работников ПДН позиции избегания в осуществлении собственно предупредительной деятельности*. То есть на практике происходит то, что должно происходить, поскольку возможность любого органа анализировать информацию, учитывать ее при принятии решений неограниченны. Перегрузка неизбежно ведет к выделению сравнительно узкого круга особо значимых, приоритетных параметров и совокупности прочих, формальное управление которыми приобретает главным образом ритуальный характер.

Отделы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков полиции имеют объектом своей деятельности лиц и преступные группы, деятельность которых связана с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Предметом предупреждения незаконного оборота наркотических средств является комплекс общественно-правовых отношений, направленных на предупреждение наркопреступности и наркомании среди населения.

Деятельность по предупреждению незаконного оборота наркотических средств должна быть направлена на выявление, устранение либо ослабление, ограничение или нейтрализацию неблагоприятных факторов формирования личности, затрудняющих процесс нормальной ее социализации, выявление и пресечение начавшегося процесса асоциального формирования личности и ее коррекцию, недопущение перехода на преступный путь лиц с явной антиобщественной направленностью, предупреждение совершения наркопреступлений лицами, ранее совершавшими преступления.

Деятельность по предупреждению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, является частью политики государства по национальной безопасности и имеет следующие

цели: сокращение и качественное изменение основных криминологических характеристик наркопреступности; способствование созданию и укреплению в обществе атмосферы спокойствия и стабильности; устранение причин и условий данного вида преступности; обеспечение достижения целей уголовного наказания в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и их ресоциализацию; оказание влияния на негативные элементы их непосредственного социального окружения (неформальная микросреда), воздействующего на формирование антиобщественной позиции личности и мотивацию ее преступного поведения.

6.5. Правовые основы предупреждения преступности

Предупреждение преступности предполагает такое развитие экономической, политической, социальной сфер, которое бы способствовало устранению либо нейтрализации негативных сторон общественной жизни, способных проявиться в качестве детерминант преступности. Такая организация общественной жизни должна быть обеспечена надлежащим правовым регулированием, поскольку известно, что право является важным регулятором социального развития, общественных отношений, в том числе и тех, которые складываются в сфере предупреждения преступности.

Отметим, что для данного вида социальной практики огромное значение имеет позитивное регулирование правом нормального хода общественной жизни. Нормами конституционного, гражданского, семейного, трудового и других отраслей права стимулируется социально полезное поведение людей, закрепляются такие общественные отношения, которые по своей сути противостоят преступности, устраняют либо нейтрализуют действия ее детерминант. Можно утверждать, что право способствует реализации антикриминогенного потенциала общества в целом и отдельных его институтов. Действие антикриминогенных факторов, будучи в той или иной степени урегулированным нормами права, осуществляется применительно к задачам предупреждения преступности не стихийно, а целенаправленно, т.е. как составная часть научно обоснованного управления социальными процессами.

Огромное значение в предупреждении преступности имеют нормы международного права. К ним прежде всего относятся Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью.

Базисное значение для правового обеспечения предупреждения преступности имеет ряд положений Конституции РФ. Так, ст. 2 Конституции провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью и устанавливает обязанность государства по их соблюдению и защите. Исполнение этой фундаментальной обязанности осуществляется разными способами, в том числе путем предупреждения государственными органами уголовно наказуемых посягательств на права и свободы граждан. В гл. 2 Конституции РФ конкретизируются права и свободы человека и гражданина, а также предусматриваются гарантии их осуществления, средства защиты, допустимые ограничения, устанавливается статус личности, из которого должны исходить все государственные и общественные органы, осуществляя любой вид деятельности, включая предупреждение преступности.

Согласно Конституции РФ при проведении предупредительных мероприятий недопустимо умаление достоинства личности (ст. 21); никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных законом, или на основании судебного решения (ст. 25); никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (ст. 35) и т.п.

Признание и защита частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности, гарантии единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг, финансовых средств, свободы экономической деятельности (ст. 8) определяют основные сферы деятельности, направленность и общую стратегию усилий государства по предупреждению в современных условиях экономической преступности.

Для организации виктимологического предупреждения огромное значение имеет ст. 52 Конституции РФ, устанавливающая, что

права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, а государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Значение *уголовного права* для правового регулирования предупреждения преступности определяется прежде всего тем, что его нормами очерчен круг деяний, запрещенных под угрозой уголовной ответственности, что именно уголовный закон определяет объем и структуру преступности, и любые его изменения ведут к изменениям в преступности. Нормами уголовного закона, регулирующими систему наказаний, порядок и условия их назначения, освобождения от наказания, устанавливается определенный правовой режим для осужденных, а также освобожденных от уголовной ответственности и наказания.

Важными элементами этого режима, создающими юридические основания предупредительной работы с лицами указанных категорий, являются установленные для них правоограничения, специальные права и обязанности, наблюдение и контроль за их поведением со стороны органов уголовной юстиции и общественности. На наш взгляд, большое значение для правового обоснования мер индивидуального предупреждения рецидива преступлений имеет уголовно-правовой институт судимости.

Предупредительный эффект уголовно-правовых норм достигается путем их воздействия на правосознание граждан. Помимо упоминавшихся норм с так называемой двойной превенцией, можно выделить еще ряд статей УК РФ, которые предоставляют в распоряжение субъектов предупредительной деятельности конкретные правовые средства воздействия на детерминанты преступности, в частности нормы, стимулирующие поведение, препятствующее совершению преступлений (необходимая оборона, добровольный отказ от совершения преступления, применение принудительных мер воспитательного воздействия и др.).

Практически весь процесс исполнения наказаний, который регулируется нормами уголовно-исполнительного законодательства, способствует предупреждению преступности. Для правового регулирования предупреждения рецидива преступлений особое значение имеют нормы уголовно-исполнительного права, регламентирующие порядок освобождения из мест лишения свободы, трудовое

и бытовое устройство освобожденных, цели, основания и порядок наблюдения за лицами, освобожденными условно-досрочно и т.д.

Значение уголовно-процессуального законодательства для правового регулирования предупреждения преступности определяется прежде всего тем, что оно ставит соответствующую задачу перед всем уголовным судопроизводством. Наряду с этим уголовно-процессуальный закон устанавливает конкретные процессуальные меры предупредительного характера в виде представлений органа дознания, следователя, прокурора, частных определений (постановлений) суда. Большое значение для правового регулирования предупреждения преступности имеют нормы уголовно-процессуального кодекса, которые в совокупности с соответствующими нормами уголовного права регламентируют основания и порядок освобождения от уголовной ответственности и наказания вследствие изменения обстановки, в связи с примирением с потерпевшим, применением к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия и др.

Важную роль в правовом регулировании предупреждения преступности играют нормы административного права. К ним прежде всего относятся нормы, регламентирующие основания и порядок осуществления мер административного предупреждения, пресечения, наказания. Ярко выраженную криминологическую функцию выполняют административно-правовые средства борьбы с пьянством, наркоманией, проституцией, бродяжничеством, нарушениями правил торговли, посягательствами на права потребителей, экологическими правонарушениями и др. Предупредительный эффект применения административно-правовых санкций проявляется в плане как частной, так и общей превенции, а также путем воздействия на конкретные криминогенные ситуации, создания обстановки, исключаящей фактическую возможность продолжения противоправной деятельности. Нормами административного права устанавливается порядок деятельности полиции, контрольных и иных государственных органов, определяется их компетентность, права и обязанности в сфере предупреждения преступности и других правонарушений.

К административному праву относятся нормативно-правовые акты отраслевых органов исполнительной власти, детально регла-

ментирующие их деятельность по предупреждению преступности. В качестве таковых можно сослаться на принятые в 1993 г. МВД РФ Наставление о деятельности службы и подразделений органов внутренних дел по предупреждению преступлений, Положение о координационно-методическом совете МВД РФ по профилактике преступлений.

Нормы рассмотренных отраслей права несут основную нагрузку по правовому обеспечению процесса предупреждения преступности в нашей стране. Однако сам характер предупредительной деятельности таков, что в ней находят применение нормы не только тех отраслей права, которые непосредственно нацелены на предупреждение преступности, но и других отраслей права. Это нормы гражданского (например, ст. 30 ГК РФ предусматривает ограничение дееспособности граждан, злоупотребляющих спиртными напитками или наркотическими средствами), семейного (например, ст.ст. 69, 73 Семейного кодекса РФ, регламентирующие основания, порядок и последствия лишения либо ограничения родительских прав), трудового, финансового, земельного и других отраслей права.

Кроме того, на правовое регулирование предупреждения преступности большое влияние оказывают законы и иные нормативные акты, направленные как на предупреждение отдельных видов преступности, так и на защиту населения Российской Федерации от преступности в целом. К ним прежде всего относятся федеральные законы РФ «Об оперативно-розыскной деятельности», «О наркотических средствах и психотропных веществах», «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (аналогичные региональные законы были приняты большинством субъектов Российской Федерации), «О противодействии терроризму», «О противодействии экстремистской деятельности», «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», «О противодействии коррупции», «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», «Об участии граждан в охране общественного порядка» и др.

Большое значение для предупреждения преступности имеют отдельные указы Президента Российской Федерации, например «О межведомственных комиссиях Совета Безопасности Российской Федерации», «О мерах по усилению борьбы с терроризмом», «О стратегии национальной безопасности до 2020 года» и др., нормативные документы, издаваемые Правительством Российской Федерации, например постановления Правительства РФ «О дополнительных мерах по укреплению общественного порядка и профилактике правонарушений в РФ», «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав», распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализациях восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность» и др.

Не менее важное значение для предупреждения преступности в стране имеют документы, принимаемые министерствами, ведомствами, службами непосредственно осуществляющими деятельность по предупреждению преступности, например Приказ Генеральной Прокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (в ред. от 20.02.2014) «О едином учете преступлений» (вместе с Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов и др.).

К правовой основе предупреждения преступности следует отнести и федеральные целевые программы по предупреждению преступности, в которых представлены основные направления предупреждения преступности с целью изменения криминогенной обстановки в стране.

ГЛАВА 7. КРИМИНАЛИЗАЦИЯ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ ДЕЯНИЙ

7.1. Понятие криминализации и декриминализации деяний

Социальная роль уголовного права состоит в признании тех или иных деяний общественно опасными и уголовно наказуемыми. Государство в виде уголовно-правового запрета дает свою отрицательную оценку отдельным формам человеческого поведения. Уголовный закон определяет, что является преступным и непроступным. Законодатель признает отдельные деяния опасными для общества и криминализирует их, т.е. признает их преступными, и наоборот, признав, что преступление не обладает признаком общественной опасности, декриминализует его. Такое определение криминализации и декриминализации имеет слишком общий вид и не всегда соответствует содержанию этих понятий.

В юридической литературе можно встретить различные определения криминализации и декриминализации деяний. Если классифицировать их, можно выделить два основных подхода к рассматриваемым явлениям.

Первый подход связан с широким пониманием криминализации (декриминализации) деяний.

Так, Р.Р. Галиакбаров под криминализацией понимает не только закрепление в законе определенных признаков новых составов преступлений, но и повышение верхних пределов санкций в рамках существующих составов, отдельные ограничения в применении институтов освобождения от наказания к некоторым категориям осужденных, конструирование норм общего характера, вызывающих более широкий спектр нежелательных для субъектов правовых последствий¹.

¹ См.: Галиакбаров Р.Р. Проблемы криминализации многосубъектных общественно опасных деяний // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний : сб. науч. трудов. Омск, 1980. С. 40–41.

По мнению В.Н. Кудрявцева, элементом криминализации является пенализация, представляющая собой установление уголовного наказания за деяния, уже признанные преступными. Степень пенализации есть, по существу, показатель интенсивности криминализации того или иного деяния. Депенализация противоположна пенализации и является элементом декриминализации¹.

С таким смешением понятий криминализации и пенализации (декриминализации и депенализации) согласиться нельзя. Криминализация определяет только критерий преступности и непротивности деяния (т.е. отвечает на вопрос «да» или «нет»). Пенализация же определяет степень наказуемости уже криминализованного деяния. В этой связи пенализация является необходимым и органичным продолжением процесса криминализации. Если криминализация устанавливает противоправность поступка и необходимость в его уголовной наказуемости, то пенализация касается только признака наказуемости, устанавливая тяжесть преступления через определенную меру наказания. Отметим, что депенализация не является органичным продолжением декриминализации, так как декриминализация закрепляется в полной отмене преступности деяния (следовательно, и его наказуемости), т.е. декриминализация самодостаточна в этом смысле. Депенализация же выражается в изменении видов наказаний в сторону снижения их карательного потенциала, уменьшении размеров санкций отдельных составов Особенной части Уголовного кодекса.

Второй подход связан с узким пониманием понятий криминализации и декриминализации деяний.

Г.А. Злобин, С.Г. Келина рассматривают криминализацию как легальное определение того или иного рода действий (бездействия) в качестве преступления; исключение деяния из числа уголовно наказуемых, отмена его наказуемости именуется декриминализацией².

¹ См.: Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.М. Яковлева. М., Наука, 1982. С. 17.

² См.: Злобин Г.А., Келина С.Г. Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 108.

А.М. Яковлев рассматривает криминализацию как определение в уголовном законе деяния в качестве общественно опасного, виновного и наказуемого¹.

А.И. Коробеев определяет криминализацию как процесс выявления общественно опасных форм индивидуального поведения, признание допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых. Декриминализацию он определяет как процесс установления оснований отпадения общественной опасности деяний, признания нецелесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и отмены их уголовной наказуемости². Он же определяет криминализацию как установление круга общественно опасных деяний, признаваемых преступлениями, и декриминализацию как исключение тех или иных деяний из числа преступлений³.

По сути, все эти определения практически не отличаются от определения криминализации, данного еще раньше П.С. Дагелем. По мнению ученого, криминализация (установление уголовной наказуемости) общественно опасных деяний производится путем определения либо общих оснований и условий уголовной ответственности, а также случаев, когда она исключается, либо конкретных видов общественно опасных деяний, подлежащих уголовной наказуемости, что достигается установлением в законе признаков соответствующих преступлений⁴.

В соответствии со ст. 14 УК РФ преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания. Криминализируя деяние, мы наделяем его тем самым всеми признаками преступления, предусмотренными ст. 14 УК РФ. Очевидно, что такой признак, как общественная опасность, не зависит от воли законодателя,

¹ См.: Яковлев А.М. Социальные функции процесса криминализации // Советское государство и право. 1980. № 4. С. 95.

² См.: Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 59.

³ См.: Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск, 1991. С. 9.

⁴ См.: Дагель П.С. Условия становления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. № 4. С. 68.

поскольку это объективное, внутреннее свойство деяния, которое не зависит от ее правовой регламентации. Общественная опасность определяется с позиций социальных ценностей, принятых в обществе, и является таковой независимо от воли законодателя. Законодатель может согласиться или не согласиться с тем, что деяние обладает достаточной степенью общественной опасности. То есть криминализация – это наделение деяния такими признаками, как противоправность и наказуемость. Соответственно декриминализация – это исключение из деяния соответствующих признаков.

Мы видим, что криминализация представляет собой синтез двух составляющих – объективно существующей общественной опасности деяния и признания этого уголовно-правовой нормой. Аналогичное положение и относительно декриминализации. Исходя из сказанного следует, что более корректным при определении понятия «криминализация» является употребление термина *признание*.

Таким образом, *криминализация* – это признание в уголовном законе деяния общественно опасным и объявление его уголовно наказуемым. *Декриминализация* – это признание того, что деяние больше не является общественно опасным и уголовно наказуемым (исключение деяния из уголовного закона)¹.

В юридической науке криминализация и декриминализация деяний понимаются как процесс и как результат. Процесс криминализации состоит в выявлении целей, оснований и возможностей установления уголовной ответственности за те или иные деяния и издании уголовных законов, закрепляющих это решение. Результат криминализации – совокупность норм уголовного права, содержащих перечень преступлений и предусмотренных за них наказаний.

Декриминализация как процесс характеризуется изучением эффективности действующих норм и выявлением среди преступлений тех деяний, у которых отсутствует общественная опасность и с которыми нецелесообразно бороться уголовно-правовыми сред-

¹ См.: Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяния. Томск, 2012. С. 6–11; Уголовное право. Общая часть / под ред В.А. Уткина, А.В. Шеслера. Томск, 2016. С. 47–48.

ствами. Результат декриминализации – отмена уголовной ответственности за совершение декриминализированных деяний.

Таким образом, криминализация (декриминализация) есть явление динамичное. В зависимости от конкретных политических, социально-экономических условий развития общества происходит либо расширение, либо сужение круга деяний, относимых к преступным и уголовно наказуемым.

7.2. Роль и место криминализации и декриминализации деяний в системе правовых наук

Уголовный закон устанавливает основания и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступными и, следовательно, наказуемыми. Однако уголовное законодательство не является и не должно являться статичным образованием. Реальное сохранение правопорядка и охрана общественных отношений могут эффективно осуществляться только при реализации принципа динамизма в уголовном праве. Уголовный закон должен быть изменчив, динамичен, чтобы быть адекватным отражением состояния общества и главных его ценностей, Именно в этом наиболее полно проявляется социальная роль уголовного права, что с необходимостью обуславливает признание тех или иных деяний общественно опасными и уголовно наказуемыми.

Уголовный закон определяет, что является преступным и непроступным. Законодатель признает отдельные деяния опасными для общества и криминализирует их, т.е. объявляет их преступными, и наоборот, признав, что какое-либо преступление не обладает признаком общественной опасности, декриминализирует (легализует) его. Отметим, что уголовный закон дихотомичен по своей сути. Являясь крайней и наиболее жесткой мерой государственного принуждения, уголовный закон четко отграничивает преступное от непроступного.

Введение новой уголовно-правовой нормы в виде запрета влечет за собой следующие последствия:

1. Изменяются массив преступности и показатели ее состояния за счет включения новых преступлений в уголовный закон.

2. Изменяется общая структура преступности за счет включения новых преступлений в уголовный закон.

3. Изменяется совокупный вред от преступности за счет включения новых преступлений в уголовный закон.

4. Появляется необходимость в количественном и качественном изменении кадрового состава органов уголовной юстиции (появляются новые структуры, привлекаются новые специалисты определенного профиля).

5. Появляется необходимость научных исследований в области толкования и применения новых норм уголовного права.

Сказанное выше свидетельствует об огромной значимости изучения социальной обусловленности уголовного закона, оснований и пределов уголовно-правового запрета. Криминализации всегда предшествует этап, на котором необходимо определить, какие деяния и каким образом должны быть криминализованы, каковы пределы государственного вмешательства в этот процесс, каким образом социальная потребность в запрете перетекает в уголовно-правовую норму, каковы эффективность действующего уголовного закона и причины его бездействия или низкой эффективности.

Вопросы криминализации и декриминализации деяний разрабатываются в юридической науке относительно недавно, хотя истоки их изучения можно увидеть с самого начала зарождения и развития уголовного права. Известно, что уже в трудах И. Бентама и Ч. Беккариа обращается внимание на социальную сущность уголовного закона. В отечественной науке в той или иной мере проблема криминализации и декриминализации находит свое отражение в большинстве работ в области уголовного права, так как их целью является разработка предложений по совершенствованию уголовного законодательства. Криминологи, изучая вопросы уголовной политики, социальной адекватности действующего закона, динамики и тенденций преступности, также сталкиваются с указанными проблемами.

Возникает вопрос: какая отрасль науки изучает (должна изучать) данную проблему?

Так, Н.Ф. Кузнецова в предмет науки уголовного права включает разработку социологии уголовного права, т.е. изучение реальной жизни уголовного закона посредством измерения уровня,

структуры и динамики преступности, исследование эффективности закона, механизма уголовно-правового регулирования, обоснованности и обусловленности уголовного закона, криминализации (декриминализации) деяний¹.

А.В. Наумов криминализацию и декриминализацию включает в предмет науки уголовного права².

Ю.Д. Блувштейн выделяет социологию уголовного права, которая может быть охарактеризована как учение о закономерностях формирования системы уголовно-правовых норм и путях оптимизации этой системы, т.е. как приведение ее в максимальное соответствие с реальными интересами и потребностями общества. Криминология, по мнению ученого, выступает по отношению к социологии уголовного права как источник получения знаний о причинах и условиях совершения правонарушений, общественной необходимости в уголовно-правовом запрете при его отмене, эффективности действия уголовно-правовых норм (причинах их эффективности)³.

На наш взгляд, криминализация и декриминализация деяний является междисциплинарной проблемой, т.е. составляет предмет не только криминологии, но и науки уголовного права. Криминология должна сосредоточить свое внимание главным образом на обусловленности уголовно-правового запрета, т.е. на исследовании вопросов, связанных с зависимостью уголовного закона от явлений и процессов, составляющих предмет криминологии, а наука уголовного права – на законодательной технике криминализации и декриминализации деяний. Иными словами, криминализация и декриминализация как процессы преобразования общественных интересов в уголовно-правовую норму входят в предмет криминологии, а результат этого процесса (вновь принятый уголовно-правовой запрет) – в предмет науки уголовного права.

¹ См.: Курс уголовного права. Общая часть : учебник для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., Зерцало. 1999. Т. 1: Учение о преступлении. С. 5.

² См.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 2000. С. 133–138.

³ См.: Проблемы социологии уголовного права : сб. науч. трудов. М., 1982. С. 21.

Кроме того, в той или иной мере отдельные аспекты криминализации и декриминализации деяний (в части их социальной обусловленности) могут изучаться и другими науками, например, социологической, социально-психологической.

7.3. Критерии криминализации и декриминализации деяний

При установлении уголовно-правового запрета или его отмене, как и при принятии любого правового акта, законодатель должен руководствоваться определенными критериями. Источники этих критериев лежат как в сущности самих отношений, подлежащих правовому регулированию, так и в области влияния других факторов. В.Н. Кудрявцев отмечал, что важнейшая предпосылка любой законотворческой деятельности – анализ объективных общественных процессов (позитивных и негативных), определяющих как саму необходимость принятия законодательства или практики его применения, так и конкретное содержание этих измерений¹.

Изучая реальное поведение людей, можно видеть современные проблемы, которые нуждаются в правовом регулировании, анализировать применение действующего законодательства и прогнозировать его развитие. Первый вопрос, решаемый законодателем при всякой правовой регламентации, – разрешить или запретить данный вид поведения, т.е. отнести его к правомерному или противоправному.

Во-первых, необходимо выявить и определить социальную значимость того вида поведения, относительно которого предполагается законодательное решение. То есть решить вопрос о наличии (отсутствии) потребности в законодательной регламентации. Вся человеческая деятельность, поведение каждого человека не могут быть полностью регламентированы социальными, в том числе правовыми нормами. Не поддаются правовому регулированию отношения любви, дружбы, многие отношения в сфере взаимовыручки, помощи, чести, долга и т.п. Юридическая регламентация (в том числе уголовно-правовая) должна иметь разумные пределы,

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 100.

законодатель не может вмешиваться (тем более уголовно-правовыми средствами) за пределы возможностей социального контроля, например в сугубо личную, частную жизнь. В случае криминализации (декриминализации) сначала выявляется необходимость установления уголовно-правового запрета или его отмены.

Однако определение необходимости криминализации (декриминализации) еще не означает неизбежного результата в виде уголовно-правового запрета (разрешения). Необходимо изучение допустимости такой правовой регламентации, исходя из различного рода обстоятельств (политических, правовых, социальных и др.). То есть в противовес необходимости, выражающей позитивные последствия криминализации (декриминализации) ставится их допустимость, выражающая уже последствия отрицательного характера.

Третьей стадией принятия решения о правовом регулировании является определение реальной возможности (практической осуществимости) решения, которое намечается принять, т.е. того, будет ли оно осуществляться в действительности. Самый необходимый закон будет действующим только в том случае, если он будет исполняться, если есть реальная возможность обеспечения его действия и средства для его реализации. В обратном случае закон остается декларативным, «написанным только на бумаге».

Но не следует абсолютизировать это правило реальной возможности и интерпретировать его таким образом, что отсутствие практической осуществимости безусловно предопределяет отрицательное решение относительно принятия уголовного закона. Степень эффективности уголовно-правового запрета (в случае его введения) будет изменяться в ходе действия регламентированной в законе нормы. Так, появление абсолютно новых преступлений обычно сопровождается отсутствием технических средств, научных разработок и опыта по их раскрытию и расследованию, что все же не препятствует и не должно препятствовать введению запрета. До сих пор низка раскрываемость преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228 УК РФ, но не заходит речь об отмене данной нормы как низкоэффективной. С повышенной латентностью преступлений можно бороться, только если есть правовое основание для этой борьбы.

Таким образом, решение о правовой регламентации складывается из трех групп факторов, характеризующих *необходимость* в такой регламентации, *ее допустимость* и *реальную возможность*. Эти три критерия принятия законодательного решения применимы и к установлению уголовно-правового запрета (его отмене). То есть необходимость, допустимость и реальная возможность (практическая осуществимость) – критерии криминализации и декриминализации деяний.

Критерии допустимости и реальной возможности складываются в один общий критерий – целесообразность. Таким образом, при принятии решения о введении (отмене) уголовно-правового запрета мы должны ориентироваться на необходимость запрета и целесообразность его введения.

Если исходить из положения о том, что в понятие объективной социальной нормы входят два основных элемента: а) объективная (материальная) характеристика определенного вида поведения, имеющего место в объективной реальности; б) субъективная (социальная) его оценка с точки зрения желательности или нежелательности, полезности или вредности¹, то критерии криминализации и декриминализации деяний можно определить следующим образом. Критерий необходимости определяется объективными элементами поведения, подлежащего или не подлежащего уголовно-правовому запрету, внутренне присущими ему свойствами. Так, отмечается, что с точки зрения научного обеспечения уголовного нормотворчества важнейшая задача теории криминализации состоит в разработке теории и метода восхождения от криминализационных поводов к основаниям криминализации, выражающим общественную необходимость уголовного закона. Критерий же целесообразности определяется различными условиями, влияющими на установление уголовно-правового запрета (его отмену)².

Обязательный учет перечисленных критериев, выражающихся в совокупности факторов, объясняется субсидиарной природой уголовной ответственности, так как уголовное наказание является

¹ См.: Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация. М., 1982. С. 156.

² Там же. С. 208.

наиболее жесткой мерой государственного принуждения, а признание деяния преступлением – крайней степенью его негативной оценки.

7.4. Основание криминализации (декриминализации) деяний

Основание – главный фактор криминализации (декриминализации) деяний, поскольку именно оно в первую очередь характеризует необходимость изменения уголовного законодательства. В философии основание определяется как необходимое условие для чего-либо: бытия, познания, мысли, деятельности. Основание отличается от других условий своей необходимостью. То есть основание – это необходимое условие, из которого обязательно вытекает вывод (в нашем случае вывод о необходимости установления либо отмены уголовно-правового запрета). Наличие основания означает наличие действительной общественной потребности в уголовно-правовой норме (либо ее отмене). Без основания нельзя криминализировать (декриминализировать) деяние. Однако это не означает, что при наличии основания деяние будет обязательно криминализировано (декриминализировано), поскольку в данном случае основание есть необходимое, но не достаточное условие: существуют и иные условия, определяющие целесообразность криминализации (декриминализации) деяний.

В юридической литературе основания криминализации определяют как обстоятельства и процессы материальной и духовной жизни общества, порождающие объективную необходимость уголовно-правовой охраны тех или иных ценностей (А.М. Яковлев), как действительные предпосылки, социальные причины возникновения или изменений уголовно-правовой нормы, например существенное и внезапное изменение социальной, экономической или политической обстановки в результате стихийного бедствия, неурожая и других событий или же возникновение либо существенное развитие новой группы общественных отношений, происходящее на базе экономического или технического прогресса (Г.А. Злобин). А.И. Коробеев относил к основаниям уголовно-правового запрета наряду с другими компонентами и исторические

традиции. В.Н. Кудрявцев отмечал, что потребность в правовой регламентации поведения вытекает главным образом из социально-экономических, политических, демографических или иных объективных тенденций и процессов общественной жизни¹.

Очевидно, выделенные исследователями основания таковыми не являются, поскольку показывают обусловленность принятия либо отмены уголовного закона.

Обращаясь к теоретическим основам, заметим отсутствие в уголовно-правовой науке единого подхода к определению оснований криминализации (декриминализации) тех или иных деяний. Вместе с тем среди множества точек зрения на этот счет большинство исследователей сходятся во мнении о необходимости учитывать общественную опасность деяния.

Понятие общественной опасности формировалось посредством восприятия вреда, причиняемого теми деяниями, которые впоследствии и относили к преступным. Так, Ч. Беккариа считал общественный вред необходимым признаком преступления.

На данное обстоятельство обращали внимание отечественные исследователи как XIX – начала XX в. (А. Богдановский, В. Есипов, И.А. Неклюдов, С.В. Познышев, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий), так и второй половины XX в. (Н.Д. Дурманов, С.В. Землюков, Н.Ф. Кузнецова, Ю.А. Красиков и др.).

В последующем содержание общественной опасности много раз уточнялось отечественными исследователями, но все они признавали, что общественная опасность является важнейшим основанием криминализации (декриминализации) деяний. Если деяние не общественно опасно, то оно не может быть криминализировано, а запрещенное уголовным законом объективно не являющееся общественно опасным деяние подлежит декриминализации.

Общественная опасность означает, что деяние вредоносно для общества.

Отметим, что термин «общественная опасность» в законодательстве употребляется только в отношении преступлений. Что касается других правонарушений, то законодатель применительно к ним не использует данный термин. Например, ст. 2.1 КоАП РФ

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 101.

определяет административное правонарушение как противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое Кодексом РФ об административных правонарушениях или законом субъекта РФ предусмотрена административная ответственность. Тем не менее данное обстоятельство вовсе не означает, что правонарушениям не присущ признак общественной опасности, поскольку она определяется тем вредом, который причиняется или может быть причинен общественным отношениям.

Административные, дисциплинарные, гражданско-правовые правонарушения также причиняют вред интересам государства, общества и отдельным гражданам и в силу этого представляют общественную опасность.

Общественная опасность – это объективная реальность, присущая некоторым деяниям в определенных условиях места, времени, обстановки, характера их совершения.

Общественная опасность является материальным признаком, внутренним свойством преступления. Будучи закрепленным в законе и имея правовое значение, это свойство существует объективно и не зависит от воли законодателя или воли органа, применяющего закон. Деяние опасно не потому, что его так оценил законодатель, а потому, что оно по своему объективному содержанию противоречит нормальным условиям жизни данного общества.

Следует согласиться с А.И. Коробеевым, который считает, что грань между преступным и неприступным настолько тонка, что переход от доприступного поведения к уголовно наказуемому может быть правильно объяснен и понят только с позиции рассмотрения общественной опасности как общего свойства всех видов правонарушений.

На протяжении многих лет в юридической литературе много внимания уделялось вопросу о том, является ли общественная опасность признаком, присущим только преступлению, либо она характеризует и иные правонарушения. Отметим, что практически все исследователи были единодушны в главном: в понимании материальной сущности правонарушений как антиобщественных, т.е. вредных в той или иной мере антисоциальных явлений. В силу этого дискуссия по существу носила терминологический характер:

как называть вредность преступлений и иных правонарушений – одним термином «общественная опасность» либо различными терминами (можно говорить, например, что иные правонарушения не общественно опасны, а общественно вредны). Дискуссия была порождена тем, что некоторые авторы желали подчеркнуть различие правонарушений, отсюда и разное отношение к оценке их количественно-качественных показателей.

Представляется, что разграничение понятий «общественная опасность» и «общественная вредность» вряд ли правомерно, поскольку мы имеем дело с однопорядковыми явлениями. Если бы признак общественной опасности был присущ исключительно преступлениям, то не возникало бы никаких вопросов при установлении уголовно-правового запрета или при его отмене, а теории криминализации и декриминализации деяний не существовало бы вовсе. Поэтому признак общественной опасности присущ всем правонарушениям.

Общественная опасность как внутреннее свойство деяния (например, способность деяния причинить ущерб), безусловно, объективна. От законодательного запрета или его отсутствия не повышается и не понижается объективно причиненный ущерб, выраженный, как правило, в материальных показателях. Общественная опасность определяется с позиций социальных ценностей, принятых в обществе, и является таковой независимо от воли законодателя. В этой связи мы не можем согласиться с мнением Л.И. Спиридонова, утверждавшего, что преступление в конечном счете выступает не как объективное свойство поступка человека, разрушающего существующий порядок отношений между людьми, а как результат применения к индивиду норм и санкций, который, собственно, и превращает его в преступника.

Законодатель, выявив факт общественной опасности деяния, может этот факт только зафиксировать в уголовном законе, т.е. «признать» его в качестве преступления, но не «придумать» или «предположить».

В то же время общественная опасность как результат социальной оценки деяния субъективна. Социальная оценка деяния в качестве преступления исходит от понимания его (деяния) как общественно опасного. Экономические, политические, социально-

психологические, научно-технические, криминологические факторы предопределяют социальную оценку общественно опасного деяния. Так, в различные эпохи, в разных государствах преступлениями считались разные деяния (с достаточно большой степенью этого отличия). Например, в Древней Греции не считалось преступлением убийство раба, хотя в настоящее время повышенная общественная опасность убийства любого человека сомнений не вызывает. В известном японском кинофильме «Легенда о Нараяме» был показан обычай, в соответствии с которым старых родителей уносили в горы и оставляли там умирать. То, что данное деяние не считалось общественно опасным и преступным, предопределялось сложившимися в обществе обычаями, традициями. В настоящее время такое поведение выглядит абсолютно неприемлемым.

В этой связи можно говорить о том, что в конкретном обществе на конкретный период его развития сформирована шкала социальных ценностей, по которой и определяется категория «общественная опасность» (точнее, сформированы приблизительные пределы общественной опасности), и в соответствии с этим определяются формы и методы социального контроля.

Общественная опасность как основание криминализации и декриминализации весьма сложна для правовой и материальной оценки. Это можно объяснить тем, что общественная опасность, являясь основополагающей категорией, дающей общее освещение всех основных вопросов уголовного права, обеспечивающей единство уголовно-правовых знаний, не может быть раскрыта с помощью каких-либо других уголовно-правовых понятий. Общественная опасность является общим понятием, которое не имеет заранее установленных признаков. Признавая те или иные деяния элементами множества «общественно опасное деяние», законодатель ни на какое четко и точно определяемое понятие не опирается. Для законодателя не существует строго обозначенных признаков общественной опасности. Для него общественная опасность – это исходное, неопределяемое понятие.

Критерии определения степени общественной опасности разрабатываются со времен зарождения в человеческом обществе уголовно-правовых запретов. Но как никому до сих не удалось дать универсальное определение понятия «человек», так никто пока не

смог сформулировать понятие «общественная опасность». Причина такого положения заключается в том, что «общественная опасность» – очень динамичное по своему содержанию понятие, имеющее характерные особенности применительно к конкретному периоду развития общества. В большинстве случаев законодатель пытается формализовать данное понятие, чтобы избежать произвола в осуществлении правоприменительной практики (например, граница между административным и уголовно-правовым хулиганством – причинение вреда личности или собственности – ст. 213 УК РФ). Однако нередко степень общественной опасности устанавливается на основе здравого смысла.

Говоря об общественной опасности деяния, важно определить ее структуру. По мнению П.Н. Панченко, вывод о наличии либо отсутствии общественной опасности делается на основе всех объективных и субъективных признаков деяния, т.е. учитываются признаки объекта и субъекта посягательства, а также самого посягательства. По мнению Р.А. Сабитова, общественная опасность – свойство антиобщественного поведения человека; общественная опасность преступного посягательства заключается в том, что деяние субъекта причиняет или создает угрозу причинения существенного вреда общественным отношениям. Поэтому в основе криминализации лежит объективный вред, причиняемый общественным отношениям, или реальная опасность причинения вреда.

Среди факторов, определяющих общественную опасность посягательства, следует выделить структурные элементы общественной опасности, а также факторы, лежащие за пределами структуры и влияющие на характер и степень общественной опасности. Первые составляют содержание общественной опасности и служат основанием криминализации деяния, вторые показывают, от чего зависит общественная опасность элементов структуры.

По мнению Н.Ф. Кузнецовой, для признания деяния преступным не имеют значения социально-психологические признаки личности лица, совершившего преступление, они весьма существенны при определении наказания (т.е. в процессе пенализации и депенализации). Личность преступника как криминологическое основание норм уголовного права, пишет В.Д. Филимонов, выступает на первый план в тех случаях, когда определяется содержание

норм, регулирующих индивидуализацию уголовной ответственности и наказания, а также при решении вопросов освобождения от уголовной ответственности и наказания¹.

Вместе с тем отметим, что некоторые исследователи (С.Г. Келина, Н.А. Беляев) предлагали включить личность преступника в содержание состава преступления, что давало им основание говорить о существовании судебной декриминализации деяния в тех случаях, когда происходит освобождение от уголовной ответственности. Представляется, что данная позиция не может быть воспринята серьезно. Во-первых, принято считать, что личность оценивается по ее поступкам, а у авторов рассматриваемой позиции, напротив, поступки оцениваются в зависимости от свойств личности. Во-вторых, включение личности виновного в число признаков состава преступления означает отказ от признания состава преступления единственным основанием уголовной ответственности. Отметим, что в дальнейшем С.Г. Келина признала ошибочность своей позиции, указав, что индивидуальное освобождение лица от уголовной ответственности не ликвидирует существования самого уголовно-правового запрета, не переводит правонарушение в категорию непроступных².

Теперь следует ответить на вопрос, какие элементы деяния определяют его общественную опасность. Представляется, что общественная опасность определяется *только объектом посягательства* (в качестве такового будем считать общественные отношения, на которые направлено деяние, хотя в последнее время возрождается дискуссия о том, что считать объектом посягательств) *и его объективной стороной* (и в первую очередь реальным ущербом, созданием возможности причинения ущерба; даже место и время совершения посягательства могут повышать его общественную опасность, например, общественная опасность посягательств, совершаемых в военное время, определяется также и особенностями этого времени).

¹ См.: Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 24.

² См.: Келина С.Г. Об основаниях и последствиях декриминализации деяний // Советское государство и право. 1998. № 11. С. 13–16.

Субъект и субъективная сторона деяния не являются определяющими элементами его общественной опасности. Так, внешне одинаково выраженные деяния причиняют одинаковый вред независимо от виновного или невиновного отношения субъекта к деянию. Вина есть только обязательное условие для привлечения к уголовной ответственности. Однако в ст. 7 УК РСФСР 1960 г. преступлением признавалось предусмотренное Особенной частью Кодекса общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок общественно опасное деяние, предусмотренное Особенной частью Кодекса. В определении отсутствовал признак виновности, т.е. данный признак включался в общественную опасность деяния. Общественно опасным могло быть только виновное деяние. Сейчас в ст. 14 УК РФ эти два признака разделены— деяние должно быть и общественно опасным, и виновным. И действительно, от того, что деяние совершает лицо, например, страдающее психическим заболеванием, исключающим вменяемость, общественная опасность деяния вовсе не исчезает. Действует принцип вины, предусмотренный ст. 5 УК РФ, по которой лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина.

Субъект посягательства также не определяет общественную опасность деяния. Этим объясняется и то, что за некоторые категории преступлений понижен возраст уголовной ответственности, и то, что количество таких преступлений не остается неизменным. До принятия УК РФ 1996 г. вымогательство, совершенное лицом, не достигшим 16-летнего возраста, было общественно опасным, хотя преступным не считалось. От того, совершил кражу 13-летний или 14-летний подросток, общественная опасность ее не повышается и не понижается. В отечественной уголовно-правовой и криминологической науке признается, что малолетнее лицо не должно привлекаться к уголовной ответственности, но никак не в силу того, что деяния малолетних не могут обладать признаком обще-

ственной опасности, а в силу недостаточной психической зрелости субъекта. К примеру, в США в некоторых штатах субъектом преступления может быть и ребенок. Субъект – это также обязательное условие привлечения к уголовной ответственности.

В уголовном законодательстве предусмотрено огромное количество преступлений со специальными субъектами, тогда мы сталкиваемся с одним из двух случаев:

– специальный субъект – обязательный признак преступления в силу своей «специальности». Без него, по сути, нет и преступления. Так, получение взятки (ст. 290 УК РФ) возможно только должностным лицом, что вытекает из самой сущности понятия «взятка»;

– действительно повышается общественная опасность деяния, но не из-за субъекта, его совершившего, а за счет «удвоения» объекта посягательства, т.е. посягательство нарушает две или более группы общественных отношений, за счет чего и происходит повышение общественной опасности.

Общественная опасность личности как социально-психологической категории также не может служить основанием установления уголовной ответственности. Следует обратить внимание, что криминализируются только деяния, а не признаются преступниками определенные категории лиц, обладающие определенными социально-психологическими установками и признаками.

Общественная опасность личности имеет значение для криминализации лишь постольку, поскольку она причинно связана с общественно опасным деянием и его последствиями, и эта личность требует применения к ней мер государственного или общественного воздействия в целях общей и специальной превенции.

Таким образом, общественная опасность деяния определяется только внешним его выражением, а именно объективной стороной деяния (и прежде всего вредом) и объектом посягательства.

Общественная опасность есть объективное свойство деяния, определяемое тем вредом, который это деяние причиняет или может причинить обществу. В научной доктрине общепризнано положение о том, что общественную опасность определяют два показателя – характер и степень деяния. Необходимо выяснить, каково влияние характера и степени посягательства на его криминализацию и декриминализацию.

Характер посягательства (деяния) определяет, есть или нет общественная опасность в совершаемом деянии в принципе (причиняется либо не причиняется какой-либо вред), возможны ли социальный контроль, правовое воздействие в принципе. Степень же определяет, какие меры правового воздействия необходимо применять к правонарушителю (уголовно наказуемо деяние или нет).

Можно рассмотреть процесс определения общественной опасности при появлении новых общественных отношений.

Появляются новые общественные отношения, т.е. объект возможного посягательства. Характер этих отношений дает возможность определить, допустимо или недопустимо правовое вмешательство в эти отношения в принципе, подлежат ли вообще отношения правовой охране и существует ли необходимость применения мер ответственности (принуждения) за посягательства на эти отношения – как гражданско-правовых, административных, дисциплинарных, так и уголовно-правовых.

Определив, что какая-то общественная опасность в посягательствах на вновь сложившиеся отношения присутствует, надо выяснить, с помощью каких мер государство должно охранять данный вид отношений. И именно через степень общественной опасности посягательства определяется уровень необходимой охраны отношений, степень ответственности за посягательства на них. Степень общественной опасности деяния определяет, подлежит ли оно уголовно-правовому воздействию, либо за его совершение достаточно применения мер административной, гражданско-правовой ответственности, общественного воздействия.

При изменении общественных отношений происходит переоценка их социальной значимости, и в соответствии с этим – переоценка степени опасности посягательства на них.

Возникает проблема: существуют ли такие деяния, характер общественной опасности совершения которых сразу бы предопределял (предрешал) применение мер именно уголовно-правового воздействия? Да, действительно есть такие объекты, которые всегда входят в сферу охраны исключительно уголовного права, т.е. существуют деяния, характер общественной опасности которых предопределяет привлечение к уголовной ответственности за их совершение. Это посягательства на жизнь (как самый главный

объект уголовно-правовой охраны), посягательства на половую неприкосновенность и некоторые другие. Такие деяния не могут признаваться малозначительными, за посягательства на эти общественные отношения не установлено и не может быть установлено никакой иной, кроме как уголовной, ответственности. Но данная группа деяний уже давно закреплена в качестве уголовно противоправной, и ее никоим образом не касаются процессы криминализации и декриминализации.

Характер посягательства является критерием разделения общественно опасных деяний от деяний, не являющихся таковыми вообще (повторимся, термин «общественная опасность» употребляется в широком смысле – как свойство любого посягательства, а не как признак только преступных деяний).

Степень же общественно опасного посягательства является основанием установления конкретного вида ответственности, где повышенная (достаточно высокая) степень общественной опасности деяния является основанием установления уголовно-правового запрета.

Характер общественных отношений определяется через их социальную значимость и определяет, в свою очередь, характер соответствующего этим отношениям посягательства. Степень посягательства дифференцирует ответственность в зависимости от интенсивности посягательства на общественные отношения.

Выводом сказанному может быть то, что в идеале практически каждой уголовно-правовой норме должна соответствовать сходная с ней норма в КоАП РФ, предусматривающая административную ответственность за аналогичное деяние с меньшей степенью опасности (например, в действующем КоАП РФ предусмотрена ответственность за мелкое хищение (ст. 7.27), мелкое хулиганство (ст. 20.1) и др.).

Можно говорить о том, что основанием установления уголовно-правового запрета является повышенная (достаточно высокая) степень общественной опасности запрещаемого деяния. Это подтверждается ч. 2 ст. 14 УК РФ, где указано, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

Исходя из нашей интерпретации понятия «общественная опасность» фразу «не представляющее общественной опасности» можно толковать как «имеющее достаточно низкую степень общественной опасности», т.е. не причиняющее существенного вреда обществу.

Некоторые исследователи отмечали, что общественная опасность преступления состоит в возможности его повторяемости, поскольку преступлением признаются не единичные эксцессы, а такие деяния, которые обладают прецедентным характером, несут в себе свойства человеческой практики (П.А. Светачев, Л.А. Фефелов и др.).

Представляется, что если деяние не обладает чрезвычайно высокой степенью общественной опасности, то при криминализации следует учитывать то обстоятельство, что оно не должно быть слишком распространенным (тогда оно из патологии превращается в норму социального поведения) и не единичным случаем, который не может повториться в будущем.

Уголовное право регулирует форму реакции общества и государства на такие общественно опасные поступки индивидов, которые по крайней мере являются реально возможными, т.е. представляют собой проявления некоторых общих тенденций и закономерностей, иначе говоря – явления не случайные. Возможная повторяемость – необходимое свойство деяния, отнесенного к числу преступлений. Криминализируемое деяние должно быть более или менее распространенным. Таким образом, деяние не может быть всеобщим или чрезвычайно широко распространенным и не должно быть единичным без возможности повторения в будущем. Криминализация широко распространенного деяния приведет к нарушению функционирования системы уголовной юстиции, принципов неотвратимости наказания, равенства и справедливости, так как совершение данного деяния не обязательно будет влечь за собой уголовную ответственность; уголовная ответственность становится делом случая, а не правилом. Это может привести к повышению межличностной напряженности, так как возникает ситуация, при которой одни попадают под действие уголовно-правовой репрессии, другие при тех же обстоятельствах – нет. При криминализации же индивидуально определенного единичного

случая новая норма становится безжизненной и ненужной, не имеющей регулятивного значения.

Отметим, вряд ли можно считать общественно опасным то поведение, которое уже реально причинило вред обществу, поскольку в таком случае общественная опасность реализовалась. В этой связи очевидно, что вредоносность деяния состоит в его способности причинять вред обществу. Если же исходить из иного, вряд ли возможно обосновать установление уголовной ответственности за приготовление к преступлению (ч. 2 ст. 30 УК РФ), когда вред не только не наступил, но и не начал причиняться.

Исходя из всего сказанного выше, можно сделать вывод, что *основанием криминализации является повышенная (достаточно высокая) степень общественной опасности деяния*. Действительно, отличие всех видов правонарушений от преступлений заключается в различной степени общественной опасности. Это означает, что преступления, как правило, приносят обществу большой вред, представляют большую угрозу и более нетерпимы, нежели другие правонарушения. Именно в силу большего вреда такие правонарушения получили наименование преступлений. Для признания опасных деяний преступными необходимо причинение такого вреда общественным отношениям, который нарушает условия существования определенной системы общественных отношений.

Таким образом, можно утверждать, что конкретными основаниями криминализации, определяющими ее необходимость, являются:

– появление общественно опасного деяния с достаточно высокой степенью общественной опасности (что может быть обусловлено появлением новых отношений – объекта посягательства);

– повышение степени общественной опасности деяния (вследствие повышения степени общественной опасности способа совершения правонарушения или изменения социальной значимости вреда от этого правонарушения).

Применительно к основаниям декриминализации у исследователей не вызывает сомнений, что одним из них является утрата деянием той степени общественной опасности, которая требовала прежде применения мер уголовного наказания.

Вместе с тем в научной литературе называются и другие основания. Так, по мнению С.Г. Келиной, основаниями декриминали-

зации наряду с отмеченными выше являются отсутствие или низкая степень морального осуждения соответствующего деяния гражданами и неприменение конкретной нормы на практике.

Представляется, что отсутствие или низкая степень морального осуждения соответствующего деяния гражданами не может рассматриваться в качестве основания декриминализации, поскольку является социально-психологическим условием, влияющим на криминализацию и декриминализацию деяний. Что же касается неприменения нормы на практике, то данное обстоятельство также нельзя рассматривать в качестве основания декриминализации. Например, есть ли основания говорить об эффективности уголовно-правового запрета на вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность, когда в течение года в крупном промышленном городе не было зарегистрировано ни одного преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ? В то же время анализ публикаций издаваемых в городе газет позволил обнаружить сообщения о нескольких таких случаях.

Бесспорно, данная норма не относится к категории «мертворожденных». И дело не столько в ней, сколько в ее применении, точнее, неприменении. Норма права – это средство, и ее качество имеет значение в правоприменительной деятельности. Количественный показатель (применения–неприменения) не может служить достаточно надежным аргументом, поскольку уголовно-правовая статистика – это еще и показатель работы органов уголовной юстиции.

В этой связи можно утверждать, что конкретными основаниями декриминализации являются:

- исчезновение общественной опасности деяния вследствие исчезновения определенного вида общественных отношений, которые охранялись уголовным законом (объекта преступного посягательства);

- утрата деянием той степени общественной опасности, которая требовала прежде применения мер уголовно-правового характера (вследствие изменений, произошедших в экономической, политической, социальной и других сферах жизни общества).

Безусловно, декриминализация может быть произведена и вследствие необоснованности введения самого уголовно-правового

запрета, т.е. из-за игнорирования выработанных в теории уголовного права и криминологии оснований криминализации.

7.5. Условия криминализации (декриминализации) деяний

Тот факт, что процессы изменения уголовного законодательства должны исходить из сложившихся и утвердившихся в обществе социальных отношений, экономической и политической обстановки, не вызывает никакого сомнения. Общественные процессы всегда являются фундаментом для правового регламентирования общественных отношений. Изменения системы законодательства всегда связаны с соответствующими изменениями экономического состояния, политической ситуации либо с изменениями в социально-психологических процессах общества. Конкретные процессы, проистекающие в реальной действительности, и следует отнести к условиям криминализации и декриминализации деяний.

Представляется, что можно выделить следующие условия криминализации и декриминализации деяний: экономические, политические, социально-психологические и криминологические.

К криминологическим условиям следует относить: относительную распространенность деяния; уголовно-политическую адекватность уголовно-правового запрета; возможность воздействия на общественно опасное поведение с помощью уголовно-правового запрета; невозможность воздействия на определенный вид общественно опасного поведения другими, не уголовно-правовыми средствами; наличие в обществе социально-экономических (прежде всего материальных) ресурсов; учет возможностей системы уголовной юстиции; учет соотношения положительных и отрицательных последствий криминализации деяний; допустимость введения уголовно-правового запрета с точки зрения норм международного права; социальная адекватность криминализации; ее допустимость с точки зрения основных характеристик, существующих процессов общественного развития.

Относительная распространенность деяния. Деяние подлежит криминализации, если оно представляет собой не единичный факт, а явление, представляющее определенный вид человеческой дея-

тельности и несущее в себе *характер прецедента* (т.е. существует возможность его повторения в будущем). Такое деяние должно быть (может быть) *распространенным*. Криминализация единичных поступков, отклоняющихся от социальных норм, невозможна, так как уголовное право обладает регулятивными возможностями воздействия в отношении определенного типа человеческого поведения и содержит в себе правило общего характера, рассчитанное не на единичное, а на неоднократное применение.

Однако нельзя абсолютизировать данное условие, поскольку оно не учитывается при криминализации особо опасных деяний. Так, к примеру, необходимость и целесообразность существования ст. 357 УК РФ «Геноцид» никем не оспаривается, хотя о распространенности такого деяния говорить не приходится. Ведь главное в этом принципе – возможность совершения деяния в будущем.

Распространенность деяния также учитывается при определении санкции за его совершение, так как чрезмерное и повсеместное наказание недопустимо.

Большая распространенность преступлений, не обладающих высокой степенью опасности, есть аргумент «за» при возможной декриминализации данной группы преступлений.

При принятии решения о криминализации широко распространенных деяний, возможно, стоит изначально понизить уровень их распространенности не уголовно-правовыми средствами, а уже после того, как деяние потеряет качество повышенной распространенности, ввести на него уголовно-правовой запрет. С первого взгляда это кажется нелогичным: если снижается число таких деяний, то, может, следует продолжать предпринимать меры не уголовно-правового характера для поддержания такой тенденции? Но дело в том, что эффективность таких мер имеет свой предел, они рассчитаны на тех, кому достаточно их применения для прекращения общественно вредной деятельности, к остальным же индивидам следует применять уголовно-правовые меры как более репрессивные и в этом плане более действенные.

Мы не склонны абсолютизировать количественную характеристику понятия «общественной опасности», но и отрицать ее вовсе, с нашей точки зрения, было бы неверным. Думается, что соотношение качественной и количественной характеристик обществен-

ной опасности как основания криминализации для каждого деяния является различным.

Деяние, подлежащее криминализации, не может быть ни всеобщим, ни даже чрезвычайно широко распространенным. В противном случае оно, во-первых, перестает носить характер поведения, отклоняющегося от социальных норм (даже если оно носит общественно опасный характер), во-вторых, уголовно-правовая норма практически бы не действовала в силу того, что с реализацией уголовной ответственности не справилась бы система уголовной юстиции. Яркой иллюстрацией сказанному может служить декриминализация такого деяния, как изготовление и хранение без цели сбыта крепких спиртных напитков домашней выработки, а также аппаратов для их выработки (ч. 1 и 2 ст. 158 УК РСФСР 1960 г.). И наоборот, предусмотренное ст. 197 УК РФ фиктивное банкротство является относительно нераспространенным преступлением в России (факты возбуждения уголовных дел и привлечения лиц, совершивших эти деяния, к уголовной ответственности носят единичный характер), однако вряд ли будет разумной декриминализация данного деяния лишь по этому основанию. На наш взгляд, отсутствие статистической распространенности само по себе не может являться аргументом в пользу декриминализации деяния либо необоснованности его криминализации.

С другой стороны, вряд ли стоит говорить о том, что сама по себе распространенность тех или иных деяний, которые не причиняют существенного вреда общественным отношениям, в современных условиях может являться достаточным основанием для их криминализации. Так, до конца 2003 г. в уголовном законе существовала норма, предусматривавшая ответственность за обман потребителей (ст. 200 УК РФ). В 1997 г. на ее долю приходилось 44% от всего количества уголовных дел, возбужденных в России по преступлениям, предусмотренным гл. 22 УК РФ (а в ней первоначально было 33 статьи), в 1998 г. – 52%, в 1999 г. – 55%, в 2000 г. – 54%, в 2001 г. – 57%, в 2002 г. – 58%. Эти данные, безусловно, подтверждают широкую распространенность данного деяния, в котором законодатель признавал преступным любой обман потребителей, совершенный в значительном размере, т.е. обман, причи-

нивший потребителям ущерб в сумме, превышающей 1/10 минимального размера оплаты труда.

На момент исключения статьи из Уголовного кодекса РФ преступным признавался обман на сумму свыше 60 руб.; с мая 2002 по октябрь 2003 г. – на сумму свыше 45 руб.; с июля 2001 по май 2002 г. – на сумму свыше 30 руб.; с января по июль 2001 г. – на сумму свыше 20 руб.; с июля 2000 по январь 2001 г. – на сумму свыше 13 руб. 20 коп. Приведенные выше суммы рассчитывались в соответствии с Федеральным законом РФ от 19.06.2000 г. № 87-ФЗ, в котором минимальный размер оплаты труда определялся следующим образом: «Установить, что до внесения изменений в соответствующие федеральные законы, определяющие порядок исчисления налогов, сборов, штрафов и иных платежей, исчисление налогов, сборов, штрафов и иных платежей, осуществляемое в соответствии с законодательством Российской Федерации, в зависимости от минимального размера оплаты труда производится с 1 июля 2000 г. по 31 декабря 2000 г. исходя из базовой суммы, равной 83 руб. 49 коп., с 1 января 2001 г. исходя из базовой суммы, равной 100 руб.» (ст. 5)¹. Абсурдность установления уголовного запрета вполне очевидна при знакомстве с приведенными цифрами. Криминализация этого деяния была проведена при отсутствии основания криминализации – общественной опасности деяния.

Обман потребителей представляет собой введение в заблуждение потерпевшего (потребителя) относительно количества или качества реализуемого товара или оказываемой услуги, или их стоимости. Вместе с тем такое, соответствующее букве отмененного закона, понимание обмана потребителей полностью укладывается в понятие преступления против собственности – мошенничества, и при превышении суммой обмана размера одного МРОТ могло и должно было наказываться по ст. 159 УК РФ. При недостижении этого размера следовало говорить о совершении лицом административного правонарушения и привлечении его к административной ответственности по ст. 14.7 КоАП РФ или по ст. 7.27 того же кодекса.

¹ Собрание законодательства РФ. 2000. № 26. С. 2729.

Поэтому представляется верным считать распространенность тех или иных деяний факультативной характеристикой общественной опасности, основу которой составляет опасность причинения вреда общественным отношениям. Иными словами, распространенность тех или иных деяний может выступать в качестве дополнительного, но не определяющего аргумента, обосновывающего необходимость криминализации тех или иных деяний.

Уголовно-политическое соответствие означает, что криминализация (декриминализация) должна соответствовать общему направлению уголовной политики, иначе уголовно-правовая норма работать не будет. В настоящее время уголовная политика в России ориентирована на охрану складывающихся рыночных отношений. В этой связи вполне логичными являются отмена уголовной ответственности за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество (ст. 153 УК РСФСР 1960 г.) и, наоборот, установление уголовной ответственности за злоупотребления при выпуске (эмиссии) ценных бумаг (ст. 185 УК РФ 1996 г.), незаконное использование товарного знака (ст. 180 УК РФ 1996 г.) и др. В последние годы наметилась тенденция сокращения государственного вмешательства в рыночную экономику, что обусловило принятие некоторых федеральных законов. Одним из них был Федеральный закон от 21 ноября 2003 г. № 162-ФЗ, в соответствии с которым были декриминализованы такие деяния, как заведомо ложная реклама (ст. 182 УК РФ) и обман потребителей (ст. 200 УК РФ).

Однако в Уголовном кодексе РФ и в настоящее время есть нормы, которые необходимо декриминализировать. Например, ст. 171 УК РФ (незаконное предпринимательство), как и ряд других статей, как правило, используется в качестве «палки» для выколачивания административной ренты. К действительной охране правопорядка это не имеет никакого отношения. Если предпринимательская деятельность наносит какой-то реальный ущерб жизни, здоровью или имуществу, то для этого имеются другие статьи УК РФ, по которым виновный будет нести ответственность вне зависимости от того, действовал ли он как предприниматель или как обычный гражданин. Ежегодно по ст. 171 УК РФ осуждаются

порядка 10–12 тыс. предпринимателей. В этой связи возникает вопрос: в ком нуждается страна в большей мере – в бизнесменах или осужденных?

Возможность воздействия на определенный вид общественно-опасного поведения другими, не уголовно-правовыми средствами. Противодействие некоторым видам социально-отклоняющегося поведения с помощью уголовного права невозможно (например, алкоголизм, бродяжничество, проституция и др.). В этой связи следует применять меры административного, гражданского и других отраслей права, а сами деяния не следует криминализировать. Более того, когда для противодействия отдельным преступлениям появляются достаточно эффективные не уголовно-правовые средства, то целесообразна декриминализация таких деяний. Это вытекает из общей политики гуманизма в отношении уголовного законодательства и снижения по мере возможности его репрессивности. Следует учитывать, что декриминализация далеко не всегда означает разрешение совершения определенных деяний, часто она указывает на изменение характера социального контроля над такими деяниями.

Невозможность воздействия на определенный вид общественно-опасного поведения другими, не уголовно-правовыми средствами. Под другими мы понимаем как правовые, так и неправовые средства. Говоря о правовых средствах, отметим отсутствие эффективных норм в других отраслях права. Игнорирование этого обстоятельства приводит к снижению эффективности борьбы с определенными видами общественно-опасного поведения в целом. Например, ч. 2 ст. 85 УК РСФСР 1960 г. предусматривала уголовную ответственность лишь за факт создания угрозы наступления тяжких последствий в результате нарушения безопасности движения и эксплуатации транспорта. Из-за суровости этой нормы ведомственные комиссии производили проверки по таким фактам, но не передавали материалы этих проверок в правоохранительные органы, принимая, как правило, меры дисциплинарного воздействия к нарушителям. Между тем борьба с этими нарушениями могла вестись мерами административно-правового характера. В действу-

ющей редакции ст. 263 УК РФ отсутствует уголовная ответственность за данное деяние.

Обязательный учет возможностей системы уголовной юстиции означает, что существующая в обществе система готова к криминализации конкретного деяния: его регистрации, раскрытию, расследованию и осуждению лица, совершившего это деяние. Данное условие означает также, что система способна справиться с дополнительной работой (пропускные возможности позволяют) при обязательном соблюдении режима законности.

Соответствие криминализации наличию в обществе социально-экономических (прежде всего материальных) ресурсов. Криминализация любого общественно опасного деяния требует дополнительных расходов государства. Отсутствие средств на ее реализацию в практической деятельности органов уголовной юстиции может негативно сказаться на организации борьбы с преступностью в целом. Если нет средств в государстве, то деяние нельзя криминализировать, а в ряде случаев необходимо идти и на декриминализацию. С этой точки зрения представляется правомерной декриминализация бродяжничества и попрошайничества (ст. 209 УК РСФСР 1960 г.) в конце 1991 г. Общество было не в состоянии обеспечить действенные социальные, экономические, организационные, правовые гарантии права граждан на труд, на жилье. В условиях обвального спада производства, начавшейся безработицы было очевидно, что число людей, ведущих паразитический образ жизни, будет возрастать. Всех бродяг и попрошаек не смогли бы вместить все имевшиеся тогда в стране исправительные учреждения, которые уже в то время не могли занять общественно полезным трудом отбывавших в них наказания лиц, совершивших более опасные для общества преступления.

*Учет соотношения положительных и отрицательных последствий криминализации*¹. Криминализация допустима только тогда, когда есть убеждение, что ее положительные результаты превзойдут

¹ Изменения в уголовном законе всегда влекут последствия социально-правового характера, которые необходимо учитывать при криминализации. См. подробнее: Клейменов М.П. Уголовно-правовое прогнозирование. Томск, 1991. С. 10–11.

неизбежные отрицательные последствия. Поэтому важно учитывать весь «веер» неизбежных негативных последствий криминализации: социальных, экономических, политических и т.д.

Особенно наглядно негативные последствия криминализации выражаются в следующем за этим процессом наказанием в виде лишения свободы. Общество лишь в определенной мере решает проблему безопасности, изолируя преступника. Одновременно оно несет большие затраты на его содержание, разрывает существовавшие социально полезные связи осужденного с этим обществом, а не только его негативные связи. Разрыв первых с точки зрения достижения целей, стоящих перед уголовным наказанием, нежелателен. Однако при лишении свободы избежать этого практически не удастся. Говоря о разрыве второго типа связей (негативных), нужно помнить, что государство, принудительно помещая преступника в места отбывания уголовного наказания, вводит его в концентрированную негативную среду, являющуюся благоприятным условием для передачи криминального опыта и формирования антиобщественных ориентаций. Следует также учитывать, что государство не только избавляет общество от преступника, изолируя его от общества и помещая в специальные учреждения, но в значительной мере оно (государство) лишает семью кормильца, производство – работника и т.д.

Неэффективность действующих уголовно-правовых норм как условие декриминализации.

По мнению многих исследователей, эффективность уголовного законодательства напрямую связана с теми задачами, которые перед ним стоят. Если эти задачи выполняются, то можно говорить об эффективности уголовного закона, если не выполняются – о его неэффективности. Учитывая некорректность поставленных задач (например, как можно ставить перед уголовным законом задачу обеспечения мира и безопасности человечества, которая, на наш взгляд, должна стоять перед государством в целом или перед всем мировым сообществом), неопределенность адресатов уголовного закона, можно утверждать, что его эффективность не может быть связана с задачей охраны каких-либо ценностей (личности, общества, государства). Такая задача никогда не может быть решена.

Задача, которая должна стоять перед уголовным законом, – *предупреждение преступлений*. В этой связи эффективность уголовного закона будет напрямую зависеть от трех составляющих: эффективности криминализации, эффективности конструирования норм уголовного права, эффективности правоприменения.

Эффективной можно считать такую криминализацию, которая *отражает реальную общественную опасность деяния*, а не виртуальную, придуманную кем-либо. С учетом сказанного из действующего Уголовного кодекса РФ многие деяния, не представляющие общественной опасности, но признаваемые в настоящее время преступными, должны уйти в административное, гражданское, таможенное, налоговое и другое законодательство.

Эффективно сконструированная норма уголовного права предполагает четкие, понятные всем формулировки.

Эффективное правоприменение предполагает стремление к максимально полной реализации принципов дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности в отношении лиц, совершивших преступления, и внимание государства к нуждам правоприменителей.

Учет исторического и международного опыта в области криминализации (декриминализации) таких же или подобных деяний. Если криминализация какой-либо группы деяний прошла неудачно в другом государстве (особенно если его правовая система близка к российской), то не следует повторять попытку. Но и нельзя безоговорочно перенимать зарубежный опыт без национальной специфики. Обратимся к опыту Нидерландов в области легализации легких наркотиков. Действительно, приобретение, перевозка, хранение некоторых видов наркотических веществ (изготавливаемых из конопли) не представляет высокой общественной опасности, т.е. и у нас существует основание для декриминализации некоторых видов деяний, связанных с этими наркотиками (легкие наркотики не приносят большого вреда организму человека). Но декриминализировать данные деяния по примеру Нидерландов было бы поспешным, здесь нецелесообразность легализации определяет условие готовности общественного сознания к данному решению. Возможно, когда-нибудь российское уголовное законодательство и последует по этому пути. (Кстати, по данно-

му примеру можно судить о том, как условия, определяя нецелесообразность декриминализации при наличии ее необходимости, в конечном итоге препятствуют отмене уголовно-правового запрета.)

Представляется, что зарубежный опыт хорош, когда он используется с учетом национальных условий (экономических, политических, правовых, исторических). В противном случае даже те правовые институты, которые сыграли положительную роль в противодействии преступности в других странах, в России могут дать отрицательный результат.

И все-таки не следует отвергать возможность построения уголовно-правовых норм по образцу норм, принятых в других странах. В качестве примера успешного моделирования отечественных уголовно-правовых норм на основе зарубежного права можно назвать закрепление реального принципа действия уголовного закона в ч. 3 ст. 12 УК РФ. Актуальным и своевременным видится включение в УК РФ гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», которая также во многом была подготовлена с учетом зарубежного уголовного законодательства.

В настоящее время достаточно активно идет процесс включения положений международного права в российскую правовую систему. Однако Россия, являясь субъектом международного права, в разной мере проводит их в жизнь.

7.6. Формы криминализации (декриминализации) деяний

Понятие «форма» имеет долгую историю развития, в нем соединилось множество интерпретаций от эйдоса как идеи, образца, образа до внешнего вида, наружности, абриса объекта или какого-либо явления.

Современное понимание терминов «содержание» и «форма» носит материалистический характер. Философский энциклопедический словарь определяет их как философские категории, во взаимосвязи которых содержание, будучи определяющей стороной целого, представляет собой единство всех составных элементов объекта, его свойств, внутренних процессов, связей, противоречий

и тенденций, а форма является способом существования и выражения содержания. Термин «форма» употребляется также для обозначения внутренней организации содержания и связан, таким образом, с понятием структуры.

Во взаимоотношении содержания и формы содержание представляет подвижную, динамичную сторону целого, а форма охватывает систему устойчивых связей предмета. Возникающее в ходе развития любого явления несоответствие содержания и формы в конечном счете разрешается «сбрасыванием» старой и возникновением новой формы, адекватной развившемуся содержанию.

Большая советская энциклопедия содержит следующие толкования понятия «форма»:

- очертания, внешний вид, контуры предмета;
- внешнее выражение какого-либо содержания;
- приспособление для придания чему-либо определенных очертаний.

По мнению известного философа А.А. Грицанова, форма как философская категория совместно с другой философской категорией – содержанием – характеризует «отношения между способом организации вещи и собственно материалом, из которого данная вещь состоит»¹.

Из приведенных определений видно, что, по мнению современных философов, форма – это именно внешняя характеристика определенного явления, «внешний абрис объекта или внутренний абрис связи его элементов». Форма вместе с тем должна отражать содержательную часть рассматриваемого явления и иметь качество универсальной.

Отметим, что категорию «форма» следует считать многоаспектной. Семантически понятие «форма» – это и «вид, тип, устройство, структура, внешнее выражение чего-нибудь, обусловленные определенным содержанием»².

Таким образом, понятие «форма» должно обозначать способ существования определенного содержания, т.е. все варианты, которыми может быть представлено вове конкретное содержание.

¹ Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск, 1998. С. 631.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1978. С. 786.

Отметим, что, рассматривая конкретные формы как результат криминализации (декриминализации), мы в большей мере будем обращать внимание на те изменения, которые, на наш взгляд, были криминологически или плохо обоснованы, или вообще не обоснованы.

Изменение норм Общей части Уголовного кодекса происходит за счет определения общих оснований, принципов, условий и пределов уголовной ответственности.

Здесь имеются в виду изменения таких ключевых институтов Общей части, как возраст, вина, соучастие, множественность и т.д. Кроме того, изменения общих принципов уголовного закона могут расширять круг уголовно-правовых запретов либо, наоборот, сужать его.

Примером такого изменения общих принципов является следующая факт. УК РСФСР 1922 г. закреплял принцип аналогии применения уголовного закона. Статья 10 УК РСФСР 1922 г. содержала положение о том, что в случае отсутствия в УК прямых указаний на отдельные виды преступлений наказание или иные меры социальной защиты применяются в соответствии со статьями УК, предусматривающими наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением норм Общей части кодекса. Данный принцип был направлен на повышение уровня репрессивности уголовного закона в обход принципа законности. В дальнейшем (УК РСФСР 1926 г., УК РСФСР 1960 г.) от этого принципа отказались. Более того, ч. 2 ст. 3 УК РФ 1996 г. закрепила положение, в соответствии с которым применение уголовного закона по аналогии не допускается. Данное положение существенно сужает рамки уголовно-правового воздействия, т.е. декриминализирует деяния, близкие к предусмотренным в УК РФ составам и могущие быть признанными преступлениями.

Другим примером изменения Общей части является изменение возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Так, сравнивая ст. 10 УК РСФСР 1960 г. и ст. 20 УК РФ 1996 г. применительно к преступлениям, ответственность за которые предусматривалась к лицам, не достигшим возраста 16 лет, можно отметить, что УК РСФСР 1960 г., в отличие от УК РФ 1996 г., предусматривал уголовную ответственность таких лиц за убийство в состоянии

сильного душевного волнения (ст. 104 УК РСФСР), убийство при превышении пределов необходимой обороны (ст. 105 УК РСФСР), легкое телесное повреждение или побои (ст. 112 УК РСФСР). Действующий УК РФ декриминализировал эти деяния для лиц в возрасте 14–15 лет. В то же время УК РФ 1996 г. предусматривает ответственность 14–15-летних за похищение человека (ст. 126 УК РФ), вымогательство (ст. 163 УК РФ), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ), т.е. на эти деяния был установлен уголовно-правовой запрет для лиц данной возрастной группы, что является криминализацией деяний.

И криминализация, и декриминализация деяний будут эффективными только тогда, когда они не нарушают существующую систему взаимосвязей уголовно-правовых норм, в противном случае возникают противоречия, препятствующие реализации задач, стоящих перед уголовным законом.

Еще одним примером изменения в Общей части УК РФ может служить установление в ст. 30 УК РФ, в отличие от УК РСФСР 1960 года, положения, что уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжким и особо тяжким преступлениям.

Примером декриминализации путем изменения Общей части УК может являться исключение из уголовного кодекса такой формы множественности преступлений, как неоднократность, которая широко использовалась в качестве квалифицирующего признака многих составов преступлений.

Утратившая силу ст. 16 УК РСФСР содержала определение неоднократности преступлений, которое включало в себя и некоторые признаки совокупности преступлений, что вызывало определенные затруднения при квалификации общественно опасных деяний. Представляется бесспорной целесообразность отказа законодателя от использования неоднократности в качестве квалифицирующего признака, поскольку основания уголовной ответственности для лиц, неоднократно совершивших преступления, и лиц, совершивших их впервые, не могут быть различными. Отличие заключается лишь в том, что при повторении преступлений помимо оснований уголовной ответственности есть основание более

строгой ответственности по сравнению с лицом, впервые совершившим преступление¹.

Основание повышенной уголовной ответственности при неоднократности лежит в большей мере в признаках, характеризующих личность человека, совершившего эти преступления, а не его деяния, что обусловило отказ законодателя от определения неоднократности в Общей части УК РФ и использования неоднократности в статьях Особенной части УК РФ в качестве квалифицирующего признака, ибо квалифицирующие признаки должны отражать повышенную общественную опасность деяния (а не личности виновного) по сравнению с деяниями, не обладающими этими признаками.

Исключив из уголовного кодекса неоднократность, законодатель расширил понятие совокупности: в соответствии со ст. 17 УК РФ совокупностью преступлений признается совершение двух и более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено.

Статья 17 УК РФ в современной редакции с учетом внесенных в нее изменений, на наш взгляд, соответствует принципам уголовного права, чего не скажешь о ст. 18 УК РФ.

Хотя законодательное определение рецидива и претерпело существенные изменения, однако в целом его уголовно-правовое определение и оценка остались неизменными. В частности, в соответствии с ч. 5 ст. 18 УК РФ «рецидив преступлений влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных настоящим кодексом», а п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ, как и ранее, предусматривает рецидив преступлений в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Вместе с тем рецидив преступлений в настоящее время исключен как квалифицирующее обстоятельство из всех составов преступлений, в которых он ранее был предусмотрен, как и неоднократность преступлений.

Ранее дифференциация уголовной ответственности за рецидив преступления предполагала ее усиление по двум направлениям. Во-первых, повышение минимума и максимума санкций за преступление с квалифицированным составом по признаку рецидива.

¹ См.: Филимонов В.Д. Общественная опасность личности отдельных категорий преступников. Томск, 1973. С. 42.

Во-вторых, повышение минимума санкций с учетом вида рецидива в соответствии со ст. 68 УК РФ. В настоящее время дифференциация уголовной ответственности за рецидив преступления предполагает только одно направление – повышение минимума санкции, предусмотренной за совершенное преступление. В соответствии с ч. 2 ст. 68 УК РФ «срок наказания при любом виде рецидива преступлений не может быть менее одной третьей части максимального срока вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего кодекса». Если применить это положение, например, к рецидивному убийству, предусмотренному ч. 1 ст. 105 УК РФ, то наказание за него может быть назначено в виде лишения свободы на срок не ниже пяти лет (пять лет - это третья часть от предусмотренной в законе максимальной санкции – пятнадцать лет), тогда как минимум этой санкции – шесть лет лишения свободы. Аналогичная ситуация имеет место применительно к совершению других преступлений, например при совершении рецидивного разбоя (ч. 1 ст. 162 УК РФ).

Логика положений уголовного закона в старой редакции в плане дифференциации уголовной ответственности за рецидив преступлений была понятной: чем опаснее рецидив, тем выше минимальные размеры санкции. Сегодняшняя ситуация лишена какой-либо логики.

Следующим примером изменения Общей части является новая редакция ч. 4 ст. 35 УК РФ. На протяжении ряда лет (с января 1997 по ноябрь 2009 г.) под преступлением, совершенным преступным сообществом (как одной из форм соучастия) понималась сплоченная организованная группа (организация), созданная для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединение организованных групп, созданных в тех же целях. В соответствии с Федеральным законом РФ от 03.11.2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в ч. 4 ст. 35 УК РФ были внесены изменения. В соответствии с действующей редакцией под преступным сообществом понимается структурированная организованная группа или объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения од-

ного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Во-первых, «организованная структурированная группа» ничем не отличается от «организованной группы»¹.

Во-вторых, некорректно определять преступное сообщество через направленность его цели на совершение тяжких либо особо тяжких преступлений.

В-третьих, необоснованно указывать в качестве цели преступного сообщества стремление получать прямо или косвенно финансовую или иную материальную выгоду. Слишком узкое определение без учета реально существующих в жизни целей, к достижению которых могут стремиться организованные преступные группы.

Для криминализации и декриминализации деяний характерны различные формы *изменения норм Особенной части УК*.

Применительно к криминализации изменения уголовного закона заключаются в признании определенных общественно опасных деяний преступными путем закрепления признаков составов соответствующих преступлений. Такие изменения могут происходить несколькими путями.

1. *Включение в УК РФ новых составов преступлений*. Так, Федеральным законом РФ от 19.06.2001 г. № 83-ФЗ Уголовный кодекс РФ был дополнен ст. 215.2 «Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения». Федеральным законом РФ от 25.07.2001 г. № 112-ФЗ в Особенную часть УК РФ были внесены ст.ст. 282.1 и 282.2 «Организация экстремистского сообщества» и «Организация деятельности экстремистской организации». Федеральным законом от 04.03.2002 г. № 23-ФЗ была введена ст. 185¹ «Злостное уклонение от предоставления инвестору или контролирующему органу информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах». Федеральным законом РФ от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ гл. 17 УК РФ пополнилась двумя новыми статьями. Статья 127.1 в части первой (торговля людьми) предусматривает ответственность за торговлю людьми, т.е. куплю-

¹ См.: Прокументов Л.М. Групповое преступление: вопросы теории и практики. Томск, 2010. С. 17–19.

продажу человека либо его вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение, совершенное в целях эксплуатации, а в частях второй и третьей этой статьи предусматривалась ответственность за то же деяние при квалифицирующих обстоятельствах. Статья 127.2 предусматривала ответственность за использование труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, в случае если лицо по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг), а в частях второй и третьей данной статьи предусматривалась ответственность за то же деяние при квалифицирующих обстоятельствах.

Федеральным законом от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ в УК РФ были введены новые статьи, предусматривающие ответственность за мошенничество в различных сферах: ст. 159¹ – мошенничество в сфере кредитования; ст. 159² – мошенничество при получении выплат; ст. 159³ – мошенничество с использованием платежных карт; ст. 159⁴ – мошенничество в сфере предпринимательской деятельности; ст. 159⁵ – мошенничество в сфере страхования; ст. 159⁶ – мошенничество в сфере компьютерной информации.

2. *Введение новых квалифицирующих обстоятельств.* Например, в соответствии с Федеральным законом от 31.10.2002 г. в ч. 2 ст. 158 УК РФ было введено новое квалифицирующее обстоятельство – совершение кражи группой лиц, однако Федеральным законом от 08.12.2003 г. оно было исключено, поскольку в реальной жизни эта форма соучастия встречается крайне редко. В соответствии с Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ ч. 2 ст. 158 УК РФ была дополнена пунктом «г» – кража, совершенная из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем.

Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ в ст.ст. 159, 160, 161, 162, 163 УК РФ были внесены изменения, заключающиеся в перераспределении квалифицирующих обстоятельств между разными частями указанных статей, в частности появление в них частей четвертых (ранее такая была только в ст. 158 УК РФ), что было вызвано главным образом введением нового квалифицирующего обстоятельства – особо крупный размер хищения.

3. *Расширение рамок хотя бы одного из элементов уже имеющих составов преступлений или появление новых признаков этих элементов.* Чаще таким изменениям подвержены объективная сторона преступления и субъект преступления. Это происходит вследствие:

– увеличения круга потерпевших. Примером такой криминализации может служить изменение, внесенное в ст. 321 УК РФ Федеральным законом от 09.03.2001 г. № 25-ФЗ, расширившее круг потерпевших от деятельности, направленной на дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества за счет включения близких сотрудника места лишения свободы или содержания под стражей;

– расширения рамок состава преступления за счет включения новых способов совершения преступления. Так, Федеральный закон от 19.06.2001 г. № 84-ФЗ в ст. 335 ввел такие способы, как разработка и накопление оружия массового поражения;

– увеличения круга субъектов преступления. Так, в соответствии с Федеральным законом от 25.06.1998 г. № 92-ФЗ в ст. 188 УК РФ субъектами преступления стали признаваться физические лица (а не только граждане, как было в старой редакции), а в соответствии с Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 169-ФЗ ст. 178 УК РФ была дополнена признаком «с использованием своего служебного положения».

4. *Расширение в составе предмета преступления.* Так, Федеральный закон от 25.06.1998 г. № 92-ФЗ расширил предмет преступления, предусмотренный ст. 189 УК РФ, за счет включения в него незаконного экспорта сырья, материалов и оборудования, изменения количественных признаков составов экономических преступлений.

Применительно к декриминализации деяний характерны следующие формы изменения уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ:

1. *Исключение конкретных составов преступлений из УК РФ.* Так, в соответствии с Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 169-ФЗ из УК РФ была исключена ст. 200, которая предусматривала ответственность за обман потребителей. То же самое произошло со ст. 182 «Завуалированная ложная реклама».

2. Сужение рамок составов преступлений:

- сужение круга потерпевших;
- сужение круга субъектов преступлений;
- изменение характера и объема последствий, предусмотренных конкретным составом;
- уменьшение способов совершения преступлений;
- увеличение обязательных признаков объективной стороны деяния, благодаря чему деяния, обладающие всеми признаками, предусмотренными старой нормой, но не обладающие новыми признаками, будут декриминализованы;
- исключение из Особенной части основного состава преступления и оставление состава преступления с отягчающими обстоятельствами в качестве основного;
- исключение альтернативных элементов состава преступления;
- изменение характера и объема последствий, предусмотренных конкретным составом, уменьшение способов совершения преступлений, увеличение обязательных признаков объективной стороны преступления, благодаря чему деяния, обладающие всеми признаками, предусмотренными старой нормой, но не обладающие новыми признаками, будут декриминализованы.

Отметим, что криминализация и декриминализация могут происходить путем внесения изменений не только в уголовный закон, но и в другие нормативные акты. В данном случае речь идет о так называемых бланкетных (отсылочных) нормах.

Названные выше формы криминализации (декриминализации) деяний не являются исчерпывающими. Выбор конкретной формы зависит от многих обстоятельств, в том числе и от того, насколько изменения, вносимые в уголовный закон, способствуют снятию существующих в Уголовном кодексе РФ противоречий и сохранению его целостности и имеющей место непротиворечивости.

7.7. Криминализация и декриминализация деяний как средство выражения уголовно-правовой политики

Рассматривая вопрос о значении криминализации и декриминализации деяний, необходимо обратиться к задачам, стоящим перед

уголовным законом. Одной из этих задач, согласно ч. 1 ст. 2 УК РФ, является предупреждение преступлений. Таким образом, устанавливая или отменяя уголовно-правовой запрет, законодатель должен способствовать решению данной задачи. Предупреждение преступности с помощью уголовного права достигается по двум направлениям:

1) уголовный закон является правовой основой деятельности органов уголовной юстиции.

2) уголовный закон выполняет общепреventивную функцию, т.е. является средством общего предупреждения преступлений, непосредственно влияя на индивидуальное сознание и поведение граждан.

Говоря о значении криминализации и декриминализации деяний, необходимо иметь в виду, что эти процессы являются главным способом выражения уголовно-правовой политики государства¹. Криминализация и декриминализация деяний, являясь постоянными спутниками уголовного закона, во многом определяют содержание и основные направления уголовно-правовой политики, осуществляемой в стране.

Являясь подсистемой системы более высокого уровня – уголовной политики в стране – уголовно-правовая политика как через нее, так и непосредственно связана не только с общей политикой государства, но и с ее отдельными сферами: экономической, демографической, социальной и т.п. В свою очередь, уголовная политика является составной частью политики в сфере укрепления законности и правопорядка, под которой следует понимать те основные шаги, которые государство предпринимает при создании и применении норм, институтов, отраслей права, в организации и деятельности государственных органов и учреждений, формировании и развитии правосознания граждан. Эта политика реализуется в трех основных направлениях деятельности государства:

¹ См.: Голик Ю.В., Коробеев А.И. Преступность – планетарная проблема. СПб., 2006. С. 52–53; Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск, 2012; Уголовное право. Общая часть / под ред. В.А.Уткина, А.В. Шеслера. Томск, 2016. С. 47–48.

а) правотворчестве, б) правоприменении, в) формировании и развитии правосознания и правовой культуры граждан.

Уголовно-правовая политика считается основным, доминирующим элементом уголовной политики, так как именно она в виде уголовно-правовых запретов устанавливает направления воздействия на преступность и наказания для преступников. Уголовный закон, устанавливая, какие деяния являются преступными, предопределяет основные показатели преступности (состояние, структуру) и необходимые меры ее предупреждения. Объявляя то или иное деяние преступлением, государство берет на себя обязанность воздействовать на лицо, его совершившее, с помощью специальных мер государственного принуждения, тем самым создавая основания для осуществления уголовно-процессуальной политики.

Уголовно-правовая политика представляет собой ориентацию деятельности государства на предупреждение преступности специфическими уголовно-правовыми средствами, в частности:

- определение основных принципов уголовно-правового воздействия на преступность;

- установление круга общественно опасных деяний, признаваемых преступлениями, и исключение тех или иных деяний из числа преступлений;

- установление характера наказуемости общественно опасных деяний и условий освобождения от уголовной ответственности и наказания;

- определение альтернативных наказанию мер уголовно-правового воздействия, а также мер, применяемых наряду с наказанием.

Другими словами, об уголовно-правовой политике можно говорить, с одной стороны, как об определении пределов использования, места, роли уголовного закона в предупреждении преступности, с другой стороны, как о выработке содержания и форм деятельности органов уголовной юстиции по созданию и применению норм уголовного права в предупреждении преступности.

Таким образом, можно утверждать, что криминализация (декриминализация) общественно опасных деяний является одним из средств осуществления уголовно-правовой политики. Вместе с тем

следует отметить взаимовлияние уголовно-правовой политики и уголовного закона: с одной стороны, изменения уголовно-правовых норм формируют уголовно-правовую политику, с другой – направления уголовно-правовой политики задают тенденции, в соответствии с которыми происходят процессы криминализации и декриминализации.

В числе прочего процессы криминализации и декриминализации деяний выполняют ценностно-ориентационную функцию уголовного права. Эта функция заключается в том, что уголовное право, устанавливая запреты и предусматривая наказания за их нарушения (отменяя уголовно-правовые запреты), дает в специфической, негативной форме оценку общественным отношениям, которые ставятся под охрану. Криминализируя деяние, государство тем самым дает ему крайнюю негативную оценку, причисляет лиц, его совершивших, к разряду преступников. Уголовное право тогда выполняет свои политические задачи, когда, объявляя то или иное общественно опасное деяние преступлением, воспитывает граждан в духе точного и неукоснительного соблюдения законов и тем самым предупреждает совершение правонарушений. Исключая же какое-то деяние из сферы уголовно-правового регулирования, законодатель дает ему одну из следующих оценок:

- деяние является полезным;
- деяние является недостаточно общественно опасным;
- деяние является нейтральным для закона.

Декриминализация также влечет за собой следующие политические последствия:

1. Уголовное законодательство освобождается от норм с очень низкой эффективностью.

2. Проводится адекватная реакция государства на деяния с недостаточной степенью общественной опасности, т.е. вместо уголовной ответственности применяются иные правовые меры принуждения.

3. Вследствие уменьшения числа уголовно наказуемых деяний возрастает эффективность применения оставшихся норм, повышается раскрываемость реально более опасных деяний, что способствует обеспечению принципа неотвратимости ответственности.

4. Иногда ослабевает социальная напряженность в обществе вследствие того, что некоторые деяния получили признак правомерности и теперь могут совершаться открыто и без опаски.

5. Согласно ст. 10 УК РФ уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, т.е. распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих или отбывших наказание, но имеющих судимость. Таким образом, декриминализация ведет к снижению числа лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, т.е. появляется определенное количество «свободных» граждан, способных к полноценной социальной жизни, включающей в себя семью, работу и т.п. В то же время снижается наполняемость пенитенциарных учреждений, что может привести к более свободному их функционированию как со стороны администрации, так и со стороны осужденных. Прекращение же уголовных дел по расследованию определенных категорий преступлений ведет и к изменению политики в деятельности органов предварительного следствия и дознания.

Криминализация обуславливает наличие процессов, связанных:

- с обеспечением повышенной охраны прав и интересов граждан и государства;
- с возможностью изоляции социально опасных лиц от общества;
- с возможностью исправления данных лиц в духе соблюдения законности;
- с обеспечением социальной справедливости.

При криминализации государство, устанавливая уголовно-правовой запрет, действительно необходимый обществу, тем самым поднимает свой авторитет в глазах граждан. Правильная, адекватная деятельность государства в области криминализации создает основу доверительного отношения граждан к закону и нетерпимого отношения к его нарушениям. Граждане получают реальную возможность защиты своих прав и интересов.

Напротив, чрезмерная криминализация может привести к тому, что противоправность деяния будет закреплена только в законе, не будут приниматься меры по реализации новых уголовно-правовых

предписаний, что является предпосылкой к снижению авторитета государства. При низком уровне действия уголовно-правовых запретов создается впечатление о бессилии государства в области противодействия преступности, что может повлечь увеличение числа нарушений закона со стороны граждан, уверенных в своей безнаказанности.

Правильно выбранный баланс криминализации и декриминализации отдельных деяний позволяет четко определить позицию государства в предупреждении преступлений. Концепция уголовно-правовой политики средствами криминализации и декриминализации, указывает Э.Ф. Побегайло, должна основываться на четком и ясном понимании того, каких изменений в состоянии, структуре и динамике преступности можно будет добиться, совершенствуя соответствующие правовые институты и уголовно-правовые нормы. Иначе нельзя исключать решений, которые могли бы осложнить обстановку в стране, вызвать рост рецидивной преступности и отрицательно повлиять на состояние общего порядка¹.

Таким образом, можно сказать, что уголовно-правовая политика посредством криминализации и декриминализации определяет место государства в сфере противодействия преступности, выступает гарантом укрепления законности в обществе. От обоснованной и грамотно проводимой в стране уголовно-правовой политики зависит эффективность уголовного законодательства и его реализации в деятельности сотрудников органов уголовной юстиции.

¹ См.: Побегайло Э.Ф. Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. М., 1994. С. 23.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая настоящую работу, авторы надеются, что она будет полезна не только для студентов высших учебных заведений, но и для практических работников, чья жизнь тесно связана с защитой государства, общества и каждого человека от одного из самых опасных явлений социальной девиации – преступности. Необходимую информацию об особенностях современной преступности почерпнут для себя и те, кто занимается научными исследованиями проблем преступности, а также все, кому небезразлична судьба российской государственности.

Материалы книги могут быть использованы для подготовки студентов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Национальная безопасность», «Правоохранительная деятельность». С учетом требований современной системы образования в ней нашли отражение ключевые понятия, используемые в современной криминологической науке.

Сочетание статистического, динамического и аналитического подходов в формировании содержательной части книги позволили авторам не только дать всестороннюю картину криминологической науки, но и отразить наиболее актуальные проблемы ее сегодняшнего состояния, а также охарактеризовать основные направления возможного развития.

Помимо применения настоящей работы для целей образования, ее материалы могут быть полезными и для подготовки практических предложений по совершенствованию существующей системы противодействия преступности. Это обусловлено тем, что, несмотря на высокую степень изменчивости современной преступности, быструю ее адаптацию к внешним условиям, грамотные, целенаправленные действия конкретных субъектов предупреждения способны достаточно эффективно защищать государство и общество от ее деструктивных посягательств.

Учебное издание

**ПРОЗУМЕНТОВ Лев Михайлович
ШЕСЛЕР Александр Викторович**

**КРИМИНОЛОГИЯ
(Общая часть)**

Учебное пособие

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 16.10.2017 г. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 16,5. Тираж 200 экз. Заказ № 2622.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–53-15-28
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978–5–94621–638–8

9 785946 216388